

ISSN 1857-2685

Русь

№ 2 (8) 2007

Общественная организация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства
Лавра, первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2007, № 2 (8)

Кишинев

Общественная организация
“Русь”

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук С. Суляк,

главный редактор (Молдавия)

доктор истории П. Шорников,

заместитель главного редактора (Молдавия)

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падык (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

М. Шарга (Украина)

© Общественная
организация «Русь», 2007

© Издательский дом
«Татьяна», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы международной научно-практической конференции «Русская культура - многовековое достояние народов Молдавии»

Вступительное слово	5-6
Программа конференции	7-8
Николай РУССЕВ Житие Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства ...	9-19
Михаил ЮРАСОВ Влияние поисков венграмми новой родины на освоение восточными славянами междуречья Днестра и Прута	20-25
Роман РАБИНОВИЧ Карпато-Днестровские земли и Киевская Русь: особенности взаимодействия	26-36
Игорь ПИВОВАР Законодательство Республики Молдова в области межэтнических отношений: перспективы развития	37-50
Татьяна ЗАЙКОВСКАЯ Значимость слова в процессе межкультурной коммуникации	51-55
Владимир АНИКИН Русский язык как важный элемент гимназического образования в Бессарабии (XIX – начала XX в.)	56-63
Алексей РОМАНЧУК Языковые данные к истории некоторых групп украинского населения Орхейских Кодр	64-79
Иван СИМЕОНОВ Деятель духовного пробуждения болгар	80-82
Сергей ПОЖАР «Если бы все могли так повсюду устраивать музыкальное дело» (В.И. Ребиков и Кишинев)	83-96
Вера ТУДОСЕ Взаимодействие русского языка и культуры с другими языками и культурами в полиэтничной Молдавии	97-106

Наталья КИБЛИК Русский фольклор кишиневцев	107-113
Светлана АНТИПОВА Русский язык села Семёновка района Штефан - Водэ Республики Молдова	114-120
Юрий ИВАНОВ Некоторые мифологические и религиозные представления русинов Молдавии о родном языке.....	121-137
Степан БУЛГАР Гагаузские просветители, писатели, ученые XIX - начала XX в. и роль русского языка в духовном развитии гагаузов	138-155

История русинов

Любомир МЕДСШИ Америцки руснаци през свою пресу	156-182
--	---------

Публицистика

Юрий ИВАНОВ Русины всех стран объединяются	183-185
Сведения об авторах и членах редколлегии	186-191

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках очередной номер международного исторического журнала «Русин». В этом номере опубликованы в основном материалы международной научно-практической конференции «Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии», которая прошла по инициативе Общественной организации «Русь» 14-15 июня 2007 г. в Кишиневе. Часть материалов конференции будет опубликована в следующем номере журнала.

Этот номер журнала, как и предыдущий, издан и разослан по учебным заведениям с русским языком обучения за счет личных средств членов Общественной организации «Русь».

По финансовым причинам мы смогли разослать журнал гораздо меньшему количеству школ. Прошлый номер получило 240 учебных заведений.

К сожалению, все заявки, направленные руководством учебных заведений в Посольство Российской Федерации в Республике Молдова с просьбой подписать на журнал «Русин» на 2007 г. в рамках программы помощи соотечественникам, остались неудовлетворенными.

Уважаемые дамы и господа!

Уважаемые коллеги!

Мы с вами собрались, чтобы принять участие в работе международной научно-практической конференции «Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии».

Всех нас объединяет единая принадлежность к Русскому миру. Русский мир – это общая историческая память, культура, язык, религия. Не так давно мы все были в составе единого государства, и в то время многие вопросы, поднимаемые сейчас, были неактуальны: русская культура и язык развивались в союзных республиках гармонично вместе с языками и культурами других национальностей. К сожалению, после распада СССР ситуация кардинально изменилась. И если теперь можно говорить о расширении российского культурного и информационного пространства в странах дальнего зарубежья, к примеру, в Германии, Израиле или, скажем, в далекой Буркина-Фасо, то в отношении постсоветского пространства вопрос уже стоит о его сохранении.

Недавно мы с вами стали свидетелями события, положившего конец разделению Русской православной церкви. 17 мая 2007 г. в храме Христа Спасителя в Москве патриарх Московский и всея Руси Алексий II и первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский Лавр подписали Акт о каноническом общении, устанавливающий нормы взаимоотношений двух русских православных церквей. Одним из активных инициаторов объединения церкви выступил владыка Лавр, по происхождению русин из Словакии. Митрополит Лавр благословил нас в свое время на выпуск международного исторического журнала «Русин». Безусловно, объединение Русской православной церкви укрепит не только позиции русского православия, но и русской культуры в дальнем зарубежье.

Наше мероприятие проводится Общественной организацией «Русь» совместно с Академией наук Молдовы в объявленный президентом России В.В. Путиным Год русского языка. Это не случайно, ведь язык является одним из основных составляющих русской культуры. По данным, опубликованным в журнале «Language Monthly» (№ 3 за 1997), примерно 300 млн. человек по всему миру владеют русским языком (что ставит его на 5-е место по распространенности), из них 160 млн. считают его родным (7-е место в мире). Русский язык — один из шести официальных рабочих языков ООН. Несмотря на сложившуюся в последние годы неблагоприятную ситуацию с функционированием и изучением русского языка в ряде стран СНГ, в том числе и Мол-

давии, согласно данным переписи 2004 г., 380 796 граждан нашей республики признали его своим родным языком, 540 990 – «языком, на котором обычно разговаривают».

Благодаря русскому языку осуществляется экономическая, социально-культурная и информационная связь на всем постсоветском пространстве

В работе нашей конференции приняли участие 33 исследователя. Среди них – 3 депутата парламента Республики Молдова, 8 докторов хабилитат, 15 докторов наук, известные общественные деятели.

Разговор пойдет об истории, сегодняшнем состоянии русской культуры и языка в Молдавии, их юридическом статусе, влиянии русской культуры и языка на культуру проживающих в Молдавии этносов, о вкладе отдельных личностей в русскую культуру, о мерах, необходимых для сохранения и укрепления русской культуры и языка в Молдавии, которые являются многовековым достоянием всех народов, проживающих в нашей стране.

Наш научный форум, несомненно, внесет свою лепту в активизацию исследований русской культуры и языка в Молдавии, будет способствовать выработке путей их сохранения и развития. В последнем должны быть заинтересованы не только мы, сидящие в этом зале, но и правительства Молдавии и России, которым, на наш взгляд, следует разработать для этого соответствующую комплексную программу.

Сергей СУЛЯК,
президент Общественной организации «Русь»,
главный редактор международного
исторического журнала «Русин»

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
« РУССКАЯ КУЛЬТУРА – МНОГОВЕКОВОЕ
ДОСТОЯНИЕ НАРОДОВ МОЛДАВИИ »**

14-15 июня 2007 г.

**Малый зал Академии наук Молдовы
(бул. Штефан чел Маре,1, II этаж).**

Организаторы: Академия наук Молдовы, Общественная организация «Русь».

Тел.: (+37322) 27-02-84, факс: 27-15-15.

e-mail: info@rusyn.md

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ

- 1. Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии.**
Суляк Сергей Георгиевич, доктор истории.
- 2. Русский язык в Республике Молдова: правовой аспект.**
Сидоров Михаил Илларионович, депутат парламента Республики Молдова.
- 3. Карпато-Днестровские земли и Древняя Русь: особенности взаимодействия.**
Рабинович Роман Аронович, доктор истории.
- 4. Взаимодействие русского языка и культуры с другими языками и культурами в полиэтнической Молдавии.**
Тудосе Вера Ивановна, доктор филологии.
- 5. Законодательство Республики Молдова в области межэтнических отношений: перспективы развития.**
Пивовар Игорь Валерьевич, председатель Центра межэтнических исследований Республики Молдова.
- 6. Россия в школьных учебниках.**
Назария Сергей Михайлович, доктор хабилитат истории.
- 7. Наследие старца Паисия Величковского в контексте русской культуры (к 285-летию со дня рождения).**
Клейман Рита Яковлевна, доктор хабилитат филологии.
- 8. Молдаване в творчестве русских писателей и исследователей.**
Стати Василий Николаевич, доктор хабилитат истории.
- 9. Русский язык как важный элемент гимназического образования в Бессарабии (XIX - начала XX в.).**
Аникин Владимир Ильич, доктор хабилитат истории.
- 10. Новогодние песни о "Маланке" русинского происхождения в молдавских селах.**
Мироненко Ярослав Петрович, доктор хабилитат искусствоведения.
- 11. Вклад русских исследователей в становление молдавской этнографической науки.**
Лукьянец Ольга Степановна, доктор истории.
- 12. Значимость слова в межкультурной коммуникации.**
Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии.

13. Статус русского языка в Молдавии: историография вопроса.

Шорников Петр Михайлович, доктор истории.

14. Этнос в иноязычном окружении.

Манторов Олег Григорьевич, депутат парламента Республики Молдова.

15. Языковые данные к истории некоторых групп украинского населения района Орхейских Кодр.

Романчук Алексей Андреевич, доктор истории.

16. Русский язык в средствах массовой электронной информации.

Андон Виктор Данилович, доктор искусствоведения

17. Общество и его историческая память.

Гуцол Николай Федорович, депутат парламента Республики Молдова.

18. Влияние поисков венграми новой родины на освоение славянами междуречья Днестра и Прута.

Юрасов Михаил Константинович (Россия), кандидат исторических наук.

19. Колористическая функция молдавенизма в русской речи Молдавии.

Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии.

20. Русский язык в межкультурной коммуникации.

Млечко Татьяна Петровна, доктор педагогики.

21. Болгары России/СССР и русская культура.

Грек Иван Федорович, доктор истории.

22. По следам В.А. Мошкова: гагаузко-славянские параллели в народной культуре.

Курогло Степан Степанович, доктор истории.

23. Значение исторических имен.

Протоиерей Виталий Шинкарь.

24. Жизнь Григория Цамблака и житие Иоанна Нового.

Руссев Николай Дмитриевич, доктор хабилитат истории.

25. Гагаузские просветители, писатели, ученые (конец XIX-XX век). Роль русского языка в духовном развитии гагаузов.

Булгар Степан Степанович, историк.

26. Еврейская составляющая русской культуры Молдовы.

Шихова Ирина Иммануиловна, доктор филологии.

27. Автохтонисты против миграционистов.

Ткачук Евгений Маркович, главный редактор общественно-политического журнала "Мысль".

28. Деятель духовного пробуждения болгар.

Симеонов Иван (Болгария), доктор истории.

29. Некоторые мифологические и религиозные представления русинов севера Молдавии о родном языке.

Иванов Юрий Васильевич, общественная организация "Русь".

30. Лингвострановедение в процессе изучения русского фольклора в молдавском вузе.

Дамьян Надежда Андреевна, старший преподаватель русского языка.

31. Музыкальное дело устроено основательно (В. Ребеков и Кишинев).

Пожар Сергей Геннадиевич, искусствовед.

32. Русский городской фольклор Кишинева.

Киблик Наталья Николаевна, слушатель магистратуры.

33. Русский язык села Семеновка.

Антипова Светлана Ивановна, учитель русского языка.

Николай РУССЕВ

ЖИТИЕ ИОАННА НОВОГО И ЖИЗНЬ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ РОССИЙСКОГО ИДЕЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Уже шесть столетий православное население исторической Молдавии чтит Иоанна Нового Сучавского (Белгородского). День памяти национального святого – 15 июня – в этом году совпал со временем проведения нашей конференции, посвященной русской культуре как многовековому достоянию народов нашей страны. В связи с этими двумя обстоятельствами моя задача состоит в том, чтобы посмотреть на создание культа Иоанна Нового сквозь судьбу автора жития мученика, знаменитого книжника Григория Цамблака. Считается, что «в эпоху средневековья в литературе на славянских языках не было более крупного и одаренного художника слова». При этом если по языку он, несомненно, является болгаринном, то «по духу и исторической судьбе принадлежит всей Юго-Восточной и Восточной Европе» (Русев 1980: 124, 128).

* * *

Оригинальное агиографическое сочинение с названием «Мучение святого и славного мученика Иоанна Нового, иже в Белграде мучившегося, съписано Григорием мнихом и пресвитером великой церкви молдовлахийской» появилось в начале XV в. История же его героя такова. Греческий купец из Трапезунда прибыл в Белгород на судне, начальником которого был «фряг», приверженный «латинской ереси». Речь идет о католике, по всей видимости, генуэзце – мореходы из Италии часто бросали якорь в порту на Днестровском лимане. Он и оклеветал Иоанна в глазах местного правителя – «епарха города». Объятый завистью к богатству и благонравию православного торговца корабельщик заявил градоначальнику, названному в житийном тексте «персом», что трапезундец желает принять язычество, отказавшись от отеческой веры. Однако на суде епарха Иоанн не только отверг низость вероотступничества, но и смело вступил с ним в религиозную полемику. Как горячий проповедник православия он призвал нечестивца отринути сатанинские заблуждения ради приобщения к

истинному богу. Эти прилюдно произнесенные призывы воспламенили гнев иноверца, поклонявшегося огню, солнцу и утренней звезде. «Перс» приказал истязать купца суковатыми палками. Наступившую ночь связанный веревками израненный трапезундец провел в темнице. И на следующий день православный купец опять решительно отказался покориться персу, который то предлагал услуги пришедших в Белгород с Востока искусных лекарей, то запугивал упорствующего противника еще более страшными пытками. Иоанн, подвергнутый новым жестоким мучениям, под возгласы возмущенной неправедным судом толпы был привязан за ноги к хвосту свирепого коня, который потащил едва живое тело «по всему граду». В довершение местные иудеи надругались над праведником, а один из них отсек ему голову. Сразу же после смерти его брошенным на улице останкам стали сопутствовать чудеса. Это напугало епарха, и он приказал похоронить трапезундца. Православные жители города погребли Иоанна в своей церкви. Прошло более 70 лет после этих событий, прежде чем святые мощи были перенесены в столицу Молдавии Сучаву (Яцимирский 1906: 3-11; Русев, Давидов 1966: 90-109).

Автором жития признан Григорий Цамблак (ср. Năsturel 1971), который по праву считается крупнейшим религиозным, культурным и общественным деятелем целого ряда православных стран эпохи средневековья: Болгарии, Византии, Молдавии, Сербии, Литвы и России. Видный представитель Тырновской книжной школы патриарха Евфимия родился около 1365 г. в болгарской столице. Выходцы из его рода, возможно, имевшего восточнороманское происхождение (Цамблак – «сам влах»), принадлежали высшей аристократии и занимали ведущие государственные посты в Византии, Болгарии и Молдавии. После того, как болгарские земли попали под власть османов (возможно, Григорий был свидетелем осады и взятия Тырново в 1393 г.), он обрелся на Афоне и в Константинополе (СК 1988: 175; Петканова 1992: 115).

В 1401 г. «келейный инок патриарха» Матфея Григорий и дьякон Мануил Архонт были направлены к господарю Александру Доброму (1400-1432) с заданием уладить давний конфликт между вселенской патриархией и молдавской митрополией (Гюзелев 1994: 247-248; Parasca 2002: 76, 97-100). Путь из Византии в столицу Молдавии лежал через Белгород – «Аспрокастро», со слов жителей которого Григорий Цамблак и услышал полулегендарную историю о греческом купце. Важными доказательствами ее истинности, судя по всему, были существовавшие уже тогда культовые места. В греческой церкви на берегу Днестровского лимана над захоронением праведника, погибшего из-за козней католиков, иудеев и язычников-ордынцев, в течение многих де-

сятилетий по ночам не переставали витать огни, а из гроба исходило благоухание. С христианской точки зрения, божественная сила святыни, привлекавшая к себе множество православных паломников, как раз и являлась неоспоримым свидетельством подлинности давних событий.

Вскоре о чудодейственных мученических мощах стало известно «христолюбивейшему и великому воеводе Ио[анну] Александру». Объятый благим желанием господарь по совету «священнейшего архиепископа Иосифа» послал в 1402 г. своих вельмож с большим войском, чтобы они «с великой честью принесли к нему достославное тело мученика». В торжественной обстановке в присутствии народа, светской и духовной знати, припадая к раке святого и обливаясь радостными слезами, молдавский правитель встретил процессию. Правитель провозгласил погибшего за веру греческого купца «хранителем своей державы», поместив его мощи «в святейшей митрополии». Так по инициативе Григория Цамблака были заложены основы культа национального святого (Яцимирский 1904: 467; 1906: 24-25). Это событие, по сути дела, венчало процесс создания Молдавской митрополии (Parasca 2002: 78).

Несмотря на то, что «литературной колыбелью жития была церковная песнь, а публикой – общество, которому был чужд простой исторический интерес» (Ключевский 1988: 427), сейчас практически нет специалистов-историков, которые бы считали повесть о мученичестве Иоанна плодом религиозной фантазии ее составителя (Русев, Давидов 1966: 60). Исследования показывают, что Белгород XIV в. действительно был крупным торговым и административным центром Золотой Орды с характерным для международных портов разнообразным в этническом и конфессиональном отношении населением (Руссев 1997).

Житие Иоанна Нового – «первое и при этом значительное, подлинно художественное произведение средневековой молдавской литературы с выявленным молдавским обликом» (Русев 1980: 133-134). Однако описание подвига, призванное освятить акт провозглашения мученика заступником господарского престола и всего Молдавского государства, получило гораздо более широкое звучание, чудесным образом раздвинув пределы присущего ему исторического пространства и времени. Удивительная судьба сочинения объяснима только тем, что автору удалось вдохнуть в небольшое творение тяжкую тревогу всей православной общности своей и будущей эпох...

Повествование о трапезундском греке, принявшем в первой половине XIV в. во имя веры смерть от нечестивых ордынцев, не имело прямого отношения ни к Болгарии, ни к Молдавии. Тем не менее, в пере-

осмыслении христианского деятеля, православную родину которого – Тырновскую Болгарию – всего несколькими годами ранее поработили османы, сказание приобрело новую значимость. Эмоциональная подготовленность талантливого писателя и актуальность мотива борьбы с неверными, замахнувшимися на весь крещеный мир, способствовали трансформации устного предания в авторское произведение. Поэтому в условиях смертельной угрозы турецкого завоевания и насильственной мусульманизации сюжет жития чуть ли не с момента написания сочинения воспринимался как османоборческий (Русев, Давидов 1966: 69; Русев 1991: 47). Это предопределило судьбу его жития, многократно переписанного и изданного на разных языках в последующие столетия.

Блестяще выполнив свою религиозно-политическую миссию, посланец из Царьграда остался в Молдавии до 1406 г. проповедником в соборной церкви Сучавы. К наследию писателя этого периода относятся около 20 произведений. Наиболее значительное и известное из них – агиографическое сочинение о мученике Иоанне Новом, ставшее первым произведением молдавской средневековой литературы. Самые ранние из сохранившихся списков памятника сделаны в 1438 и 1450 гг. рукой знаменитого Гавриила Урика в монастыре Нямц (Яцимирский 1904: 22-26).

В 1406 г. Григорий поехал в Москву по вызову к митрополиту всея Руси Киприану (ок. 1330-1406), которому он, по всей видимости, приходился племянником (СК 1988: 464-475; Петканова 1992: 221-222). Однако на реке Неман он получил известие о смерти дяди, которое круто изменило его планы. Григорий Цамблак ушел в Сербию, где до 1408 г. находился в Дечанском монастыре и некоторое время даже являлся игуменом этой обители. В 1409 г. он переехал в Киев и вскоре стал участником борьбы между Москвой и Литвой, отстаивавших два варианта идеи общерусской церкви. В 1414 г. его выбрали литовским митрополитом. В 1418 г. принял участие в работе Констанцкого собора, рассматривавшего вопрос об унии католической и православной церквей (СК 1988: 176-178). За это по обвинению в униатстве он был предан анафеме, хотя в своих произведениях и действиях Григорий Цамблак предстает как последовательный защитник православия, надевшийся остановить наступление турок объединенными усилиями всех христиан.

Понять смысл нелегких жизненных исканий Григория Цамблака можно только в контексте сложных трансформаций, пережитых православным миром в XIV–XV вв. Его царьградский центр быстро утрачивал значение «главы семьи народов». На глазах Европы присутствие турок становилось внутренним фактором в византийской исто-

рии. Когда император получил от Симеона Гордого (1341-1353) деньги на ремонт Св. Софии, значительная часть этих средств была потрачена на оплату турецких наемников (ИВ 1967: 158; ХЕ 1994: 291-292, 627). В 1354 г. османы неожиданно заняли и отстроили разрушенный землетрясением город Галлиполи. Учитывая, что с 1352 г. в их руках находилась расположенная неподалеку крепость Цимпе, овладение плацдармом на европейском берегу имело стратегическое значение для экспансии османов на Балканах. Константинополь отреагировал на происшедшее только кратковременной паникой (Руссев 2001-2002: 305).

Тогда же общеправославным центром попыталась стать Болгария. Тырновский патриарх дал согласие на возведение сербского архиепископа в патриарший сан (1346 г.) и назначил русским митрополитом Феодорита – ставленника великого князя литовского Ольгерда (1352 г.). Эти вызвало резкий протест греков. Феодорита отлучили от церкви, а в 1354 г. Константинополь утвердил перенос кафедры русского митрополита во Владимир-на-Клязьме, лишив Литву права настаивать на обязательном пребывании иерарха в Киеве (Тихомиров 1947: 169; Ивакин 1991: 46-49; Гюзелев 1994: 170-171, 274-275). В начавшейся борьбе Литвы и Москвы Византийское государство лавировало, а в 1355 г. вселенская патриархия создала митрополию Малой Руси (Руссев 2001-2002: 305).

Правда, часть византийской верхушки и император Иоанн V стремились через церковную унию получить поддержку Запада. Однако в делегации, выехавшей в 1367 г. в Италию, не было духовных лиц, что обрекло миссию на провал. Константинопольский патриарх Филофей открыто призывал православных иерархов от Египта до Руси бороться с униатством. Если помощь Запада и была как в 1396 г. реальной, то выяснялось, что крестоносцы не могут одолеть турецкую мощь (ИВ 1967: 164-169).

Начало османского наступления в Юго-Восточной Европе совпало с первыми сокрушительными поражениями ордынцев на Русской равнине. Почти в то же время, когда турки взяли Дидимотику и Адрианополь, а затем поочередно обустраивали в них свои столицы, осенью 1362 г. Ольгерд «побил татаров на Синьих воде» – на речке Синюха, правом притоке Южного Буга. Он взял под контроль Подолье, продолжая продвигаться к Черному морю. Походы на Москву в 1368, 1371 и 1372 гг. демонстрировали, кто является главным правителем на востоке Европе. Литва становилась истинным «собирателем» юго-западных русских земель (Шабульдо 1987: 37-73, 104-107).

Однако установлению политической гегемонии Литвы реально препятствовали как усиливавшееся Московское княжество, так и не собиравшаяся сдавать позиций Золотая Орда. Еще одним препятстви-

ем оказалась Польша. Между тем литовский князь Ягайло принял польскую корону под именем Владислава II (1384-1434), и над Литвой маячила перспектива окатоличивания. Угрозу отвел Витовт (1392-1430), возглавивший «великое княжение Литовское и Русское» и утвердивший ведущую роль Вильно в Восточной Европе (Думин 1991: 108-113).

Страшные опустошения, которым османы подвергли христианские земли в конце XIV в., вызвали бегство уцелевшего населения из родных мест. Наиболее мощный поток переселенцев устремился на север, в земли единоверцев, часто близких для эмигрантов и по языку. Натиск османов способствовал осознанию этнического и религиозно-славянского родства на востоке и юго-востоке Европы.

Парадоксально, но славяно-православное единство не способствовало спасению Балкан. Подобно жидкости в сообщающихся сосудах, немалое количество людей, идей, энергии неизменно уходило из зоны наибольшего напряжения. Здесь сопротивляемость османской экспансии уменьшалась, а в новых условиях актуальными являлись другие проблемы. В 1398 г. император Мануил II Палеолог (1391-1425) пытался заручиться поддержкой великого князя Василия Дмитриевича. Правитель Москвы, занятый войнами против Орды и Литвы, был слишком далек от бед византийцев. Не способствовало союзу с греками и стремление русской церкви к независимости, ведь в Константинополе не думали отказываться от главенства над Московской митрополией (ИВ 1967: 170).

Непосредственным предтечей и ярким примером для Григория Цамблака являлся Киприан, который, получив место митрополита «киевского, русского и литовского», тут же включился в литовско-московское соперничество. Он, разумеется, болел за судьбу Балкан, но уже в связи с новыми интересами. В 1398 г. по его совету русские князья откликнулись на просьбы патриарха и императора, послав в Византию 20 тыс. рублей. В 1400 г. во время осады Константинополя султаном Баязидом I (1389-1402) Киприана вновь нашла просьба о денежной помощи (СК 1988: 469).

Однако попытки сориентировать на северо-восток религиозные и политические силы балканских стран, в первую очередь Болгарии, нарушали традиционные представления о центрах православия. Видимо, закономерен ответ в январе 1397 г. цареградского патриарха Антония Киприану, предложившему провести собор духовных вождей православия во владениях Витовта (по другой версии, Владислава-Ягайло). Русские земли, в которых царил мир, были названы «самым неподходящим местом для собора». Ссылаясь на трудности дальних поездок, патриарх Антоний отверг попытку привлечь внимание к Восточной

Европе как к новому оплоту православия. «Для разгрома нечестивых, которые пытаются поработить всю вселенную», ему представлялось достаточным, если великий литовский князь соединит силы с Сигизмундом (1387-1437) – «благороднейшим королем Венгрии» (Гюзелев 1994: 234; ср. СК 1988: 469).

В конце 90-х гг. Киприан добился уничтожения Галицкой митрополии, что дало ему возможность распространить свою власть на Молдовлахию и Галицию вопреки воле патриарха (СК 1988: 469). Примерно тогда же в его канцелярии появился «Список русских городов ближних и дальних» – проект единой митрополии, включивший сотни населенных пунктов от Болгарии до Новгорода. Здесь стоит обратить внимание на перечень болгарских и молдавских городов (НПЛ 1950: 475; см. Тихомиров 1979: 83-137; Наумов 1974: 150-163). В тексте памятника каждая группа городов имеет отдельный заголовок, тогда как в одном случае рубрика сдвоена: «А се болгарскыи и волоскыи гради». Очевидно, неразделенность двух групп городов нужно трактовать сложно развивавшейся реальностью, а не ошибками позднейших переписчиков. К концу XIV в., когда был составлен список, часть городов, прежде считавшихся болгарскими (в том числе Белгород, где бывал Киприан), перешла к молдаванам. Составители памятника, должно быть, нарочно не разделили города, ибо документ призван был способствовать консолидации, а не разобщению православного мира.

В этом плане интересно отношение иерарха к выбору вероятного вождя славяно-православной Европы. Именно великого московского князя он рассматривал как идеал будущего всероссийского предводителя. При этом отношения Киприана с Дмитрием Донским (1359-1389) складывались очень трудно. Дважды, в 1374 и 1382 гг., правитель Москвы выдворял иерарха из своих земель. В свою очередь митрополит проклинал великого князя, но в двух своих произведениях, написанных вскоре после смерти Дмитрия Ивановича, именовал его владения «царством», а самого бывшего врага – «царем Русским» (СК 1988: 465-467).

Наиболее ясно свои взгляды на будущую роль Москвы Киприан выразил в «Похвальном слове митрополиту Петру» – одному из своих предшественников. Автор восхваляет его за то, что во времена Ивана Калиты (1328-1341) он избрал местом своего пребывания «тогда еще малый и немногочисленный» город Москву. Петр якобы дал пророческий совет князю: «Ежели меня послушаешь, и храм пречистой Богородицы воздвигнешь в своем граде, ты и сам прославишься больше других князей, и сыновья, и внуки твои из поколения в поколение; и град этот славен будет среди всех градов русских и святители будут жить в нем; и обопрутца руки его на плечи врагов его и прославится

бог в нем...». В связи со сбывшимся предсказанием Киприан вопрошает: «Не свершилось ли сказанное о тебе, преславный град Москва?» Далее он обращается к «архиепископу Киевскому и всея Руси» – своему герою: «Радуйся, медоточивый кладезь, придя к которому Христос развеселился и прославил тобою всю страну русскую» (Русев 1983: 217, 220).

Прошло время, и уже Григорий Цамблак в слове, составленном им для произнесения на могиле, обращался к недавно усопшему «архиепископу российскому» Киприану. Восхваляя достоинства митрополита, он ставил на одни весы потери и приобретения болгар и русских: «Его же наше отечество породило, а вам его бог даровал, и им вы за многое наслаждаетесь, мы же его лишились». Фразой «братья мы вам наилучшие» митрополит вполне осмысленно уравнивает два народа. Наконец, писатель позволил себе заявить об «обрусении» дяди. В финальных строках произведения Цамблак восклицает: «Отче Киприане, поистине ты есть светило Российской земли!» (Русев 1983: 230, 234, 237). Ранее он решил пойти на обращение в «светило» Молдавии грека из Трапезунда.

В «Надгробном слове Киприану» автор не употребляет названий своего народа, страны и столицы, что свидетельствует о кризисе болгарской идентичности. Ниспосланная свыше победа неверных как кара за грехи болгар лишала народ и страну не только богоизбранности, но и имени. Эти обстоятельства становились исходными точками для обоснования идеи перенесения центра мира в русские земли (Полывянный 2000: 213–214). Усилиями христианского мыслителя болгарин, возможно, неславянского происхождения, которого византийский патриарх называл «любящим ромеев человеком» (СК 1988: 469), становился россиянином.

Расширяя создаваемое им идеальное пространство, Григорий Цамблак так или иначе помещал его в координатах «свои – чужие». В более позднем по времени создания «Похвальном слове» Евфимию он упоминает, что патриарх много времени прожил «в чужой стране» – Византии, но все же предпочел «свое отечество» (Полывянный 2000: 206). Показательно, что для автора «отеческие предания» – это не просто православие, но и признак народности. При этом множество учеников «не только болгарского рода», осененные добродетелями Евфимия Тырновского, стали «своим отечествам учителями». Величие подвига патриарха в том, что и другие народы «болгарскому согласны вещанию» (Русев 1983: 132, 163). Конечно, речь шла только о действительно православных народах, для отнесения к которым как вера, так и славяноязычие являлись необходимыми условиями. Греческая общность из этого круга исключалась.

Гораздо более сложной задачей для Цамблака было определиться с центром этого политически лоскутного мира. Колеблясь в решении вопроса о схождении божественной благодати на определенную страну или город, духовный предводитель искал себе под стать правителя светского. Первым из таковых оказался Александр Добрый. В силу исторических обстоятельств господарь ориентировался на Литву и Польшу, но для реализации грандиозных планов торжества славянского православия требовалась фигура более сильная и харизматичная. Григорий возлагал надежды на Москву, но там не был принят. Поэтому в Дечанском монастыре он проводил мысль о перемещении центра православия из Болгарского царства в Сербское (Польвянный 2000: 210-211).

Вершиной церковной карьеры Григория Цамблака явилось его избрание по настоянию великого князя Витовта литовским митрополитом. Отлученный от церкви в Константинополе, он занимал этот пост в 1414-1419 гг. В 1416 или 1418 г. перенес митрополию из сожженного татарами Киева в Вильно (СК 1988: 177-178). Выбор Литвы был не случаен. Согласно летописи, Витовту подчинялась «попросту говоря – вся Русская земля». Известно, что его зять, московский правитель Василий I (1389-1425), умирая, поручил тестю опеку над малолетним сыном. Интересы Литвы распространялись и на юго-запад, на земли Молдавии, Валахии и Болгарии (ПСРЛ 1980: 59; Думин 1991: 78, 114). О масштабах деятельности Цамблака в этот период свидетельствует следующий факт: митрополит возглавил на Констанцском соборе делегацию из 300 представителей Литвы, Великого Новгорода, Молдавии и Орды (СК 1988: 178). О его смерти в 1419 г. в Никоновской летописи сказано: «Той же зимой умер Григорий митрополит Цамблак в Киеве, родом болгарин, книжный очень, обучен был книжной мудрости всякой с детства и много писаний, сотворив, оставил» (ПСРЛ 1965: 235).

* * *

Представляется, что при описании жития Иоанна Нового отработано определенное понимание сущности превращений, способных обесмертить земного человека и приемлемых для самого автора. Погружение в духе исихазма (Прохоров 1968: 86-108) в мир, невидимый свету, давало в обстоятельствах реального времени эффект харизматичности... Благодаря этому боговдохновенный грек, столкнувшись в Белгороде с представителями Римской церкви и язычниками, принял мученический жребий и стал святым в сознании населения Молдавии. Именно версия жития Григория Цамблака сделала Иоанна Сучавского известным и близким верующим на огромных территориях Восточной и Юго-Восточной Европы.

Это, по всей видимости, задало как поле, так и стиль деятельности еще молодому православному подвижнику. Цитируя его собственные слова, можно сказать, что будущий митрополит избрал местом своей деятельности «все страны – на север до Океана и на запад до Иллирика» (Русев 1983: 167). Речь идет о землях, священным языком которых был славянский. Григорий буквально бросался в опаснейшие круговороты событий. Окрыленный примером Киприана племянник прилагал огромные усилия для утверждения идейно-политического центра этого пространства. Москва? Белград? Киев? Вильно? Другой город? Григорий Цамблак пытался дать ответы на эти вопросы до срока, поэтому то и дело оказывался отверженным повседневной суетностью. Если верны догадки, что он избежал объятий чумы в 1419 г., тогда следы опального иерарха нужно искать в одной из православных обителей вне границ Литвы (СК 1988: 179).

В притворе главного храма Нямецкого монастыря местному архимандриту когда-то удалось списать эпитафию с разбитой надгробной плиты, которая гласила, что нашедший под ней покой родился в Тырново, был вскормлен на Афоне, принят пастырем в Киеве... Сохранившиеся в тексте названия местностей довольно точно отразили основные моменты истины на жизненном пути Григория Цамблака. Предполагается, что митрополит укрылся в Молдавии, где до глубокой старости занимался писательской деятельностью под именем Гавриила Урика (Яцимирский 1904: 24-25 и др.). Но и в этом случае, разочаровавшись в царях земных, он продолжал напряженную интеллектуальную работу над созданием единого славяноязычного мира православных народов, идеального пространства, которое позднее в силу объективных исторических перемен стало восприниматься главным образом как российское.

ЛИТЕРАТУРА

Гюзелев В. 1994. Извори за средновековната история на България (VII-XV в.) в австрийските ръкописни сборки и архиви. Т. 1. София.

Думин С. В. 1991. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М. С. 76-126.

ИВ 1967. – История Византии. Т. 3. М.

Ивакин Г. Ю. 1991. Связи Киева с Византией во второй половине XIII-XIV вв. // Южная Русь и Византия. Киев. С. 43-57.

Ключевский В. О. 1988. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.

Наумов Е. П. 1974. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. М. С. 150-163.

- НПЛ 1950. Новгородская первая летопись. М.; Л.
- Петканова Д.* 1992. Старобългарска литература. Енциклопедически речник. София.
- Польвинный Д.И.* 2000. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново.
- Прохоров Г.М.* 1968. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л. С. 86-108.
- ПСРЛ 1965. – Полное собрание русских летописей. Т. 11: Патриаршая или Никоновская летопись. М.
- ПСРЛ 1980. – Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.
- Русев П.* 1980. Литературное наследие Григория Цамблака (общая характеристика, распространение и классификация, художественное мастерство) // *Studes balkaniques*. № 2. Sofia. С. 124-137.
- Русев П.* 1983. Эстетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа. София.
- Русев П., Давидов А.* 1966. Григорий Цамблук в Румыния и в старата румънска литература. София.
- Русев Н.Д.* 1991. Историческая судьба жития Иоанна Нового // *Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы*. Харьков. С. 46-47.
- Русев Н.Д.* 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность // *Аккерманские древности*. Вып. I. Белгород-Днестровский. С. 127-162.
- Русев Н.Д.* 2001-2002. Балканы и Восточная Европа: к истории цивилизационного выбора // *Stratum plus*. № 5. С. 300-319.
- СК 1988-1989. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Часть 1-2. Л.
- Тихомиров М.Н.* 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // *Славянский сборник*. М. С. 125-201.
- Тихомиров М.Н.* 1979. «Список русских городов дальних и ближних» // *Русское летописание*. М. С. 83-137.
- ХЕ 1994. Гъпкова-Заимова В., Димитров Д., Павлов Пл. Хронологична енциклопедия на света. Т. VI. Велико Търново.
- Шабульдо Ф.М.* 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.
- Яцимирский А.И.* 1904. Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб.
- Яцимирский А.И.* 1906. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Известные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. СПб.
- Năsturel P.* 1971. Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak: «Le martyr saint Jean le Nouveau» // *Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes*. Т. VII: Littérature, ethnographie, folklore. Sofia. P. 345-351.
- Parasca P.* 2002. La obârșia Mitropoliei Țării Moldovei. Chișinău.

Михаил ЮРАСОВ

ВЛИЯНИЕ ПОИСКОВ ВЕНГРАМИ НОВОЙ РОДИНЫ НА ОСВОЕНИЕ ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕСТРА И ПРУТА

Вторая половина IX в. была для находившихся в Северном Причерноморье венгерских и примкнувших к ним племен временем противостояния с пришедшими с востока печенегами. Хотя с полной уверенностью можно говорить о нахождении печенегов в Восточной Европе лишь в последние два десятилетия IX в., на чем настаивают некоторые историки¹, целый ряд косвенных данных позволяет признать большую степень вероятности гипотезы венгерского востоковеда Кароя Цегледи, датировавшего временем около 854-855 г. первую венгерско-печенежскую войну², результатом которой стало вытеснение венгров из степей Северного Причерноморья, находившихся к востоку от нижнего течения Днепра.

Ограниченные степным ареалом кочевания между Днепром, Прутом и низовьями Дуная древние венгры вынуждены были теперь жить в непосредственном соседстве с уличами и тиверцами. В одной из своих статей мне уже приходилось затрагивать проблему взаимоотношений венгров и южных племенных групп восточного славянства во второй половине IX в.³ Сведения об этом сохранились у арабских географов раннего средневековья, продолжавших традицию ал-Джайхани (Ибн Руста, Гардизи, ал-Бакри и др.). По мнению венгерских востоковедов, ал-Джайхани (конец IX – первая треть X в.) в своей «Книге путей и стран» отражает ситуацию, сложившуюся в Восточной Европе около 870 г.⁴

Главные выводы моей работы об элементах имперского мышления у древних венгров (до обретения ими родины на Среднем Дунае) сводятся к следующему: находившиеся в союзнических отношениях с ослабевшим Хазарским каганатом венгерские племена ставили себя на одну ступень с великими державами того времени – Хазарией и Византией и считали славян, проживавших на границе степной и лесостепной зон Восточноевропейской равнины, покоренными ими племенами. В данном случае я лишь развил идеи моего учителя В.П. Шушарина, впервые обратившегося к изучению этнического самосознания венгров в средние века.⁵

Роль мадьяр в степном мире Восточной Европы в первой половине IX в. действительно была достаточно важной. В свое время академик Б.А. Рыбаков даже выдвигал гипотезу о том, что древние венгры от имени хазар собирали дань с восточнославянских племен, непосредственно соприкасавшихся с лесостепной полосой⁶, которая, как известно, была естественной границей кочевого и земледельческого мира в этом регионе.

Арабские географы раннего средневековья утверждают, что народ «ал-маджгарийа», как они называли тогдашних мадьяр, контролировал огромную территорию, размеры которой составляли 100 на 100 фарсахов⁷, что соответствует в современных единицах измерения площади в 360 тысяч кв. км. Одной из частей этой территории была современная Молдавия, поскольку, по свидетельству хроники Георгия Амартола, венгры между 836 и 838 гг. приняли участие в боевых действиях на Нижнем Дунае в качестве союзников византийского императора Феофила⁸.

Если до появления печенегов в степях Северного Причерноморья и Приазовья венгры могли рассматривать восточных славян исключительно как объект для нападения с целью захвата пленных для продажи на невольничьих рынках византийских владений в Крыму⁹, то после первого поражения от печенегов мадьяры должны были изменить свое отношение к «саклабам», как называли их средневековые арабские географы, поскольку ареал кочевания венгерских племен заметно сузился, к тому же они находились теперь на землях, освоенных и населенных улучами и тиверцами.

Еще одним немаловажным фактом, ограничившим возможности венгров для нападений на земледельческое население Северного Причерноморья, стало возникновение не позднее середины 50-х гг. IX в. раннегосударственного образования полян с центром в Киеве. Нападение киевских «росов» на Константинополь в 860 г., руководство которым традиционно приписывается Аскольду и Диру, показало, что ситуация на северном побережье Черного моря заметно изменилась с середины 830-х гг., когда посетившее Византию посольство «хакана росов» вынуждено было возвращаться на родину окольными путями, боясь неких «диких и свирепых племен»¹⁰, в которых подавляющее большинство исследователей видят все тех же мадьяр.

Исходя из этого, можно с большой долей уверенности предположить, что ограниченные участком Черноморского побережья между низовьями Дуная и Днестра древние венгры перестали совершать регулярные нападения на проживавших здесь же улучей и тиверцев и, скорее всего, ограничивались сбором с них дани. О том, что народ «ал-маджгарийа» облагал данью «саклабов», есть свидетельства в классической арабской географии¹¹.

В начале 80-х гг. IX в. (по летописной хронологии, в 882 г.) Киев становится центром более мощного раннегосударственного объединения восточных славян, в которое вошли все племенные союзы вдоль пути «из варяг в греки». Основателем его летописцы называют Олега. Созданное Олегом Древнерусское государство сразу же предприняло попытку расширить свои пределы, в том числе и в юго-западном направлении, т. е. путем подчинения своей власти уличей и тиверцев.

В своей кандидатской диссертации я высказал гипотезу о том, что причиной неудачи Олега в войне с уличами и тиверцами, известие о которой помещено в Повести временных лет под 6393 (885) годом¹², стала военная помощь, оказанная им проживавшими по соседству венграми. По крайней мере, можно с большой долей уверенности утверждать, что венгры обеспечили уличам и тиверцам надежный тыл, что позволило последним отбить нападение Олеговой дружины.

Политическая ситуация в Северном Причерноморье вновь обостряется около 889 г., когда печенеги развязывают новую войну с венграми. Сведения об этой войне содержатся в хронике Регино Прюмско-го¹³. После второго поражения от печенегов ареал кочевания венгерских племен еще более суживается, ограничиваясь теперь, скорее всего, междуречьем Нижнего Дуная, Прута и Днестра. В лучшем случае, восточной границей этого ареала стали низовья Южного Буга.

По свидетельству Константина Багрянородного, территория, на которой венгры проживали перед уходом на Средний Дунай, называлась «страной Ателькузу». Само это слово, скорее всего, является греческой транскрипцией венгерского слова Этелкёз – Междуречье. При этом автор трактата «Об управлении империей» называет пять рек, между которыми проживали венгры в то время. Это Варух, в котором, по мнению исследователей, скрывается печенежское название Днестра, Куву (печенежское название Южного Буга), Трулл (тюркское название Днестра), Брут (Прут) и Серет¹⁴.

Как видно из примерной локализации рек, упомянутых Константином Багрянородным в описании страны Ателькузу, она должна была простираться от низовьев Днестра до низовьев Прута. Однако, скорее всего, информаторы просвещенного императора рассказали ему о тех реках, между которыми венгры жили после первого поражения от печенегов. Что же касается результатов второй победы печенегов над мадьярами, то, как указывалось выше, вряд ли венгры могли кочевать после 889 г. восточнее Днестра или Южного Буга.

Венгерские историки обратили внимание на топоним Этулия, находящийся на территории современной Молдавии. По их мнению, этот топоним является конкретным свидетельством того, что «страна Ателькузу» находилась в междуречье Днестра и Прута¹⁵. Впрочем,

все построения подобного рода всегда являются в высшей степени гипотетичными.

Исходя из вышесказанного, считаю теперь возможным перейти непосредственно к рассмотрению проблемы, заявленной в заголовке моего доклада. Если признать, что между венграми, с одной стороны, и уличами и тиверцами, с другой, сложились в последние десятилетия IX в. добрососедские отношения, то нашествие печенегов должно было стать таким же бедствием и для земледельческого населения Северного Причерноморья.

Кстати, по мнению венгерских лингвистов, многие заимствования слов земледельческой тематики в венгерском языке, имеющие явно славянское происхождение, были взяты именно у восточных славян¹⁶. Кроме того, многие венгерские историки утверждают, что их предки пришли на Средний Дунай уже не кочевым, а полукочевым народом, знакомым с основами земледелия¹⁷. Все это только подкрепляет тезис о мирном сосуществовании мадьяр и восточных славян на северо-западном побережье Черного моря и на землях современной Молдавии в конце IX в.

Вытеснение печенегами венгров в «страну Ателькузу» должно было вызвать и уход части восточных славян в междуречье Днестра и Прута. О том, что одним из следствий утверждения печенегов на всей территории, которую до них контролировали венгры, стало запустение ряда городов в Северном Причерноморье, также пишет Константин Багрянородный¹⁸. Некоторые историки считают, что эти города до прихода печенегов были населены уличами и/или тиверцами¹⁹.

Третий этап планомерного вытеснения печенегами мадьяр из степей Северного Причерноморья падает на время около 895–896 гг. Привлеченные в качестве военных союзников византийским императором Львом VI Мудрым и великоморавским князем Святоплуком I венгры расплыли свои силы, что позволило печенегам напасть на оставшуюся в «стране Ателькузу» наименее боеспособную часть венгерского общества, прежде всего, на женщин и детей. В результате вернувшись из походов венгерские воины вынуждены были во главе со своими вождями мигрировать в Карпатскую котловину, куда еще не могли беспрепятственно проникать орды печенегов.

Рыцарский роман венгерского Анонима, в котором, как считают современные исследователи, отразился один из недошедших до нас вариантов «Деяний венгров», т.е. средневековых венгерских исторических сочинений²⁰, прямо пишет о том, что после захвата венграми Киева часть «рутенов» (русичей) и «куманов» (печенегов) присоединилась к вождю Алмошу и отправилась с ним на завоевание Паннонии²¹. Это свидетельствует о том, что восточнославянское население

было в то время достаточно мобильным и, естественно, искало для себя более спокойные земли, где отсутствовала опасность регулярных нападений степняков.

Таким образом, постепенная миграция венгерских племен с востока на запад степной зоны Северного Причерноморья повлекла за собой переселение части восточнославянских племен, прежде всего, уличей и тиверцев, в более безопасные от нападений кочевников районы. Одним из таких районов оказалось междуречье Днестра и Прута. В дальнейшем, примерно в середине X в., когда печенеги настолько освоили степной пояс между низовьями Днестра и Дуная, что начали нападать и на земли будущей Бессарабии, часть проживавших там восточных славян перешла через Карпаты и присоединилась к предкам современных закарпатских русинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Изд. 2-е. М., 1991. С. 279.

2. *Czegledy Károly*. Árpád és Kurszán (Az Árpád-ház megalapításához) // *Zalai tükör*, 1975, № 11. 52. l.

3. См.: *Юрасов М.К.* Элементы имперского мышления у венгров в IX в. // *Славяне и их соседи*. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998. С. 12–18.

4. *Magyarország történeti kronológiája*. I. A kezdetektől 1526-ig. Főszerk. Benda K. 3. kiad. Budapest, 1986. 66. l.

5. См.: *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 111.

6. *Рыбаков Б.А.* Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии) // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952.

7. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. (Горган и Поволжье в 9–10 вв.). Т. 1. М., 1962. С. 29; Т. 2. М., 1967. С. 51–52.

8. *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Т. II. Петроград, 1922. С. 5.

9. См. об этом: *Шушарин В.П.* Указ. соч. С. 106.

10. Информацию об этом сохранили Бертинские анналы под 839 г. См.: *Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin* / Ed. F-Grat, J.Vieillard, P.Clémencet. Paris, 1964. P. 30–31.

11. См. примеч. 9.

12. См.: Полное собрание русских летописей [Repr.]. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 24; Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 17.

13. *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon* // *Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte*. Neu bearb. von R.Rau. Berlin. 3.Th. Berlin, 1961. S. 393.

14. *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 160, 162 (текст). С. 161, 163 (пер.).

15. *Benkő Loránd*. A magyarság honfoglalás előtti történetéhez Leved és Etelköz kapcsán // Magyar nyelv, 80 (1984). 389–419. l.

16. *Kniezsa István*. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. 2. kiad. Budapest, 1974. 1. köt. 102–103, 312–313, 355. l.

17. *Györffy György*. Wirtschaft und Gesellschaft der Ungarn: Um die Jahrtausendwende. Budapest, 1983.

18. *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 156 (текст.). С. 157 (пер.).

19. Обзор мнений см.: Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX – сер. XIII в.). Коломна, 1997. С. 89.

20. *Kristó Gyula*. I. István és családja Árpád-kori történetírásunkban // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. T. XL. Szeged, 1972. 63. l.

21. P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. E. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum... Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I. Budapest, 1937. P. 47.

ЕДИНЫЙ КНИЖНЫЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и "мазепинцы"»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>

e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Роман РАБИНОВИЧ

КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИЕ ЗЕМЛИ И КИЕВСКАЯ РУСЬ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Древнерусская культура в Карпато-Днестровских землях, безусловно, отличалась заметным своеобразием по сравнению с другими районами ее распространения. На это повлияли такие факторы: время и обстоятельства, при которых этот регион вошел в состав Киевской Руси, а культура местного населения попала под ее влияние; этнический состав населения этого региона в период вхождения в состав Киевской Руси; адекватность культуры и самосознания местного населения культуре и самосознанию населения Русской земли. Рассмотрим некоторые из этих вопросов

Вопрос о времени и обстоятельствах, когда уличи и тиверцы - единственные группы оседлого населения, этнонимы которых нам известны для этого времени - вошли в состав Киевской Руси, издавна привлекал внимание исследователей (Рабинович 2005). Они определяются в контексте взаимоотношений Древнерусского государства, Византии, Первого Болгарского царства, венгров, печенегов, и их исследование позволяет полагать, что подчинение поднестровских племен уличей и тиверцев Киевской Руси произошло не ранее второй половины 30-х - самого начала 40-х гг. X века (Рабинович 1997: 6; 2001).

Попытку подчинить поднестровские племена Русь предприняла еще в 885 году, но киевскому князю Олегу завоевать их помешали венгры, пребывавшие в Днестро-Дунайском междуречье («Ателькузе») накануне своего перехода в Паннонию (Вернадский 2004 КР: 32-34). Судя по данным письменных источников, с 30-х гг. IX в. по 30-е гг. X в. венгры могли оказывать влияние политического и культурного характера на Карпато-Днестровские земли. Их непосредственное пребывание в регионе оказало существенное влияние на взаимоотношения местного населения с могущественными соседями - Киевской Русью и Дунайской Болгарией. Об их влиянии на культурное развитие региона, частично обусловившее своеобразие местной древнерусской культуры, можно судить на основании уже археологических источников (Рябцева, Рабинович 2007).

Среди факторов, определивших особенности взаимодействия Древней Руси и Карпато-Поднестровья, можно отметить продолжитель-

ность периода власти Киева над этими территориями. В период, по крайней мере, до начала – середины XI в. они находились под властью Руси. Начавшееся после этого ослабление позиций Древней Руси в этом регионе было вызвано центробежными тенденциями в развитии этого государства и деструктивной ролью кочевников, двигавшихся к Дунаю из глубин Евразийской степи. Карпато-Поднестровье в последующий период частично находилось в зоне политического влияния кочевников, а частично представляло собой нейтральную полосу между Галицким княжеством и кочевниками. Все попытки киевских и галицких князей утвердиться в этом регионе в XII-XIII вв. оставались безуспешными (Рабинович 1997:6-7; 2000:374-376; 2005а).

В связи с поставленной выше проблемой неизбежен вопрос, насколько самосознание местного населения было адекватно самосознанию населения Русской земли. За неимением других источников актуальным становится рассмотрение вопроса о том, какое место уличи и тиверцы занимали в представлениях русских летописцев. Своеобразие положения уличей и тиверцев в летописи может объясняться своеобразием их этнического происхождения (дискуссии – см. Трубачев 1961; Добродомов 1970; Хабургаев 1979; Рабинович 2003; 2005; и др.). Но не только этим.

О выделяющемся по сравнению с другими племенами положении уличей и тиверцев писали С. М. Соловьев (1988:88), И.И. Ляпушкин (1968:13), М.Ю. Брайчевский (1983:100), Д.А. Мачинский (1981:38-44). Как показывает анализ работы Г.С. Лебедева, предложившего классификацию племен ПВЛ (1983), выделение уличей и тиверцев было совершенно справедливо. Этим племенам не нашлось места в «табели о рангах» ни среди «высших», ни среди «низших», по представлениям летописца, племен. В пространственной организации и политической структуре ПВЛ места для уличей и тиверцев также не оказалось. Информация об этих племенах представлена автором летописи только по одному из рассматриваемых Г.С. Лебедевым аспектов – по поводу расселения. Можно предположить, что уличи и тиверцы были в представлении летописцев не только и не столько «самыми западными» племенами среди восточного славянства, но и, в равной степени, а может быть и в большей, «самыми восточными» среди западнославянских и южнославянских народов. Эти народы не входили в понятие летописца в состав этнокультурного и геополитического пространства Руси, представлялись западной пограничной окраиной Руси, автохтонным «дунайским» населением (Рабинович 1997; 2003).

После вхождения уличей и тиверцев в состав Древнерусского государства они перестают упоминаться в русских письменных источниках. Принято считать, что они, как и другие племена ПВЛ, участвова-

ли в формировании древнерусской народности. Трудно сказать, ощущало ли себя славянское население Карпато-Днестровского региона в период прочной власти здесь Киевской Руси населением русским. По всей видимости, да. Косвенное подтверждение этому можно усмотреть в том, что более поздние источники (европейские, византийские, восточные) в то время, когда эти территории уже отошли из-под власти Киева, по традиции относят их к Руси (Рабинович 1999; 2000:374-376; 2005а).

В XII-XIII вв. письменными источниками в качестве населения Карпато-Днестровских земель названы волохи, берладники, бродники и галицкие выгонцы. За последними тремя общностями можно видеть славянское этническое происхождение и русское этническое самосознание (Рабинович 1997:7-8; 1999; Тельнов, Степанов, Руссев, Рабинович 2002:132-209). Однако в самой Руси они вряд ли воспринимались как «свои русские». Можно вспомнить летописное известие 1174 г. о том, что Андрей Боголюбский разгневался на Ростиславичей и велел им передать: «... не ходите в мое воли. Ты же Рюриче поиди в Смолньск кь брату во свою отчиноу а Давиду рци а ты поиди в Берладь а в Руськой земли не велю ти быти...» (ПСРЛ 1962: II,573).

Теперь от информации источников письменных обратимся к археологическим данным.

Северную и частично центральную часть Пруто-Днестровского междуречья с начала X в. занимают древности культуры, которую называют древнерусской (Древняя культура Молдавии 1974:109-126; Федоров, Чеботаренко 1974). Не имея возражений против такого названия для местных древностей, достаточно сложно согласиться со ставшими традиционными интерпретациями происхождения и особенностей древнерусской культуры в Поднепровье.

По общепринятому мнению, древнерусская культура в Поднепровье – это результат развития местных древностей культуры Лука-Райковецкая (их носитель – восточные славяне) под воздействием Древнерусского государства, принесшего сюда новые культурные образцы. Влияние Древнерусского государства на местную культуру носило нивелирующий характер, оно привело к формированию здесь культуры, полностью аналогичной культуре других регионов Древней Руси (Древняя культура Молдавии 1974; Тельнов 2003:251-252). Рассмотрим эти положения.

Роль древностей Лука-Райковецкой культуры как местной подосновы в формировании древнерусской культуры, в целом, конечно же, неоспорима. Парадоксально другое. Именно такие яркие и выразительные памятники как Екиммауцы, Алчедар и им подобные, считающиеся эталонными памятниками древнерусской культуры в Поднепровье, наиболее далеки от традиций Лука-Райковецкой культуры.

Например, эталонными древнерусскими погребальными памятниками на территории Пруто-Днестровского междуречья считаются и Бранештский грунтовый и Алчедарский курганный могильники, несмотря на их различающуюся обрядность (Федоров 1964; 1964а:67-80; 1968:85-93; 1974:273-279; Федоров, Чеботаренко 1974:101-103; Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984).

Однако нижний горизонт могильника Бранешты датируется более ранним временем, чем Алчедарский могильник. Имеются и серьезные культурные отличия между двумя памятниками. Факт синхронного существования на небольшой территории двух типов обрядности свидетельствует в пользу того, что их происхождение различно, и что они оставлены разными в культурном отношении группами населения. Древнерусское население, оставившее Бранештский могильник, безусловно, связано происхождением с носителями местных Лука-Райковецких древностей. Что же касается Алчедарского могильника, то такая связь не прослеживается (Рабинович 2005б).

Совокупность материалов, происходящих из памятников типа Екимауцы-Алчедар, дает наиболее выразительное представление о присутствии в данном регионе западнославянского населения, появившегося на этой территории незадолго до ее вхождения в состав Древнерусского государства. Наличие данного компонента выделяется по особенностям фортификации, керамики, предметов вооружения и особенно набору ювелирных украшений. Рассмотрим их.

К древнерусскому времени в Пруто-Днестровье относятся около двух десятков городищ - сложномысовых и круглых. Городища типа Екимауцы-Алчедар все круглые, отнесенные П.А.Раппопортом вместе с аналогичными на Южном Буге к первой группе круглых городищ, отличаются по конструктивным особенностям укреплений и топографическим условиям месторасположения от других круглых городищ Западной Руси (Раппопорт 1967:196, рис. 153).

В отличие от сложномысовых городищ на кольцевых городищах типа Екимауцы-Алчедар подстилающего культурного слоя с лепной и раннегончарной керамикой типа Луки-Райковецкой нет. Факт синхронного существования на небольшой территории двух типов городищ - сложномысовых, на которых прослеживается переход от Лука-Райковецкой культуры к древнерусской, и кольцевых, на которых такого перехода нет, но есть выразительный набор западнославянских элементов, - свидетельствует в пользу того, что их происхождение различно, и что они оставлены разными в культурном отношении группами населения - местным и пришлым, западнославянским (Рабинович 2006).

В домостроительстве кольцевых городищ Пруто-Днестровья встречаются элементы, не известные здесь ранее в Лука-Райковецких древностях - прямоугольные наземные постройки, открытые очаги, жаро-

вни в виде вкопанных в пол горшков, подмазанные глиной пол в землянках, тамбуры входа (Федоров 1974:248-249, 250-255). Происхождение одних элементов в местной домостроительной культуре неясно, происхождение других явно указывает на влияние западнославянской и салтовской традиций.

Существенны отличия в керамическом комплексе. Вся керамика на городищах Екимауцы-Алчедар гончарная, близкая западнославянской посуде, не показывающая преемственности от керамики типа Луки-Райковецкой в регионе. Помимо различий в пропорциях и орнаментации сосудов особенно показательны отличия в ассортименте (на кольцевых городищах Екимауцы-Алчедар, в отличие от других типов древнерусских памятников, встречаются типичные западнославянские «воротничкообразные» горшки, сосуды формы сфероконуса (Древняя культура Молдавии 1974:121, рис. 39; Федоров 1960: табл.60,4; Хынку 1971:86-87, рис. 7) и технологические отличия – например, наличие в качестве примеси в тесте слюды (Равдина 1988:59; но ср.: Гольцева, Кашуба 1995:49). Специальное включение слюды в тесто не применялось в Лука-Райковецкой культуре региона, что указывает на миграционный характер происхождения памятников типа Екимауцы-Алчедар. Со временем отличия в керамическом комплексе двух разных по происхождению групп древнерусских памятников в Пруто-Днестровском междуречье стираются, а в XI в. керамика региона носит отпечаток интегративных связей различных местных культурных групп (Рабинович 1997:13).

По вещевому инвентарю по сравнению с другими древнерусскими памятниками Пруто-Днестровья поселения типа Екимауцы-Алчедар выделяются как концентрацией предметов оружия, снаряжения всадника и коня, так и их ярко выраженной этнокультурной диагностичностью, указывающей на западнославянское происхождение. Среди таких находок – алчедарская шпора «каролингского типа» с ромбовидным шипом, наконечник ножен сабли, аналогичный венгерским древностям, поясной набор и, конечно же, втульчатые одношипные и втульчатые шиловидные наконечники стрел (рис. 3, 1-7). Последние единицами встречаются в Восточной Европе, а на Екимауцах и в Алчедаре они найдены в количестве 70 и 90 экз. соответственно (Федоров 1960:284; 1953:106,109; Рафалович 1972:185; Кирпичников 1973:57,64,108; Равдина 1988:56,66; Медведев 1966:57; Рабинович 1997:13; Rabinovici 2002).

Зона кольцевых городищ Екимауцы и Алчедар в Пруто-Днестровье наиболее насыщена ювелирными украшениями, в том числе имеющими аналогии в западнославянских и венгерских древностях Подунавья. Именно здесь широко представлены серебряные изделия с зер-

нию (Федоров 1953:125; Рябцева 2006:145,146). На Екимауцком городище найдены не только серебряные серьги «волынского» типа, но и бронзовые литые подражания им, что отвергает идею об импорте (Рябцева 2005). О влиянии западнославянского ювелирного дела свидетельствуют лунницы с Екимауцкого городища. Кроме вещей с зернью для кольцевых городищ характерна подборка и более простых украшений, которые встречаются и на других памятниках в Поднестровье. Подобные типы украшений встречаются как в памятниках Древней Руси, так и в древностях культуры Биело Брдо в Подунавье, где считаются наследием восточноевропейского этапа истории венгров. На Екимауцах были найдены и детали поясной и сумочной гарнитуры. Эти изделия имеют параллели как в дружинных могильниках Древней Руси (Гнездово, Тимерево, Михайловское, Шестовицы), так и в памятниках Карпато-Балканского региона (Пэкуюл луй Соаре (Румыния), Преслав, Надарова, Пет могила (Болгария) и особенно Венгрии (Рябцева, Рабинович 2007).

Итак, славянское население Карпато-Днестровского региона в период установления господства Древней Руси было неоднородным в этническом и культурном отношении. В этом плане Киевская Русь действительно оказала нивелирующее влияние на формирование здесь единой однородной древнерусской культуры. Но этим моментом все своеобразие не объясняется и не исчерпывается. Значительную роль мог сыграть и венгерский фактор. Кроме политической роли в IX – начале X вв., возможно, не менее существенным было непосредственное влияние венгров на культуру местного населения Карпато-Днестровского региона.

На территории Молдовы находки, связанные с венграми, хоть и не многочисленны, но достаточно выразительны, встречаются на всех типах памятников – сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Орхей) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладках (Рэдукэнень). И в культурном отношении памятники, на которых выявлены находки, связанные с венграми, разнородны. Это и памятники типа Екимауцы-Алчедар (интерпретируемые как памятники древнерусской культуры Поднестровья), и памятники центральной зоны Молдовы – культурные группы Петруха и Ханска (интерпретации происхождения которых дискусионны). Учитывая некоторую культурную разнородность групп памятников в Молдове, где выявлены элементы венгерского культурного присутствия или влияния, можно полагать, что они могут отражать разные явления.

Например, для памятников типа Ханска в центральной зоне Молдовы можно предположить, что за венгерскими находками стоит непосредственное присутствие представителей венгерского этноса или вен-

герской культуры. Об этом свидетельствуют детали ременной гарнитуры, но особенно находки женских украшений - специфических признаков венгерской женской субкультуры (см. выше). В литературе неоднократно отмечался полиэтничный характер происхождения памятников центральной зоны Молдовы с участием салтово-маяцкого культурного компонента (Древняя культура Молдавии 1974:127-150; Хынку 1970;1973; Чеботаренко 1982; Рабинович 1990;1991; 1997; Великанова 1978;1983).

А вот присутствие на памятниках типа Екимауцы-Алчедар (к которым по набору вещей относится и клад Рэдукэнь) находок венгерского облика свидетельствует, в первую очередь, не о непосредственном присутствии венгров (это можно только предполагать с очень небольшой долей уверенности). Бесспорно, можно вести речь о распространении на территории Карпато-Поднестровья специфической дружинной субкультуры, на сложение которой оказывала влияние венгерская традиция. Из Екимауц и Рэдукэнь происходят сабля и наборные пояса, изготовленные в венгерской традиции, причем весьма показательно, что эти находки в Екимауцах сделаны при открытии мастерской ювелира и кузнеца, что подтверждает их местное бытование. Пользоваться такими поясами и оружием могла местная знать, воспринявшая от венгров престижные культурные образцы.

В дружинных захоронениях Древней Руси (Гнездово, Шестовицы, Киев) вещи, выполненные в западнославянской и венгерской традициях, сочетаются со скандинавскими (Рябцева, Рабинович 2007). На территории Молдовы этот скандинавский компонент в древнерусской культуре отсутствует, в нем вообще не найдено элементов скандинавской культуры. В этом также состоит один из моментов своеобразия древнерусской культуры Поднестровья. Можно предположить, что именно венгры изолировали местные древности от скандинавского влияния. Венгры в Карпато-Днестровском регионе могли сыграть роль этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество, подобно тому, как это сделали варяги в Восточной Европе, консолидировав славянское, балтское и финно-угорское население. Более того, это обусловило своеобразие древнерусской культуры здесь уже после вхождения Поднестровья в состав Киевской Руси.

К особенностям развития древнерусской культуры в Карпато-Днестровском регионе можно отнести и тот момент, что все местные погребальные комплексы значительно отличаются от типичных древнерусских дружинных могильников и срубных, камерных погребений. Это, конечно же, свидетельствует о том, что местное древнерусское общество еще не достигло той стадии социальной стратифицированности, которую мы можем наблюдать в это время в других регионах Руси.

С этим же связана и проблема формирования древнерусского города в Пруто-Днестровском междуречье. Местные протогородские ремесленные центры так и не успели стать полноценными древнерусскими городами (Бырня 1984:21-31; 1991:186-205; Тимошук 1981:119-122).

Таковы некоторые особенности взаимодействия Карпато-Поднестровья и Киевской Руси, что сказалось в своеобразии развития в этом регионе древнерусской культуры. В самом общем виде можно сделать вывод о том, что они обусловлены географическим расположением региона, находящегося в «контактной зоне» между разными культурно-историческими мирами.

ЛИТЕРАТУРА

Брайчевский М.Ю. 1983. Восточнославянские союзы племен в эпоху формирования древнерусского государства // Древнерусское государство и славяне. Минск, Наука и техника. С. 100-103.

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, Штиинца.

Бырня П.П. 1991. К проблеме градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья // Древности Юго-Запада СССР (I-середина II тысячелетия н.э.). Кишинев, Штиинца, С. 186-205.

Великанова М.С. 1978. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях // Славяно-волошские связи. Кишинев, Штиинца, С. 30-76.

Великанова М.С. 1983. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, Штиинца, С. 20-31.

Вернадский Г.В. 2004 КР. История России. Том 2. Киевская Русь. Москва, Тверь.

Добродомов И.Г. 1970. Два булгаризма в древнерусской этнонимии // Этнонимы. М., Наука. С. 160-163.

Гольцева Н.В., Каишуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. (Материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.). Тирасполь, Мако.

Древняя культура Молдавии 1974. Кишинев, Штиинца.

Киртичкиков А.Н. 1973. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИЕ1-36, Л., Наука.

Лебедев Г.С. 1983. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., Издательство ЛГУ. С. 103-112.

Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР, 152. Л., Наука.

Мачинский Д. А. 1981. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодалных славянских народностей. М., Наука. С. 31-52.

Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИЕ1-36. М., Наука.

НПЛ 1950 - Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. Под ред., предислов. А.Н.Насонова. М.-Л., Изд-во АН СССР.

ПВЛ 1950 - «Повесть временных лет», 1950. ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.-Л., Изд-во АН СССР.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей. 1962. Т. II. Ипатьевская летопись. М., Изд-во восточной литературы.

Рабинович Р. А. 1990. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, Штиинца. С. 51-57.

Рабинович Р. А. 1991. Гончарный горн на поселении X-XII вв. у с. Рудь // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. Кишинев, Штиинца. С. 99-109.

Рабинович Р. А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соиск.уч. степ. канд.ист. наук. Санкт-Петербург.

Рабинович Р. А. 1999. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // Stratum Plus, № 5. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса. С. 357-378.

Рабинович Р. А. 2000. Искушение «волошским орехом», или балканские волохи и русские волхвы // Stratum Plus, № 5. Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест. С. 262-390.

Рабинович Р. А. 2001. Проблема подчинения уличей и тиверцев Киевской Руси в контексте международной политической ситуации IX-X вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции 25-30 мая 1998 года. Ростов-на-Дону. С. 134-136.

Рабинович Р. А. 2003. «От ултинзуров к уличам, или предыстория одного летописного племени» // Stratum Plus, №5(2001-2002), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест. С. 282-299.

Рабинович Р. А. 2005. Уличи и тиверцы в оценках историографии // Stratum Plus, № 5 (2003-2004), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса - Бухарест.

Рабинович Р. А. 2005а. Проблема присутствия Галицкой Руси в Карпато-Днестровских землях в 1140-1240 гг. // Русин. Международный исторический журнал, № 2 (2), Кишинев. С. 69-85.

Рабинович Р. А. 2005б. О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников // Revista Arheologică, Serie nouă. Vol. 1, а 1, Chişinău. С. 120-132.

Рабинович Р. А. 2006. О происхождении и функциональном назначении средневековых круглых городищ в Пруто-Днестровском междуречье // Revista Arheologică, Serie nouă. Vol. II, № 1-2, Chişinău. С. 181-197.

Равдина Т. В. 1988. О датировке городища Алчедар // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, Штиинца. С. 54-71.

- Раппопорт П. А.* 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. МИА, 140, Л., Наука.
- Рафалович И. А.* 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, Штиинца.
- Рябцева С. С.* 2005. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.
- Рябцева С. С.* 2006. Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. // *Revista arheologica. Serie noua. Chişinău.* С. 143-168.
- Рябцева С. С., Рабинович Р. А.* 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв. // *Revista Arheologică, Serie nouă. Volumul I, Chişinău* – в печати.
- Соловьев С. М.* 1988. Сочинения в 18 книгах. Книга I. История России с древнейших времен. Т. 1-2, М., Мысль.
- Тельнов Н. П.* 2003. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. // «Stratum Plus», № 5 (2001-2002), Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса – Бухарест. С. 142-264.
- Тельнов Н. П., Степанов В. П., Руссов Н. Д., Рабинович Р. А.* 2002. «И разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.
- Тимошук Б. А.* 1981. Древнерусские города Северной Буковины // *Древнерусские города.* М., Наука. С. 116-136.
- Трубачев О. Н.* 1961. О племенном названии уличи // *Вопросы славянского языкознания*, вып. 5. С. 186-190.
- Хабургаев Г. А.* 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М., Издательство МГУ.
- Федоров Г. Б.* 1953. Городище Екимауцы // *КСИА.* Вып. 50. С. 104-126.
- Федоров Г. Б.* 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, 89, М.
- Федоров Г. Б.* 1964. Работы Прутско-Днестровской экспедиции 1960-1961 гг. // *КСИА*, 99. С. 77-88.
- Федоров Г. Б.* 1964а. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 г. // *Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.* С. 67-81.
- Федоров Г. Б.* 1968. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // *КСИА*, 113. С. 85-93.
- Федоров Г. Б.* 1973. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным) // *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма.* Кишинев. С. 42-52.
- Федоров Г. Б.* 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Москва 1974-рукопись. Хранится в библиотеке университета Высшая антропологическая школа (Кишинев, Молдова).
- Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* 1974. Памятники древних славян. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6, Кишинев.
- Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф., Великанова М. С.* 1984. Бранештский могильник X-XI вв. Кишинев.

Хьинку И.Г. 1970. Лимбарь-средневековый могильник XII-XIV веков в Молдавии. Кишинев.

Хьинку И.Г. 1971. Керамика славян Поднеэтровья в X-XII вв. // Известия АН МССР, № 2. С. 80-92.

Хьинку И.Г. 1973. Кэпрэрия-памятник культуры X-XII вв. Кишинев, Штиинца.

Чеботаренко Г.Ф. 1982. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII в. Кишинев.

Rabinovici R. 2002. Vărfurile de săgeată din fier în Moldova medievală timpurie și contextul lor cultural-istoric. // Arheologia Moldovei, XXII, București. P. 233-240.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ ПОЗДРАВИЛ ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТА ЛАВРА

Предстоятель Русской церкви поздравил первоиерарха Русской зарубежной церкви митрополита Восточноамериканского и Нью-Йоркского Лавра с сорокалетием архиерейской хиротонии и днем тезоименитства.

«Молитвенно пребывая с Вами, через Наши посланцев сердечно приветствуем и поздравляем Вас по случаю знаменательных торжеств, посвященных сорокалетию Вашей архиерейской хиротонии и Вашему тезоименитству», - говорится в поздравлении Его Сятейшества.

«Видя Вашу духовную мудрость и многоопытность в управлении, Господь поставил Вас у кормила Русской Зарубежной Церкви в непростой для нее исторический момент, - сказал святейший патриарх Алексий. - И вот, настал знаменательный день Вознесения Господня 2007 года, когда вся Церковь Русская вкупе с сонмом святых Новомучеников и всех святых земли Российской, предстоящих Престолу Божию, возрадовалась о свершении той миссии, которую Пастыреначальник Христос возложил на Ваше Высокопреосвященство». «Восстановление некогда утраченного единства стало драгоценнейшей жемчужиной в венце Ваших трудов на благо Святой Церкви», - подчеркнул предстоятель Русской церкви.

Правление Общественной организации «Русь», редколлегия международного исторического журнала «Русин» поздравляют владыку Лавра с сорокалетием архиерейской хиротонии и днем тезоименитства и желают владыке дальнейших успехов в деле сохранения и расширения русского православия и русского этнокультурного пространства.

Игорь ПИВОВАР

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В ОБЛАСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Действующее законодательство Республики Молдова в области межэтнических отношений начало складываться в конце 80-х годов прошлого столетия.

Первым законодательным актом в этой области можно считать **Закон о статусе государственного языка Молдавской ССР**, принятый 31 августа 1989 года (№ 3464-XI)¹. В соответствии с положениями данного нормативного акта Конституция Молдавской ССР была дополнена статьей 70-1. В соответствии с положениями данной статьи, государственным языком был провозглашен молдавский язык. В то же время гарантировалось обеспечение условий для развития и использования русского языка, а также языков населения других национальностей. Кроме того, в соответствии с ч. 2 указанной статьи Молдавская ССР обеспечивала охрану и развитие гагаузской народности, большая часть которой проживает на территории республики.

1 сентября 1989 года был принят **Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова** (№ 3465-XI)². Закон регулирует вопросы использования молдавского языка как государственного, русского, украинского, гагаузского, болгарского, иврита, идиша, цыганского, языков других этнических групп, проживающих на территории республики. Законом гарантируется обеспечение защиты конституционных прав и свобод граждан любой национальности, проживающих на территории государства, независимо от используемого языка в условиях равенства всех граждан перед Законом. Государство обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка, а также языков населения других национальностей, проживающих в республике. В соответствии с Законом (ст. 3), русский язык используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия.

В период с 1991 по 1993 годы был принят целый ряд указов Президента и постановлений Правительства, направленных на под-

держку и обеспечение развития украинской, русской, еврейской, болгарской, цыганской национальных культур на территории Республики Молдова (Указ Президента № 64 от 22.02.1991 года; Постановление Правительства № 219 от 25.04.1991 года; Постановление Правительства № 336 от 09.07.1991 года; Указ Президента № 161 от 12.08.1991 года; Постановление Правительства № 682 от 09.12.1991 года; Указ Президента № 79 от 30.03.1992 года; Постановление Правительства № 428 от 23.06.1992 года; Распоряжение Президента № 51 от 08.10.1993 года); 5 июня 1991 года был принят **Закон о гражданстве Республики Молдова** ((№ 596-XII)³. В настоящее время утратил силу)). В соответствии с законом, гражданами Республики Молдова были признаны лица, которые ко времени провозглашения Молдовой суверенитета постоянно проживали на ее территории. Принятие так называемого «нулевого варианта» позволило без проблем решить вопрос выбора своей гражданской принадлежности представителями национальных меньшинств, проживающих в республике.

29 июля 1994 года была принята **Конституция Республики Молдова**⁴. В соответствии с Конституцией, основу государства составляет единство народа Республики Молдова. Республика Молдова является общей и неделимой родиной всех ее граждан. Государство признает и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности. Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики. Государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны. Государство содействует изучению языков международного общения. Все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения. Особый интерес вызывают положения ст. VII Раздела VII Конституции, в соответствии с которыми действительным и основным актом, регламентирующим функционирование языков на территории страны, является Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова № 3465-XI от 1 сентября 1989 года. В вышеназванный закон в течение 7 лет после вступления в силу Конституции могут быть внесены изменения двумя третями голосов депутатов.

23 декабря 1994 года принят **Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)** (№ 344-XIII)⁵. Закон был принят, как указывается в его преамбуле, в целях удовлетворения национальных потребностей и сохранения самобытности гагаузов, их наиболее полного и всестороннего развития, обогащения языка и национальной культуры,

обеспечения политической и экономической самостоятельности. В соответствии с законом Гагаузия – это территориальное автономное образование с особым статусом как форма самоопределения гагаузов, являющаяся составной частью Республики Молдова. Официальными языками Гагаузии являются молдавский, гагаузский и русский языки. Наряду с официальными языками на территории Гагаузии гарантируется функционирование и других языков.

21 июля 1995 года был принят **Закон об образовании** (№ 547-ХIII)⁶. В соответствии с законом, одной из задач образования является воспитание уважения к родителям, к самобытности, языку и культурным ценностям своего народа, а также к национальным ценностям страны проживания и других культур. Право на образование гарантируется независимо от национальности, пола, расы, возраста, религии, социального происхождения и положения, политической принадлежности, наличия или отсутствия судимости. Государство обеспечивает право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях образования. Право граждан на воспитание и обучение на родном языке обеспечивается созданием необходимого количества учебных заведений, классов, групп, а также условий для их функционирования. Изучение государственного языка Республики Молдова является обязательным во всех учебных заведениях.

27 мая 1999 года был принят **Закон о культуре** (№ 413-ХIV)⁷. В соответствии с законом, культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого человека независимо от национальной принадлежности, социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и других убеждений, местожительства, имущественного положения, образования, профессии и других обстоятельств. Любое лицо имеет право на защиту государством своей культурной самобытности.

22 октября 1999 года был принят **Закон о внесении изменений и дополнений в Закон об административно-территориальном устройстве Республики Молдова от 12 ноября 1998 года** (№ 650-ХIV. В настоящее время утратил силу)⁸. Закон предусматривал образование уезда Тараклия, 64% населения которого составляло болгарское население. Это был первый и пока единственный случай формирования административно-территориальной единицы второго уровня без особого статуса автономии, на основании этнической принадлежности ее населения.

16 февраля 2001 года Правительство приняло **Постановление о некоторых мерах по поддержке цыган Республики Молдова**⁹ (№ 131. В настоящее время утратило силу). В соответствии с данным Постановлением, были утверждены Основные направления деятельности по поддержке цыган на 2001-2010 годы.

19 июля 2001 года был принят **Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций** (№ 382-XV)¹⁰. В соответствии с законом, под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории Республики Молдова, являющиеся ее гражданами, обладающие этническими, культурными, языковыми и религиозными особенностями, отличающими их от большинства населения – молдаван, и осознающие себя лицами иного этнического происхождения. Как видно, Республика Молдова пошла по пути определения статуса национальных меньшинств без ограничений, то есть, не связав предоставление данного статуса с такими условиями, как давность проживания на территории государства, принадлежность к так называемым «коренным этническим сообществам», численность того или иного сообщества и т.д., а также не предусмотрев какого-либо исчерпывающего перечня этнических сообществ, официально признанных национальными меньшинствами. В соответствии с Законом, государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Закон гарантирует право национальных меньшинств получать образование на молдавском и русском языках, а также воспитание и обучение на родном языке (украинском, гагаузском, болгарском, иврите, идише и др.); право беспрепятственно пользоваться родным языком как в письменной, так и в устной форме, иметь доступ к информации на этом языке, распространять такую информацию и обмениваться ею; право обращаться в публичные учреждения в устной и письменной форме на молдавском, русском и других языках и получать ответ на языке обращения (в населенных пунктах, которым предоставлен особый статус автономии, языком общения может выступать любой из официальных языков; на территории, где национальные меньшинства составляют значительную часть населения, в качестве языка общения с органами публичной власти может выступать язык этого меньшинства); учреждать средства массовой информации, а также издавать литературу на языках меньшинств; определять свое отношение к религии, в частности, выбирать конфессию, а также осуществлять индивидуально или совместно с единоверцами религиозно-просветительскую деятельность на родном или ином приемлемом для них языке, совершать обряды, содержать религиозные здания, использовать религиозную литературу и культовые предметы; отмечать свои национальные праздники и исторические даты, принимать участие в совершении обряда своих народов, использовать в частном порядке свою национальную символику; употреблять свои

фамилии, имена и отчества (если таковые используются в их родном языке) так, как это принято в их родном языке, при необходимости прибегая к транслитерации в соответствии с нормами молдавского языка.

24 октября 2003 года Постановлением Парламента № 415-XV был утвержден **Национальный план действий в области прав человека на 2004-2008 годы**¹¹. Отдельная глава Плана посвящена обеспечению прав национальных меньшинств. План предусматривает подготовку к ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (2006 год); приведение законодательства в соответствие со стандартами Хартии; соблюдение принципа пропорционального представительства в органах власти, суде, полиции, вооруженных силах; обеспечение преподавания украинского, болгарского, гагаузского языков в населенных пунктах, в которых представители соответствующих национальностей составляют значительную часть населения; изучение вопроса о преподавании цыганского языка в некоторых учебных заведениях и др.

19 декабря 2003 года была принята **Концепция национальной политики Республики Молдова** (утверждена Законом № 546-XV)¹². Концепция национальной политики Республики Молдова представляет собой совокупность принципов, приоритетных целей и задач по интеграции и консолидации единого поликультурного и многоязычного народа Республики Молдова путем приведения общенациональных интересов в соответствие с интересами всех этнических и языковых сообществ страны. В соответствии с Концепцией, свободное развитие культур различных этнических и языковых сообществ в Республике Молдова является реальностью, успешно способствующей становлению и развитию общего духовного пространства и общего культурного наследия Молдовы. Важнейшим приоритетом государства является сохранение этого общего наследия. Этническое, культурное и языковое многообразие, взаимная терпимость и межэтнических мир являются главным достоянием Молдовы. Концепция национальной политики Республики Молдова содержит основные направления национальной политики, принципы, цели национальной политики, а также конкретные задачи в политической и государственно-правовой сфере, в социально-экономической сфере, в сфере образования, культуры и воспитания, во внешнеполитической сфере. Концепция национальной политики Республики Молдова является базовым документом для органов публичной власти при проведении социально-экономической и культурной политики в области развития и укрепления независимости и суверенитета страны, консолидации многоэтничного народа Республики Молдова.

22 июля 2005 года Парламент Республики Молдова принял **Закон об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровье)** (№ 173-ХVI)¹³. В соответствии с законом, на территории Приднестровья – автономного образования с особым правовым статусом, являющегося составной частью Республики Молдова, официальными языками являются молдавский, украинский и русский языки.

21 декабря 2006 года Постановлением Правительства № 1453 был утвержден **План действий по поддержке цыган / ромов Республики Молдова на 2007-2010 годы**¹⁴. План предусматривает проведение целого ряда мер, направленных на социально-культурное развитие ромов Молдовы.

В период 1989–2007 гг. был принят целый ряд и других законодательных и нормативных актов, затрагивающих сферу межэтнических отношений, в том числе: Постановление Верховного Совета о порядке введения в действие Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова (№ 3466-ХI от 01.09.1989 г.), Постановление Совета Министров об утверждении Государственной комплексной программы обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР (№ 228 от 29.09.1989 г.); Указ Президента о некоторых мерах по обеспечению исполнения законодательства о государственном языке (№ 202 от 21.09.1992 г.), Постановление Правительства об организации и проведении аттестации кадров на уровень знания государственного языка (№ 805 от 28.12.1993 г.), Постановление Парламента об образовании парламентской комиссии по изучению причин, затрудняющих проведение аттестации кадров на знание государственного языка (№ 36-ХIII от 01.04.1994 г.), Постановление Парламента о мерах по обеспечению изучения государственного языка некоторыми категориями граждан Республики Молдова в целях выполнения ими служебных обязанностей (№ 151-ХIII от 17 июня 1994 г.), Закон о культурах (№ 979-ХII от 24.03.1992 г.), Постановление Парламента о правовом статусе лиц, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам, в контексте вооруженного конфликта в районах левобережья Днестра (№ 1039-ХII от 26.05.1992 г.), Распоряжение Президента об открытии Дома национальностей (№ 5 от 15.02.1993 г.), Постановление Правительства об учреждении Дома национальностей (№ 452 от 29.06.1994 г.), Закон о порядке опубликования и вступления в силу официальных актов (№ 173-ХIII от 6.07.1994 г.), Закон о подаче петиций (№ 190-ХIII от 19.07.1994 г.), Закон об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы (№ 273-ХIII от 09.11.1994 г.), Закон о судоустройстве (№ 514-ХIII от 06.07.1995 г.), Закон о рекламе (№ 1227-ХIII от 27.06.1997 г.), Закон об актах гражд-

данского состояния (№ 100-XV от 26.04.2001 г.), Постановление Парламента о результатах контроля исполнения Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций (№ 1293-XV от 25.07.2002 г.), Кодекс телевидения и радио Республики Молдова (№ 260-XVI от 27.07.2006 г.), Кодекс об административных правонарушениях (статьи 200³ и 200⁴), Уголовный кодекс (ст. 346) и др.

Республика Молдова присоединилась к основным международным актам в области прав человека, среди которых: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парижская хартия для новой Европы и др.

Республика Молдова подписала также ряд двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве с государствами, являющимися этно-историческими родинами национальных меньшинств, проживающих на территории республики, либо близкими им по культуре. В данных договорах содержатся специальные пункты, предусматривающие обеспечение и защиту национальных меньшинств. В настоящее время подобные соглашения подписаны с Украиной, Россией, Турцией, Болгарией, Беларусью, Польшей и другими государствами.

Как видно, за период 1989–2007 гг. Республика Молдова приняла целый ряд законодательных и нормативных актов в области межэтнических отношений, защиты прав национальных меньшинств, функционирования языков. В то же время, несмотря на подробное правовое регламентирование сферы межэтнических отношений, процесс развития законодательства в данной области, как нам представляется, далеко не завершен. В настоящее время необходимо внесение изменений и дополнений в некоторые правовые акты, принятие новых законов, а также присоединение к некоторым международным актам.

І. Основным правовым актом, нуждающимся, по нашему мнению, в некоторых изменениях и дополнениях, является **Закон о функционирования языков на территории Республики Молдова**, принятый в 1989 году. Несмотря на тот факт, что данный закон был принят еще до провозглашения Республикой Молдова своей независимости, до настоящего времени он практически не претерпел никаких изменений (единственное изменение было внесено 29 мая 2003 г. и касалось вопросов уголовного преследования и судебных действий¹⁵). Невнесение изменений и дополнений в вышеназванный закон связано с край-

ней политизацией проблемы функционирования языков на территории республики, особенно проблемы правового статуса русского языка. Кроме того, в соответствии со ст. VII Раздела VII Конституции Республики Молдова, в течение 7 лет после вступления в силу Конституции изменения в данный закон могли быть внесены двумя третями голосов депутатов. То есть, в период с 27 августа 1994 года (дата вступления Конституции в силу) по 27 августа 2001 года Закон о функционировании языков обладал особым статусом, сравнимым со статусом конституционных законов.

В настоящее время, как нам представляется, вопрос о пересмотре закона является своего рода «табу», что во многом оправдано. Значимость данного закона проявляется в том, что он предоставляет русскому языку статус языка межнационального общения, что предполагает гарантирование его официального использования на всей территории страны наряду с государственным. В том, что касается взаимоотношений граждан с органами публичной власти, статус русского языка фактически приравнен к статусу государственного языка. Кроме того, закон гарантирует широкое использование других языков на территории республики. Однако, как показала практика, статус языков, в особенности русского языка, по сути дела является очень хрупким. Так, используя различные мотивы, данный статус можно попытаться оспорить. Кроме того, в настоящее время существует проблема недопонимания либо неприятия существующего статуса русского языка. В связи с этим предпринимаются попытки искусственного сужения его социальных функций.

В качестве примера можно привести рассмотрение вопроса о соответствии Конституции Республики Молдова отдельных положений Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций. Так, в декабре 2001 года группа депутатов Парламента Республики Молдова обратилась в Конституционный суд с обращением о контроле конституционности некоторых положений Закона о правах национальных меньшинств, в частности, положений, касающихся использования русского языка. По мнению авторов обращения, русскому языку придан статус, приравненный к статусу официального языка государства, установлен особый режим, отличный от других языков, используемых на территории Республики Молдова. Авторы посчитали, что оспариваемые нормы существенно расширяют ареал применения русского языка в официальных сферах, создавая, таким образом, привилегированное положение для граждан Республики Молдова русской национальности или для русских по этническому происхождению, по отношению к другим национальным меньшинствам, чем ущемляют конституционный принцип равенства и недискриминации.

Соотнеся оспариваемые положения законов с конституционными и другими нормами, а также с международными нормами в данной области, Конституционный суд отметил, что порядок функционирования языков на территории Республики Молдова устанавливается органическим законом, а именно Законом о функционировании языков от 1 сентября 1989 года; данным законом русский язык наряду с молдавским языком наделен функцией языка межнационального общения. В соответствии с решением Конституционного суда № 28 от 30 мая 2002 года¹⁶, большая часть оспариваемых положений закона была признана соответствующей Конституции. В то же время, положения двух статей Закона о правах национальных меньшинств (ст. ст. 10 и 11) были признаны неконституционными. Суд констатировал, что соответствующими положениями законодатель превысил конституционные и законодательные нормы в части использования русского языка в сферах социальной жизни, порождая разногласия между национальными меньшинствами, проживающими на территории Республики Молдова.

Таким образом, Конституционный суд, мотивируя свое решение, по сути дела развил мнение депутатов – авторов рассматриваемого обращения, утверждая, что оспариваемые законодательные нормы в части использования русского языка в сферах социальной жизни порождают разногласия между национальными меньшинствами, проживающими в стране. Данный факт был отмечен в Постановлении Парламента о результатах контроля исполнения Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций № 1293-XV от 25.07.2002 г. (ст. 11)¹⁷, где указано, что Конституционный суд обосновал свое решение не правовыми, а политическими мотивами. В соответствии с Заявлением Парламента Республики Молдова, утвержденным Постановлением № 1308-XV от 25.07.2002 г.¹⁸, признав неконституционными положения Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций и Закона об актах гражданского состояния, Конституционный суд отошел от правового анализа вопроса и позволил себе дать политическую оценку, что противоречит его статусу.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в случае разработки нового законодательства в области функционирования языков положения последнего, в частности, в том, что касается статуса языков, легко могут быть оспорены. Особенность же Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова № 3465-XI от 01.09.1989 г. заключается в том, что в соответствии с законодательством, контролю конституционности подлежат только нормативные акты, принятые после вступления в силу Конституции Республики

Молдова – 27 августа 1994 года¹⁹. Таким образом, положения Закона о функционировании языков не могут быть оспорены, как противоречащие Основному закону. Кроме того, Конституционный суд в Постановлении № 28 от 30 мая 2002 года уже высказался относительно положений Закона о языках, признав его действительным и основным актом по регламентации функционирования языков на территории страны. Налицо правовой прецедент, который может и должен быть использован в случае дальнейших разногласий по поводу законодательства о функционировании языков.

Таким образом, принятие нового Закона о функционировании языков и, соответственно, отмена закона, принятого в 1989 году, представляется нецелесообразным, так как может привести к нежелательным последствиям. В то же время следует признать, что многие положения Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова № 3465-XI от 01.09.1989 г. устарели и нуждаются в изменении либо дополнении.

Во-первых, необходимо заменить такие синтагмы, как «Молдавская Советская Социалистическая Республика», «Молдавская ССР», «СССР», «Министерство Оборонь СССР», «КГБ СССР», «МВД СССР», «Совет Министров Молдавской ССР», «Советы народных депутатов», «исполнительные комитеты», «государственный арбитраж» и др.

Во-вторых, необходимо внести изменения, касающиеся официальных языков на территории Гагаузии (в законе частично присутствуют) и Приднестровья.

В-третьих, действующий закон предусматривает использование языков, в частности – украинского, гагаузского, болгарского, в некоторых случаях русского, лишь в тех населенных пунктах, где представители соответствующего меньшинства составляют большинство населения. Данное положение, как нам представляется, значительно снижает возможность использования соответствующих языков. Считаем, что закон должен предусматривать использование тех или иных языков в населенных пунктах, где представители соответствующего национального меньшинства составляют значительную часть населения, в объемах, закрепленных органами местного публичного управления.

В-четвертых, представляется целесообразным пересмотреть положение закона относительно единственного официального наименования населенных пунктов и иных географических объектов на территории республики в его первоначальной молдавской и соответственно гагаузской формах (без перевода и адаптации). В соответствии с данным положением, наименования населенных пунктов на русском языке должны употребляться в соответствии с нормами государственного языка (Кишинэу, Бэлць, Басарабяска и т.д.).

Кроме того, закон нуждается и в других изменениях и дополнениях.

Необходимо отметить, что в соответствии с установленным порядком, внесение изменений и дополнений в закон предполагает принятие отдельного закона о соответствующих изменениях и дополнениях (в данном случае это будет Закон о внесении изменений и дополнений в Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова от 01.09.1989 г.). В случае появления каких-либо разногласий контролю конституционности, что предполагает признание правового акта соответствующим либо несоответствующим Конституции, может быть подвергнут исключительно Закон о внесении изменений и дополнений. Признание Закона о внесении изменений и дополнений неконституционным повлечет за собой признание его не имеющим юридической силы, однако не затронет положений самого Закона о функционировании языков 1989 г., который останется действующим правовым актом.

II. Актуальной в настоящее время является разработка **Закона о недискриминации**. Так, План действий Республика Молдова – Европейский Союз (раздел 2.1, пункт (4), утвержденный Постановлением Правительства № 356 от 22.04.2005 г.²⁰) предусматривает разработку и имплементацию законодательства о ликвидации дискриминации.

В этой связи необходимо отметить, что Советом Европейского Союза были приняты две основные директивы в данной области: Директива 2000/43/ЕС от 29.06.2000 г. о реализации принципа равноправия граждан, независимо от расы или этнического происхождения²¹, Директива 2000/78/ЕС от 27.11.2000 г. об установлении общих требований относительно равенства в том, что касается трудоустройства и трудовой занятости²². Данные директивы содержат четкое определение понятий «прямая дискриминация» и «косвенная дискриминация», предусматривают целый ряд мер, которые необходимо принять государствам – членам Европейского Союза для недопущения дискриминации.

Считаем, что Республика Молдова, провозгласившая одним из приоритетов своей внешней политики интеграцию в Европейский Союз, должна самым серьезным образом подойти к данной проблеме. Здесь можно отметить, что действующее законодательство республики в целом соответствует положениям указанных директив. В то же время целесообразным представляется разработка и принятие отдельного закона в данной области. В настоящее время разработкой соответствующего закона занимаются в основном общественные неправительственные организации.

III. Несмотря на то, что Республика Молдова присоединилась к абсолютному большинству международных актов в области прав че-

ловека, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о ратификации двух конвенций: Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств²³, а также Конвенции об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам²⁴.

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств предусматривает целый ряд практических мер, направленных на поддержку региональных языков или языков меньшинств в соответствующем государстве. Государствам при ратификации предоставлено право выбора тех пунктов Хартии, которые обеспечат наиболее возможный режим защиты и поддержки языков. Европейская хартия содержит потенциальные обязательства государств по отношению к тем или иным языкам в следующих областях: образование, судебные власти, административные органы и государственные службы, средства массовой информации, культурные мероприятия и средства их обеспечения, экономическая и общественная жизнь, межгосударственные обмены.

При ратификации Хартии представляется целесообразным учитывать реальное положение языков на сегодняшний день и указать лишь те пункты либо подпункты Хартии, выполнение которых государство в состоянии реально обеспечить. В дальнейшем, по мере развития языковой ситуации в республике, можно будет принять новые обязательства, распространив на тот или иной язык (языки) пункты либо подпункты Хартии, которые не были приняты ранее.

Что касается приведения действующего законодательства в соответствие с Хартией, необходимо отметить, что положения Хартии практически полностью созвучны положениям действующего законодательства Республики Молдова в области функционирования языков (Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова, Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций, Концепция национальной политики Республики Молдова и др.). Положения Хартии вполне могут быть инкорпорированы в правовое поле республики без внесения изменений в действующее законодательство. В то же время идеальной представляется ситуация, при которой ратификации Хартии будет предшествовать внесение изменений и дополнений в Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова, о чем говорилось выше.

Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам предусматривает целый ряд практических мер, направленных на сохранение, развитие и свободное выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств. Большинство положений Конвенции уже находит свое отражение в действующем законодательстве Республики Молдова, в частности, в Законе о правах лиц, принадлежащих к

национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций, а также соответствует положениям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, ратифицированной республикой в 1996 году.

Особое значение данной Конвенции заключается в том, что она является единственным многосторонним международным актом, имеющим обязательную юридическую силу для сторон, его ратифицировавших, который содержит правовое определение понятия «национальное меньшинство». Определение, содержащееся в конвенции, практически полностью соответствует определению, данному Законом о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций.

Ратификация данного документа на международном уровне закрепит определение «национального меньшинства» и поможет избежать спекуляций относительно категорий граждан, подпадающих под данную дефиницию, а, следовательно, обладающих целым рядом прав и свобод, гарантированных международным правом. Кроме того, будут созданы дополнительные международные гарантии защиты прав национальных меньшинств на территории Республики Молдова. Ратификация Конвенции не потребует каких-либо дополнительных финансовых затрат, а также внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Вышеприведенные рекомендации являются далеко не исчерпывающим перечнем мер по развитию законодательства Республики Молдова в области межэтнических отношений. Процесс совершенствования даже вполне оформившейся системы, каковой, по нашему мнению, является законодательство Молдовы в данной области, является, по сути, бесконечным и зависит от развития ситуации в области межэтнических отношений как в республике, так и за ее пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Официальный бюллетень*, № 9 от 31.08.1989 г.
2. *Ведомости Верховного Совета и Правительства Молдавской ССР*, № 9, 1989 г., ст. 217.
3. *Официальный монитор*, № 6 от 30.06.1991 г.
4. *Официальный монитор*, № 1 от 12.08.1994 г. (вступила в силу 27 августа 1994 г.).
5. *Официальный монитор*, № 3-4 от 14.01.1995 г., ст. 51.
6. *Официальный монитор*, № 62 от 09.11.1995 г., ст. 692.
7. *Официальный монитор*, № 83 от 05.08.1999 г., ст. 401.
8. *Официальный монитор*, № 120 от 04.11.1999 г.
9. *Официальный монитор*, № 19-20 от 22.02.2001 г., ст. 170.

10. *Официальный монитор*, № 107 от 04.09.2001 г., ст. 819.
11. *Официальный монитор*, № 235 от 28.11.2003 г., ст. 950.
12. *Официальный монитор*, № 1 от 01.01.2004 г., ст. 24.
13. *Официальный монитор*, № 101 от 29.07.2005 г., ст. 478.
14. *Официальный монитор*, № 203 от 31.12.2006 г., ст. 1573.
15. *Официальный монитор*, № 149 от 18.07.2003 г., ст. 598.
16. *Официальный монитор*, № 75 от 13.06.2002 г., ст. 19.
17. *Официальный монитор*, № 117 от 15.08.2002 г., ст. 974.
18. *Официальный монитор*, № 113 от 05.08.2002 г., ст. 913.
19. Ст. 4(2) Кодекса конституционной юрисдикции № 502-ХІІІ от 16.06.1995 г. *Официальный монитор*, № 53-54 от 28.09.1995 г., ст. 597.
20. *Официальный монитор*, № 65 от 29.04.2005 г., ст. 412.
21. Неофициальный перевод с английского языка (Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin).
22. Неофициальный перевод с английского языка (Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation).
23. Принята Комитетом министров Совета Европы 25 июня 1992 года. Республика Молдова подписала Хартию 11 июля 2002 года. Подготовка к ратификации Хартии была предусмотрена на 2006 год (в соответствии с Национальным планом действий в области прав человека на 2004-2008 годы, утвержденным Постановлением Парламента № 415-ХV от 24 октября 2003 года). До настоящего времени Республика Молдова не ратифицировала данный документ. Опубликована в сборнике *Регулирование использования языков в полиэтническом обществе. Материалы международной конференции*. Кишинев, 1996. С. 123-139.
24. Подписана 21 октября 1994 года государствами-участниками Содружества Независимых Государств, включая Республику Молдова. Подготовка к ратификации Конвенции была предусмотрена на 2005 год (в соответствии с Национальным планом действий в области прав человека на 2004-2008 годы, утвержденным Постановлением Парламента № 415-ХV от 24 октября 2003 года). До настоящего времени Республика Молдова не ратифицировала данный документ. Опубликована в сборнике *Абарона правоу асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь*. Мінск, УП «ЭНЦЫКЛАПЕ-ДЫКС», 2004. С. 78.

Татьяна ЗАЙКОВСКАЯ

ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Большинство жителей полиэтничной и поликультурной Республики Молдова владеют двумя (а нередко и тремя) языками, по меньшей мере, на уровне бытового общения. Наиболее широко используемыми являются молдавский и русский языки. Русское слово на протяжении веков звучало на этих широтах и продолжает звучать в полную силу в процессе межкультурного диалога. Вопросы взаимопонимания между представителями различных культур и носителями разных языков по вполне понятным причинам носят отнюдь не отвлеченный характер в нашей стране, которая на протяжении многих веков представляла собой не просто неоднородную, но довольно пеструю картину в отношении этнического многообразия.

Различие между билингом и монолингом, как известно, заключается в том, что у первого между реальным миром и сознанием посредниками выступают два языка, а не один.

Понятие *родной язык* в языковом сознании представителей различных народов, конечно же, занимает центральное место. Это связано, прежде всего, с действием ментальных стереотипов, работающих на разграничение «своего» и «чужого», на основе самоидентификации любого этнического сознания¹.

Положение ребенка, воспитывающегося в этнически однородном обществе, в котором речевая деятельность производится на основе одного и того же языка, отличается от ситуации, когда он развивается в полиэтничном обществе. Особенности поликультурного социума, состоящего из носителей различных языков, накладывают свой отпечаток на его познание и понимание мира.

В структуре языковой личности билинга инвариантами для двух языковых моделей являются когнитивный и прагматический уровни. Это такие мыслительные структуры, которые не зависят от языков. «Универсальными для актуализации той или иной языковой модели в речемышлении билинга являются язык мозга (нейрофизиологический субстрат) и язык мысли, предметно-схемный код (по Н.И. Жинкину), оперирующий образцами, схемами действий, гештальтами, картинками, символами... Сущность процесса речемышления билингов составляет не непосредственный переход от родного (доминанты) к неродному, а переход с лексико-грамматической структуры на родном

языке к структуре содержания этой единицы, базирующегося на когнитивно-прагматическом уровне, а от нее – к лексико-грамматической структуре на неродном языке. Истоки вариативности языковых моделей лежат в особенностях языкового знака... Неизоморфны внутренний и внешний планы речи»². Не совпадают внутренние формы слов, ср.: русск. *коленная чашечка* – молд. *nisa genunchiului* (досл. 'орех колена' или 'коленный орех').

Различия в способах обозначения одних и тех же реалий обусловлены и произвольностью языкового знака, отсутствием жесткой однозначной связи между материальной стороной знака и его означаемым. «Обладая помимо специфично отображенных знаний о мире еще и собственной семантикой, *языковые картины мира* становятся источником дополнительной (к концептуальной картине) информации о реальности»³.

Таким образом, язык активно участвует в классификации и категоризации опыта человека, а языковой знак является носителем не только закрепленного за ним знания о денотате (обозначаемом), но и знания о специфике структуры и системы языка, а также о правилах оперирования этим знаком. Существуют, разумеется, и национально-специфические формы, отражающие условия жизнедеятельности того или иного народа, реалии, которые характеризуют его этнический тип и культуру. Эти особенности не варьируются в языках, однако вариативность может возникать и здесь – в результате межъязыковых взаимосвязей.

Уточним, что мы понимаем под языковой картиной мира: это совокупность предметов, явлений и процессов, которые отличаются жесткой закрепленностью и долгосрочной сохранностью в языковых социально-типичных значениях, а также те связи и отношения между ними, которые в обобщенном и отвлеченном виде зафиксированы в синтаксическом строе языка и широко представлены в разнотипных текстах.

Под культурой, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем «способность человека к ориентации в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе знания эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т. п. как своего рода образцов-прототипов категорий культуры, образующих ее язык»⁴.

Речевое сообщение строится в расчете на понимание, являющееся той предпосылкой, на которую опирается передача опыта, знаний, переживаний, а текст (в широком плане) и его понимание являются двумя сторонами одного и того же логико-лингвистического процесса декодирования смысла, что в конечном итоге зависит от личностного фактора, от способности придать смысл, исходя из индивидуального смыслового контекста с учетом взаимодействия всех составляющих сложного комплекса познавательных процессов человека. Целостный

смысл текста можно постичь, лишь учитывая все те пласты смысла, которые возникают в результате взаимодействия между текстом и контекстом. Контекстом принято называть те экстралингвистические отношения, которые делают текст осмысленным.

Таким образом, язык, составляя неотъемлемую часть познания мира, в то же время отражает взаимодействие между психологическими (в том числе и связанными с национальной психологией, национальным характером), коммуникативными, функциональными и культурными факторами, которые оказывают значительное влияние на осуществление процесса взаимопонимания; здесь же находятся и корни причин непонимания, а часто вследствие этого и неприятия собеседника как личности, отличающейся от нас по разным параметрам.

Справедливо считается, что необходимое условие диалога заключается в том, чтобы видеть и слышать своего оппонента не как врага (в противном случае путь к взаимопониманию будет изначально заблокирован) и не как свое подобие (личность без стремления к своей уникальности не может общаться с другими, не рискуя раствориться в них), а как Другого.

Приведем пример без комментариев, без оценки его знаками «+» или «-», подчеркнем лишь, что бесспорно одно – наличие факта общения. На различных каналах украинского телевидения существуют программы и циклы передач, в которых два ведущих общаются между собой и со студийной аудиторией, а также обращаются к телезрителям следующим образом: один использует только украинский язык, а другой – только русский. Причем отвечать им могут на любом из указанных языков.

В научной литературе отмечается возросшая в последнее время значимость слова: «Язык стал новым мощным измерением идентификации общества, но также... новым принципом раскола и вражды, наложением на другие культурные различия»⁵.

Участвуя в передаче «Комната отдыха» (16 мая 2007 г.), министр культуры РФ, беседуя о процессах, происходящих в сфере русской культуры, на вопрос «Надо ли вводить цензуру с целью противостоять непрофессионализму, например, в журналистике?» ответил следующее: «Слово *цензура* в России слишком скомпрометировало себя, чтобы его использовать сейчас, какой бы смысл мы в него ни вкладывали... Так же, как и слово *идеология* надо сначала основательно отмыть, прежде чем им пользоваться».

Таким образом, он подчеркнул эту силу слова, власть коннотаций, возникающих при употреблении той или иной лексемы, когда слово оказывается «отягощено прошлым», сопряжено с определенными фоновыми знаниями, не содержащимися непосредственно в его значе-

нии, но сопутствующими ему. В частности, поэтому, употребляя порой те или иные лексемы, носители разных языков и культур в процессе межкультурной коммуникации чрезвычайно часто вкладывают в них неодинаковые значения.

См. примеры, приведенные в нашей последней статье (Национализм и *naționalism*, этнос и *etnie*, Республиканская конференция и *conferința națională*, а также другие)⁶. Это подтверждается и результатами множества ассоциативных экспериментов, которые проводились автором данной работы на протяжении ряда лет⁷.

При исследовании процесса межкультурной коммуникации особого внимания требует учет таких понятий, как *культурный фон* и *свернутый языковой знак / свернутый национально-культурный текст*. Это тема заслуживает отдельного внимания, в данном случае отметим лишь некоторые моменты.

Для изучения культуруносной функции языковых знаков необходимо различать культурную информацию по крайней мере 4-х типов: 1) культурные семы; 2) культурные концепты; 3) культурный фон; 4) культурные коннотации⁸.

Культурные семы – это культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика).

Культурные концепты – понятия, значения которых являются итогом идиоэтнической концептуализации культурно значимых сущностей.

Культурные коннотации – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т. п. прототипами языка культуры.

Культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе. Под фоновыми знаниями понимается совокупность сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива (этнокультурной общности) на определенном этапе его развития. В их состав входят сведения о природе, человеке, окружающей его среде, быте и нравах, медицине, музыке, художественной литературе и фольклоре, живописи, элементарные представления о разных отраслях науки и техники, общественной жизни и политике.

Принято считать, что фоновые знания обладают довольно четкой структурой, а объем их компонентов варьируется в зависимости от степени развитости народа – носителя языка. Они закреплены и существуют в языке и менталитете того или иного народа, но свое конкретное проявление находят в речи и менталитете отдельного индивида, развиваясь и расширяясь.

В заключение подчеркнем самое важное – взаимопонимания нет и не может быть без взаимного желания понять друг друга. А следовательно, и толерантное отношение окажется невозможным. Взаимное изучение этносов, языков и культур является единственной возможностью социальной интеграции в самом широком смысле, выступая залогом формирования толерантной личности в поликультурном обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белоусов В.Н., Григорян Э.А., Познякова Т.Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001.

2. Абдулфанова А.А. Специфика языкового сознания билингва // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Т. 1. Минск, 1994. С. 48.

3. Там же. С. 49.

4. Теля В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Т. 1. Минск, 1994. С. 14.

5. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell Publishers. Inc. 1999. P. 220. Цит. по: Степанов В.П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989–2005). Кишинев, 2007. С. 91.

6. Зайковская Т.В. Особенности межкультурной коммуникации // Revista de etnologie și culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural. Centru de Etnologie. Vol. II. Chișinău, 2007.

7. Она же. Этнокультурная информация в сравнительных конструкциях болгар, молдаван и русских // Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. Mater. conf. internaț. Chișinău, 1998. P. 227-238; она же. Культура языковой личности и специфика ассоциативного сознания // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Chișinău, 2000. P. 139-142; она же. Язык – культура – социум // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы Междунар. научно-практ. конф. Кишинев, 2003. С. 174-177; она же. Язык и национальный характер // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AȘM. Vol. IV. Chișinău, 2003. P. 132-134; она же. Концепты нравственно-онтологической сферы в языковом сознании русских, молдаван и болгар // Славянские чтения. Вып. 3. Кишинев, 2005. С. 50-60; она же. Межкультурная коммуникация – путь к взаимопониманию // Revista de etnologie și culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural. Centru de Etnologie. Vol. I. Chișinău, 2006. P. 154-158.

8. Теля В.Н. Указ. раб. С. 14-15.

Владимир АНИКИН

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕССАРАБИИ (XIX – начало XX в.)

С присоединением Бессарабии к России (по Бухарестскому мирному договору с Османской империей 1812 г.) перед царской администрацией встала нелегкая задача приобщения романоязычного населения края к русскому языку. В 20-е годы XIX в. этот вопрос частично решался обучением детей из привилегированных сословий коренного населения в российских вузах и в немногих частных местных пансионах, введением делопроизводства на двух языках – русском и молдавском (кириллица), «живым» общением российских чиновников с местным населением. Определенная роль в распространении русского языка принадлежала и переселенцам из глубинных российских губерний – Калужской, Курской, Рязанской, Тульской и других, а также беженцам – раскольникам и сектантам¹. Непосредственными носителями русского языка явились и прибывшие из России администраторы, чиновники, военные.

Вместе с тем, справедливости ради, как с исторической, так и с лингвистической точек зрения, необходимо упомянуть о «соприкосновении двух миров – романизированного и славянского (V-VI вв.)», об особой роли древнеславянского языка, ставшего вначале языком православной церкви, а затем администрации и официальной переписки образованного в XIV в. самостоятельного Молдавского государства. Добавим к этому, что начало обучения грамоте и простого народа также основывалось на псалтыри, поскольку первые церковно-приходские школы были организованы при монастырях и церквях². Первым учебным заведением в крае была Кишиневская духовная семинария, где на первых порах обучалось и «светское юношество» (в т. н. «благородном пансионе»).

Однако целенаправленное обучение разным «наукам», в том числе и русскому языку, было связано с созданием в Кишиневе (сентябрь 1833 г.) областной (затем губернской) первой мужской гимназии. Учебный процесс в ней был организован по действующему тогда в России Уставу 1828 года для гимназий.

Семилетнее обучение в гимназии предполагало усиленное изучение в частности русского, латинского, немецкого, французского (все с 1-го класса), а также постепенное обучение молдавскому и греческому языкам. Первыми учениками гимназии стали выпускники уездных училищ, прошедшие отбор (от поступающих в первый класс требовалось умение читать, писать и знание первых правил арифметики). Очень удачным оказался подбор кадров учителей, осуществленный тогдашним директором гимназии, профессором Ришельевского лицея (г. Одесса) В.П. Архангельским. Первым учителем русского языка стал выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета Антип Маркович Гнилокишков, преподававший также историю и географию. «В классах Гнилокишкова, - вспоминает бывший гимназист А. Егунов, впоследствии руководитель Бессарабского областного (губернского) статистического комитета, - без всяких внешних поощрений можно было слышать полет мухи, до такой степени он увлекал своей живой речью»³.

Из представленных учителем русского языка отчетов за первый, второй и третий классы видно, что воспитанниками были усвоены «начальные основания этимологии с изустным и письменным упражнением в склонениях и спряжениях; полное объяснение этимологии, грамматический разбор слов; правила правописания предложения и периода»⁴. В 30-е годы учебным руководством являлась «Русская пространная грамматика» Востокова.

Переводные испытания (из класса в класс) производились преподавателями предметов в присутствии директора или инспектора и одного из старших учителей, а выпускные экзамены - в присутствии всех членов педагогического совета гимназии. Отличнейшие из окончивших курс гимназии награждались золотыми и серебряными медалями и удостоивались чина 14-го класса гражданской службы, «если они с постоянным отличным усердием и любовью к наукам соединяли чистую и безукоризненную нравственность»⁵. Имена медалистов заносились золотыми буквами на доске для сохранения памяти о воспитанниках, «делающих честь заведению и к поощрению прочих». Примечательно, что для повышения уровня мотивации к обучению русскому языку в 1839 году царским указом было повелено награждать в кишиневской гимназии чином 14-го класса выпускников гимназии «за отличные познания в русском языке»⁶.

Коренное изменение Устава гимназий в 1849 году не ослабило позиций русского языка: его изучали как в «низших» (с первого по третий), так и в «высших» (с четвертого по седьмой) классах. Значимости русского языка и словесности способствовала плеяда замечательных учителей и одновременно прекрасных воспитателей. Огромным авторитетом у

гимназистов пользовались Иван Григорьевич Хандожинский (кандидат Московского университета, годы преподавания: 1834-1849); Дмитрий Андреевич Изюмский (выпускник Ришельевского лицея, 1839-1863); Северин Яковлевич Хошинский (выпускник Ришельевского лицея, 1837-1858); Иван Семенович Левицкий (Нечуй) – известный «малорусский» писатель (1873-1885), Александр Никифорович Шимановский (выпускник Санкт-Петербургского университета, 1876-1901), а также бывшие выпускники кишиневской гимназии – Григорий Васильевич Кондрацкий, Михаил Федорович Шугуров, Дмитрий Яковлевич Славинский, Александр Яковлевич Лазарев, вернувшиеся в родную гимназию после окончания высших учебных заведений.

Закреплению знаний по русскому языку и словесности способствовало постоянное совершенствование устава гимназий, улучшение учебно-воспитательного процесса. В частности, задания по русскому языку состояли из «практических упражнений», преподавание иностранных языков велось по-русски до приличного усвоения учениками иностранного языка⁷. В 1860 году для «приходящих учеников» в гимназии была устроена «ученическая» библиотека. Для ежедневной раздачи книг для каждого класса были назначены определенные дни. Учителя русского языка требовали от учеников «отчета в прочитанном, заставляя их рассказывать и излагать на бумаге содержание прочитанных сочинений». С преобразованием кишиневской гимназии в классическую (1865 г.) была создана фундаментальная библиотека (книги выдавались сроком до двух недель).

Интерес к изучению русского языка и словесности возрос с назначением директором (1872 г.) выпускника историко-филологического факультета Киевского университета св. Владимира, бывшего преподавателя русской словесности в Немировской гимназии и Нежинском лицее князя Безбородко Феодосия Яковлевича Вороного. Его раздражало то обстоятельство, «что количество уроков по русскому языку и словесности принесены на алтарь... древних языков с математикой». В связи с этим он всячески старался «восстановить и поддержать своего рода равновесие между грамматическим преподаванием древних языков... и необходимостью широкого ознакомления с русской словесностью». Ф.Я. Вороной нередко сам, помимо официального преподавателя, задавал темы для сочинений по русской словесности во всех старших классах, сам их проверял и не щадил времени для их всестороннего разбора в классе. Сочинения И. С. Тургенева и писателей 60-х годов, как новинка того времени, не только прочитывались каждым учеником, начиная с четвертого класса, но часто служили темой бесед и частных споров как между учениками, так и между последними с преподавателями. Любил директор устраивать по суб-

ботным вечерам литературные чтения по произведениям Тургенева, Гоголя, с обсуждением недавно появившихся статей в журналах по педагогическим или литературным вопросам. Порой споры и беседы проводились и на дому у директора, где обсуждались многие волновавшие юношество вопросы. Ф.Я. Вороной сам обладал завидными риторическими способностями, старался развить таковые и в учениках⁸.

Примечательно также, что именно при директорстве Ф.Я. Вороного педагогический совет гимназии счел необходимым «для поднятия умственного уровня учащихся старших классов» признать обязательным их ознакомление на уроках русской словесности с классиками западноевропейской литературы: Данте, Шиллером, Гете, Шекспиром, Мольером, Корнелем, Диккенсом, Теккереем, Гротом, Тьером, Прескотом, Момзенем». Из русских авторов в список обязательного изучения вошли Костомаров, Л. Толстой, Аксаков, Островский и Тургенев⁹.

Дальнейшее углубление реформы гимназического образования (согласно новому Уставу 1871 г.) требовало от педагогических коллективов закрепить у учащихся, в частности, «значительные успехи в русском языке и умении правильно и последовательно излагать на нем свои мысли» путем «еще более правильного, систематического и частого ведения упражнений в русском языке соответственно классу»¹⁰. Министерство народного просвещения затребовало от каждой гимназии подробные сведения о письменных работах по русскому языку и нашло целесообразным с 1877/78 учебного года пересмотреть учебные планы, придав им большую надежность в обеспечении современной учебной литературой и передовой учебной практикой, а также «более высоким научным и дидактическим уровнем самих преподавателей». Объем курса преподавания русского языка согласно переработанному учебному плану возрос с 24 до 30 уроков в неделю (цифра общая для всех классов). Прибывший в 1878 году с проверкой из Петербурга профессор Некрасов нашел письменные работы кишиневских гимназистов по русскому языку весьма удовлетворительными. Более того, они были отмечены специальной комиссией в числе лучших среди пяти гимназий Одесского учебного округа (Екатеринославской, Ришельевской (г. Одесса), Симферопольской и Таганрогской)¹¹.

На обогащение внешкольной жизни учащихся была направлена инициатива попечителя Одесского учебного округа Х.П. Сольского (1885 г.) по «организации рационального чтения русских классических писателей». В связи с этим фундаментальная ученическая библиотека гимназии пополнилась недостающими сочинениями. Повышение требовательности на приемных и переводных экзаменах («испытаниях»)

привело не только к сокращению числа обучающихся, но и к повышению успешности в обучении. В частности, по русскому языку с 1885 по 1890 годы она составляла в среднем 83 процента. В конце 80-х годов XIX в., благодаря специальному разрешению министра народного просвещения графа И.Д. Делянова, с учетом полиэтнического состава населения края, при Кишиневской первой гимназии удалось сохранить действующий приготовительный класс с определенными требованиями к знанию русского языка для поступающих в первый класс гимназии.

Очередная реформа классического гимназического образования (1890 г.) еще более укрепила позиции русского языка со словесностью. Главная цель преподавания отечественного языка и литературы, согласно новому проекту, должна была состоять в «изучении литературного отечественного языка», а преподавание истории литературы «должно иметь целью чтение и разбор произведений словесности в исторической последовательности». Больше внимания начали уделять повторению преподаваемого материала и его творческому освоению, более удобным для учащихся стало расписание учебных занятий, усилилось воспитательно-педагогическое воздействие на обучающихся. Все это не могло не сказаться положительно на успешности преподавания русского языка и словесности, наряду с усвоением других главных предметов обучения (латинского и греческого языков и математики). Профессор Новороссийского университета А. И. Кирпичников, присутствовавший (декабрь 1892 г.) на устном испытании учеников VIII класса и на уроках русского и новых языков (французского и немецкого) в средних и старших классах, представил руководству учебного округа положительный отзыв о степени усвоения данных предметов гимназистами.

Следует отметить, что если учебный курс по русскому языку по понятным причинам оставался практически статичным, то вопрос о необходимости расширения учебной программы по русской словесности стоял постоянно. В 1903 г. педагогический совет гимназии, опираясь на циркуляр Министерства народного просвещения, разрешил ввести в курс VIII класса изучение отечественных авторов (Тургенева, Гончарова, Островского, Майкова, Фета, А. К. Толстого). Причем, учитывая немалую учебную нагрузку на учеников, педсовет рекомендовал ввести небольшие эпические и лирические произведения «новейших» писателей в круг домашнего чтения с последующим разбором прочитанного в классах и подготовкой домашних сочинений по предложенным преподавателями темам. Подобным методом учениками старших классов были основательно изучены такие произведения новейшей русской классики, как «Отцы и дети» Тургенева, «Обломов»

Гончарова, «Гроза» Островского и др. Не случайно академик Истрин, ознакомившийся с письменными работами учеников гимназии за 1906-1907 учебный год, отметил, что «они обнаруживают и хорошее знание курса, и некоторую начитанность, и умение владеть литературной речью, и интерес к делу. Вообще работы учеников, как и в прошлом году, заслуживают полной похвалы...»¹². Академик просил управляющего Одесским учебным округом выразить его искреннюю благодарность преподавателю русской словесности К.К. Маланецкому «за хорошую постановку этого предмета в гимназии». Как одни из лучших выделил экзаменационные письменные работы кишиневских гимназистов в 1904-1905 учебном году и профессор Новороссийского университета Кочубинский¹³.

Изучение русского языка в романоязычном крае потребовало немало усилий по обеспечению учащихся соответствующими учебниками и словарями. Пожалуй, первым таким учебным пособием стала «Краткая российская грамматика с переводом на молдавский язык для учеников Кишиневской семинарии и других в Бессарабии школ, с присовокуплением употребительнейших на российском и молдавском языке слов и разговоров». «Грамматика» была напечатана в 1819 году в типографии Кишиневской митрополии (экземпляр учебника сохранился в отделе редкой книги Национальной библиотеки). Облегчению обучения местного населения русскому языку способствовали несколько изданий, подготовленных учителем, протоиереем Михаилом Чакиром и Павлом Чудецким¹⁴. Несколько литературных трудов принадлежат и преподавателям гимназии А.Н. Шимановскому и И.Г. Шершеневичу¹⁵.

Несомненно удачной находкой руководства Кишиневской первой гимназии и преподавателей русского языка и словесности, ставшей эффективным внеучебным дополнительным стимулом заинтересованного усвоения пройденного материала, стала укоренившаяся с середины 80-х годов XIX в. (с подачи тогдашнего директора Соловьева) практика организации и проведения литературных чтений, литературно-музыкальных утреников и вечеров, посвященных юбилейным датам великих русских писателей и поэтов; историков и полководцев: А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, Н.М. Карамзина, А.В. Суворова. Как правило, эти празднования устраивались при непосредственном участии чтецов и певцов – учеников гимназии под руководством известного пушкиниста, заслуженного преподавателя русского языка А.Н. Шимановского и учителя К.К. Маланецкого. Нередко под их руководством гимназисты ставили на существующей сцене спектакли по мотивам комедий и драма-

тических произведений русских писателей с привлечением опытных актеров местной труппы.

Не удивительно, что во многих воспоминаниях воспитанников Кишиневской первой гимназии, запрошенных руководством гимназии по случаю 75-летия ее существования, в первую очередь среди самых любимых и желанных назывались имена именно преподавателей русского языка и словесности. Немало выпускников пошли, что называется, по стопам своих учителей, окончив историко-филологические факультеты российских университетов. «Именно Кишиневская 1-я гимназия, - свидетельствует уроженец Комрата, болгарин по национальности П. Д. Драганов, - привила мне глубочайшую любовь к русскому языку и его литературе благодаря заслуженному преподавателю А.Н. Шимановскому. Названные благоприятные обстоятельства как нельзя лучше предопределили в будущем мою специальность в высшем учебном заведении, именно историко-филологический факультет...»¹⁶. Окончив Петербургский университет со степенью кандидата, П.Д. Драганов около тридцати лет прослужил на разных должностях в Одесском учебном округе, из которых половину этого срока был преподавателем, в частности, русского языка и других историко-филологических наук. Видным исследователем славяно-русского литературного наследия, автором многочисленных научных статей стал воспитанник гимназии С.Г. Вилинский, удостоенный историко-филологическим факультетом Новороссийского университета ученой степени магистра русской словесности, где он являлся преподавателем русского языка и словесности¹⁷. Восторженные отзывы о преподавателях русского языка и словесности Д.Я. Славинском, А.Я. Лазареве, П.В. Богопольском, И.Г. Хандожинском, Д. А. Изюмском оставили бывшие воспитанники гимназии Николай Журьяри, Владислав Вольский, Иван Клоссовский (ставший директором гимназии), Константин Кирияк и другие¹⁸.

Разумеется, курс русского языка и словесности на протяжении долгого времени оставался одним из главных предметов в стенах Кишиневских 2-й мужской, женской земской и Болградской гимназий, а также в Аккерманской, Бельцкой, Измаильской и Хотинской четырехклассных мужских и женских прогимназиях.

Многие десятки лет именно Кишиневская первая мужская гимназия являлась образцом постановки учебно-воспитательного дела среди средних учебных заведений не только в крае, но и в Одесском учебном округе. Только за период с 1833 по 1908 годы, т. е. за 75 лет существования, полное гимназическое образование здесь получили 1430, а неполное – 4530 воспитанников. Среди обучающихся русскому языку и словесности были представители разных национальностей, прожи-

вавших в крае, – молдаване, украинцы (малороссы), евреи, болгары, поляки, гагаузы, армяне, греки и другие. Русский язык стал не только языком межнационального общения, но и средством глубокого взаимопроникновения культур, традиций и обычаев разных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энциклопедический словарь. Т. 6. СПб., 1891. С. 607.
2. Подр. см.: *Гинкулов Я.* Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840; *Яцимирский А.И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV-XVII вв. Введение к изучению славянской литературы у румын. СПб., 1906; *Vascenco V.* Elementele slave răsăritene în limbii română... Studii și cercetări lingvistice. București, 1959. nr. 3. P. 398; *Ильяшенко Т.П.* Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М., «Наука», 1970. С. 77-81 и др.
3. *Лашков Н.В.* Кишиневская областная, впоследствии губернская, ныне первая гимназия. Историко-статистический очерк за 75-летие ее существования (1833-1908 гг.). Кишинев, типография Бессарабского губернского правления, 1908. С. 15.
4. Там же. С. 12.
5. Там же. С. 22.
6. Там же.
7. Там же. С. 80.
8. Там же.
9. Там же. С. 120.
10. Там же. С. 125.
11. Там же. С. 126.
12. Там же. С. 178.
13. Там же. С. 198, 199.
14. См.: *Чакир М.* Русско-молдавский словарь. Русеск ши молдовенеск кувынтельник. Кишинев, Епархиальная типография, 1907; Он же. Помощник молдаван по первоначальному изучению русского языка. Ч. 2-3. Кишинев, 1914; *Чудецкий П.* Родной язык. Обучение механическому чтению и письму. Вып. I. Кишинев, типография архиерейского дома, 1880 и др.
15. См.: *Шимановский А.Н.* Александр Сергеевич Пушкин в Кишиневе в связи с предыдущей и последующей жизнью. Кишинев, 1900; *Шеришневич И.Г.* «Энеида» Вергилия (пер. с греч. яз.). Одесса, 1868.
16. *Лашков Н.В.* Указ. соч., с. 214.
17. Там же. С. 210-213.
18. Там же. С. 220-260.

Алексей РОМАНЧУК

ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ ГРУПП УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРХЕЙСКИХ КОДР

Начиная с лета 2004 года, исследовательский центр «Fun Anthropology» проводит антропологические исследования в микроразоне Булаешты-Лопатна. Одной из основных целей этих исследований является выяснение вопроса о времени и обстоятельствах появления здесь украинского населения с Булаешты. Упор в решении этого вопроса делается на использование данных языка жителей Булаешты, а также и соседних молдавских сел – прежде всего, Мырзачи и Мырзешты.

Результаты первого года исследования были кратко обобщены в коллективной статье (Романчук, Балахнова, Демченко 2005). За прошедшее с тех пор время некоторые положения этой статьи должны быть уточнены.

В первую очередь, следует остановиться на вопросе о месте украинского говора жителей с. Булаешты среди основных диалектов украинского языка. И здесь можно говорить, что булаештский говор ближе всего к говорам Буковины.

В пользу этого говорит, во-первых, то, что в произношении в булаештском говоре очень четко наблюдаем переход звуков «д», «т» соответственно в «г», «к». Таким образом, в Булаештах «гід» произносится вместо дід (дед) (далее даются просто русские эквиваленты соответствующих украинских слов); гі (у)ка – девка (знак (у) здесь и далее означает «у неслоговое»); кісто – тесто; кьока – тетя; кяшко – тяжело; скіна – стена; скі(у) – стол; кіля – теля.

Такое смягчение звуков «д» и «т», вплоть до замены на «к» и «г», характерно, прежде всего, для буковинских и особенно гуцульских говоров (Жилко 1957: 75). В гуцульских эта особенность наблюдается даже в глаголах в инфинитиве (Шило 1957: 201-202). То есть, «хотіти» произносится как «хокіти», а «вертіти» как «веркіти».

Здесь Булаешты ближе даже не к буковинским говорам, а к гуцульским. Данный показатель отличает булаештский говор от наиболее близких территориально – от подольских говоров. В подольских говорах «д» и «т» произносится всегда твердо и четко (Жилко 1958: 106). Некоторое смягчение наблюдается только в узкой полосе вдоль Днес-

тра – там, где подольские говоры стыкуются с покутско-буковинскими.

Другим отличием является то, что в подольских говорах звук «о» в безударной позиции переходит в «у» (Жилко 1958: 107). Например, слово «дорога» произносится как «дурога», «ходить» – как «худити». Очень широко в подольских говорах используется протетичное «г» – например, «осінь» произносится как «госінь», «узкий» – как «гузкий» (Жилко 1958: 108).

Также и лексика подольских говоров дает целый ряд слов, отсутствующих в булаештском. Например, нецки – корыто, коминок – дымоход, бульба – картошка, мерва – тертая солома (Жилко 1958: 110).

В булаештском говоре мы наблюдаем (как в буковинских и гуцульских) переход «л» в «(у)» в словах типа: скі(у) – стол, го(у)ка – иголка (Шило 1957: 72), а также переход «вн» в «мн» в словах типа «рімнэй» – ровный, «дамнэй» – давний (Шило 1957: 59).

Присущ булаештскому говору и такой признак, как исчезновение конечного «т» в глаголах в третьем лице единственного числа. То есть, «він (он) ходе», «возе», «носе», «іде» вместо «ходит», «носит», «ідет», как в литературном языке. Это тоже характерно как раз для буковинских и гуцульских говоров (Жилко 1958: 104).

Наибольшее родство булаештского говора с буковинскими подтверждается и детальным сопоставлением лексики буковинских говоров, собранной и опубликованной исследователями из Черновиц под руководством В.А. Прокопенко (1971). Среди таких четких лексических указателей можно отметить слова (произношение слов булаештского говора здесь и далее дается в оригинальном варианте, поскольку это само по себе является ценным источником; звук «э» соответствует русскому «э»):

1. половэк – ястреб
2. врэмня – хорошая погода
3. вэрэня, вэрэчна – большой кусок грубой ткани, дорожка на пол
4. із(у)ор – родник
5. вэрвэлэца – белка
6. бусік – аист
7. лэлэк – летучая мышь
8. грунт – хозяйство, двор
9. коно(у)ка – деревянное ведро, суживающееся кверху
10. сардак – вид верхней одежды
11. тогід – прошлый год
12. відій – видимо
13. ужі(у)ка – веревка
14. гачі – штаны

Но есть и ряд отличий булаештского говора от буковинских.

Прежде всего, это переход «а» в «е», что очень характерно для буковинских говоров (Жилко 1958: 100-103). Так, вместо «часто» на Буковине произносится «често», вместо «прядэ(у)о» - «преди(у)о», вместо «душа» - «душе», вместо «время» - «времне». В булаештском говоре это явление отсутствует.

Отмечу также такой признак, как вставное «о» после «в» - «огонь» произносится как «вогонь». Это характерно для Буковины, гуцулов, западноподольских говоров, бойков (АУМ, карта 62). В Булаештах произносится «(у)гонь», но изредка среди стариков можно услышать и «(у)огонь».

Очень важное отличие булаештского говора – отсутствие протетичного «в». Протетичное «в» означает, что, например, слово «улица» произносится как «вулица». Этот признак характерен для буковинских говоров, а также распространен и в гуцульских говорах (АУМ, карта 122). Аналогично, на Буковине и у гуцулов слово «узкий» произносится как «вужкий» (АУМ, карта 123). По работе же В.А. Прокопенко можно привести еще целый ряд примеров из буковинской лексики, демонстрирующих широкое использование протетичного «в»: «вуйко» - дядя (при булаештском «уйко» - дядя, прадед), «вогорити» - говорить (при булаештском «(у)горэтэ»), «вужівка» - веревка (при булаештском «ужі(у)ка»), «вудвуд» - удод (при булаештском «удул»).

Также для булаештского говора характерно использование звука типа русского «э» в тех позициях, где в литературном украинском и в большинстве говоров используется «и».

Согласно нормам украинского языка, «и» соответствует русскому «ы»; это звук, средний между русскими «и» и «ы». Русскому же звуку «э» соответствует украинское «е» (Кондрашов 1986: 83). Это явление, или переход «и» в «е», как его обозначают филологи-украинисты, по мнению Г.Ф. Шило, характерен для надднестрянских, западновольнских, гуцульских, холмских и подляских говоров (Шило 1957: 49). Также она отмечает, что это явление особенно выражено для западной части Южной Вольны и северной – Сокальского района. Здесь каждый «и» произносится как близкий к «е», а то и просто «е».

В булаештском говоре это выражено еще сильнее.

Ну, и наконец, лексика буковинских говоров (по материалам В.А. Прокопенко), по моим подсчетам, дает примерно 80% слов, неизвестных в булаештском. Среди них следует особо отметить отсутствие в булаештском говоре таких важных и информативных слов (произношение дается по В.А. Прокопенко), как:

1. газда – хозяин;

2. марга, маржа – скотина;
3. дараб – кусок;
4. запаска – фартук, передник;
5. застилка – фартук, передник;
6. гремпли, згремпли – инструмент для расчесывания шерсти;
7. кептарь – безрукавка;
8. бунда, бонда – меховая или кожаная безрукавка;
9. кошуля – рубаха;
10. туск – печаль;
11. тано – жалко;
12. завши – всегда;
13. путня – ведро;
14. обора – загон для скота;
15. обійста – хозяйство, двор;
16. кавалок – кусок;
17. варга – губа;
18. гердан – наголовное украшение;
19. жалива – крапива;
20. кілім – ковер;
21. салби – украшение из монет;
22. стодола – гумно;
23. пацьорки – бусы;
24. згарда – монисто, бусы;
25. зупа – суп;
26. зама, дзяма – вид борща с мясом;
27. агрест, агрис – крыжовник;
28. лейбик – суконная безрукавка;
29. цілушка – кусок хлеба;
30. скорца – ковер из шерстяных разноцветных ниток;
31. зимно – холодно;
32. дзінкуватэ – благодарить.

Список можно существенно увеличить, однако и это уже показательно.

В целом, наибольшую близость к говору Булаешт демонстрируют говоры Заставновского и Кицманского районов Черновицкой области. Однако эта близость тоже очень относительна. При этом мы наблюдаем, что в булаештском говоре есть слова, известные либо только в одном, либо только в другом районе. То есть эти параллели (как и вообще буковинские) не образуют целостного комплекса.

Все это говорит о том, что пути булаештского говора и буковинских говоров, хоть и самых близких к нему, все же разошлись уже достаточно давно. Вопрос – когда?

Что касается перехода «а» в «е», то он наблюдается в юго-западных украинских говорах еще в XVI-XVII вв., а В. Курашкевич отмечает отдельные проявления уже в галицко-волинских грамотах (Шило 1957: 42). В устной речи, видимо, процесс начался раньше (Шило 1957: 43).

Переход «и» в «е», что, как было отмечено выше, характерно и для булаештского говора (произносится как русское «э» в большинстве случаев – и на месте украинского «и», и на месте украинского «е»), произошел тоже достаточно рано. Следы этого явления отмечаются уже в документах XVI-XVII вв. (Шило 1957: 50). Оно наблюдается прежде всего для гуцульских говоров, а также особо характерно для западной части Южной Волины (Шило 1957: 49). Но, судя по отрывистости параллелей булаештского говора и гуцульских, тоже не образуют целостный комплекс, в булаештском говоре это явление развивалось параллельно, скорее всего - независимо и на отличной основе.

Сопоставление с данными И.О.Дзендзелевского дает возможность говорить об отсутствии в Булаештах многих важных, опознавательных слов, появившихся в целом в украинском языке после XV века из польского языка. Это такие слова, как «варга» - губа, засвидетельствованы в украинских памятниках с середины XVII века (Дзендзелівський 1969: 33). Далее, «барвінок» – вид растения; в польских памятниках с середины XIV века (Дзендзелівський 1969: 17). «Обійста» – подворье; с XVII века в украинских памятниках (Дзендзелівський 1969: 95). «Пацьборки» - бусы; с XVIII века (Дзендзелівський 1969: 101). «Пергач» - летучая мышь; с XVIII века (Дзендзелівський 1969: 102).

Особо хочу остановиться на слове «стодола» - помещение для скота, гумно, помещение для снопов; в Закарпатье оно засвидетельствовано с XVII века, в других районах Украины – уже в XVI веке (Дзендзелівський 1969: 127). Оно важно тем, что представлено очень широко в юго-западных диалектах. Оно используется и на Буковине, и у гуцулов, и в подольских говорах, и в украинских говорах Молдовы (АУМ, карта 281). Полное и категорическое отсутствие этого слова в булаештском говоре возможно только в том случае, если к этому времени он уже не находился с ними в одном поле влияния.

Аналогично, слово «рік» - год; оно уже с XIV века широко распространяется в украинском языке (Дзендзелівський 1969: 116). И важно, что «рік» тоже широко известен и юго-западным диалектам (АУМ, карта 353). В булаештском говоре же это слово тоже отсутствует.

Стоит здесь упомянуть, что для Галичины и Волины процесс проникновения полонизмов начался раньше, с конца XIV века (в частности, слова «шкода» - жалко, «шукатэ» - искать) (Рогаль 1982: 21-22). Оба этих слова в булаештском говоре присутствуют.

Вместе с тем ряд слов, возникающих в украинском языке в XVII–XVIII веках (например, уорчік – элемент устройства телеги, дэщіль – дышло), мы видим и в булаештском говоре. Но это вполне можно объяснить тем, что контакты с внешним миром, и в том числе с более северным массивом севернобессарабских и буковинских говоров, все же существовали.

Очень важную информацию дает сравнение лексики булаештского говора с классификацией общекарпатской пастушеской лексики Г.И. Клепиковой.

Она делит ее на две группы – исконную и заимствованную.

Среди исконной лексики она выделяет:

1) узколокальные – слова, известные только в карпатских говорах украинского языка. Это, например, «хуслянка» – кислое молоко; «кваснина» – вид сыворотки, «застайка» – навес, помещение для скота; «дріб» – овцы, козы; «обора» – загон для скота;

2) карпатоукраинские термины, имеющие соответствия в балканских языках и не известные в Центральных и Южных Карпатах. Это «стая» – загон для скота; «сирватка» – сыворотка; «перч» – козел; «рохуля», «рохана» – рогатая овца; «білуша» – белая овца.

Среди заимствованной лексики она выделяет:

1) слова, имеющие соответствия в румынском. Это «вакеша», «жентича», «коморник», «сербудзянка»;

2) балканизмы плюс валахизмы – слова, имеющие соответствия в языках Балканского полуострова. Это «дзер», «куластра», «стигна», «струнга», «гяг», «цап», «бирка».

Сравнивая этот список с данными булаештского говора, мы видим очень немного общих слов. Из группы «исконной карпатоукраинской лексики» – только слова «кошара» и «окол». Кроме того, хотя в булаештском говоре нет слова «неліпка» – «корова, отелившаяся на второй год жизни», присутствует форма «неляпка» с тем же значением, что Г.Н. Клепикова полагает южнославянским заимствованием в карпатоукраинские говоры. «Узколокальная карпатоукраинская лексика» отсутствует у нас полностью, если не считать «первістка» – корова, отелившаяся в первый раз. Оно в булаештском имеет форму «первідка».

Из группы «заимствованная лексика» в булаештском полностью отсутствует подгруппа заимствований, имеющая соответствия в румынском языке. Исключение – слово «буз», означающее круг сыра.

Зато достаточно широко представлены в булаештском говоре балканизмы. Но при этом только тот их пласт, который Г.Н. Клепикова полагает более древним. Это слова «стигна» (булаештское «стэгна») – сооружение в поле, где держат овец летом; «струнга» – дойка овец и

специальное место для дойки; «урда» - прокисшее овечье молоко, сыворотка; «куластра» - специальное ритуальное блюдо из первого молока коровы после отела; «дзер» (булаештское «дзэр») - сыворотка; «колиба» (булаештское «колэба») - помещение для животных; «чула» - безухая или короткоухая овца, собака (в Булаештах засвидетельствовано фамильное прозвище «Чулэй» и соответствующая дразнилка: «Чулэй-бізуха, відгрэзлэ пэсэ уха», т. е. «Чулэй – без уха, отгрызли псы уха»).

Более поздние балканизмы (типа «гердан») в булаештском тоже отсутствуют. И это важно подчеркнуть.

Из списка Г.И. Клепиковой следует отметить наличие в булаештском и слов, известных и севернославянским диалектам. Это «гляг» - желудок ягненка для заквашивания овечьего молока; «цап» - козел.

Таким образом, булаештская лексика не знает основной массы словкарпатизмов. Поэтому можно говорить, что булаештский говор не относится к общекарпатской диалектологической зоне. Учитывая, что формирование общекарпатской диалектологической общности принято относить к сравнительно недавним временам – XV-XVI векам (Орел 1989: 100), это дает нам и хронологический репер. И важно отметить, что этот репер совпадает с теми данными, которые дает нам и анализ проникновения полонизмов в украинские диалекты, и изменение в фонетике – переход «а» в «е» в буковинских говорах (что не наблюдается в булаештском говоре), и переход «и» в «е» в гуцульских говорах (что как раз в булаештском говоре наблюдается).

Показательно и то, что те слова из списка Г.И. Клепиковой, которые все-таки присутствуют в булаештском говоре, сама исследовательница относит к наиболее архаичным пластам.

Существенно важно здесь и то, что в булаештском говоре нет также и ряда слов молдавского происхождения, известных и широко распространенных в буковинских и гуцульских говорах. Например, «дзяма» - борщ с мясом; «боугар» - пастух волов; белега (балега) – коровий помёт (практически весь список Г.И. Клепиковой и много других, представленных, например, в словаре В.А. Прокопенко). Отсутствие этих слов тоже диагностирует время отрыва булаештского говора от общего массива юго-западных украинских диалектов.

И хотя булаештский говор тоже заимствовал ряд молдавских слов, но это другие слова, не засвидетельствованные в буковинских и вообще юго-западных украинских говорах. Ниже я остановлюсь на этом подробнее. Кроме того, замечу, что некоторые слова проникли из молдавского в булаештский совсем недавно. Например, слово «калдаря» – ведро появилось очень недавно, всего 30 лет назад. Кстати, «калдаря» демонстрирует нам и механизм заимствования слов. Когда из употреб-

ления вышли деревянные коно(у)ки, их заменили покупные ведра. Вместе с ними пришло и молдавское по происхождению слово «калдаря».

Следующим важным фактом является то, что в булаештском говоре нет и ряда слов болгарского происхождения (или известных в болгарском – я в данном случае их специально не разделяю), относящихся к общекарпатской лексике. Это такие слова, как:

1. бунда – кожаная с мехом безрукавка,
2. кептарь – то же самое,
3. кошуля – рубашка,
4. глота – толпа,
5. гляба – жаль,
6. газда – хозяин,
7. гуня – вид верхней одежды,
8. грапа – борона.

И здесь нельзя пройти мимо того факта, что почти все эти слова – из группы наиболее ярких «карпатизмов», известные в южнославянских языках, но отсутствующие в булаештском – «бунда», «глота», «дараб», «газда» – есть и в румынском.

Так, есть слово «газда» в том же значении – «хозяин, хозяйка» (DRR: 528). Аналогично, «дараб» – с тем же значением «кусок», тоже присутствует в румынском (DRR: 350). Также в румынском присутствует и слово «бунда» – со значениями меховая безрукавка, доха, бурка (DRR: 188). Слово «кептарь», даже без обращения к словарю, очевидно, румынское по происхождению – от «кепт» – грудь.

Есть в румынском и слово «глоата» – толпа (DRR: 545), оно однозначно связывается с южнославянским «глота». Так же, как «грапа» – борона (DRR: 552).

Думается, что отсутствие этих слов в булаештском при их общекарпатском характере можно объяснить только уже указанной причиной – ко времени этих южнославянско-румынско-карпатоукраинских контактов булаештский говор уже не входил в это поле влияния.

Но этот факт еще интереснее с другой точки зрения, поскольку есть четкие и очень однозначные следы болгарского влияния на булаештский говор. Отметим лишь некоторые наиболее яркие примеры болгарского влияния.

В первую очередь, это слово «прістелка» – оно легко и безошибочно сопоставляется с болгарским «престилка» или «престель», «престелка» (БЕР 5: 676). В обоих языках оно имеет значение «фартук, передник». Оно неизвестно диалектам украинского языка, равно как и литературному украинскому. БЕР указывает, что оно было заимствовано и в румынский язык, где имеет форму «prestelca» или «prestelca».

В словаре румынского языка, изданном в Кишиневе (DRR: 946), дается только вариант «pestelca» с пометкой – региональное. В соседнем с Булаештами молдавском селе Мырзачи тоже присутствует только форма «pestelca».

Кроме «прістелкі», отметим слова: «клэй» в значении «смола косточкового дерева»; «процап» – дышло для запряжки волов; «пожарнэца» – зверобой; «косор» – садовый кривой нож; «млажа» – молодая поросль дерева; «врана» – затычка для бочки, «за(у)ор» – засов (это слово известно и буковинским говорам), «кланец» – клюв (в форме «клонц» известно и в украинских диалектах Закарпатья (ЕСУМ 2: 465)).

И здесь возникает вопрос – попали ли эти слова в булаештский говор непосредственно или через румынский?

Дело в том, что все перечисленные выше слова – индикаторы болгарского влияния на булаештский говор – считаются заимствованными и в румынский язык. Заимствованными из болгарского или вообще южнославянских языков. Однако анализ ситуации заставляет усомниться в возможности посредничества в данном случае румынского языка для их проникновения в булаештский говор.

Что касается «прістелкі», то в румынском заимствование дало все же именно «pestelca» как основную форму. И то редкую, характерную для отдельных диалектов. Форма же «prestelca», очевидно, встречается еще реже. И, видимо, встречается на болгарско-румынском пограничье. Поэтому румынское посредничество представляется здесь маловероятным.

К тому же добавлю, что в соседнем с Булаештами ближайшем селе Мырзачи используется для обозначения передника и слово «кошулец». В Булаештах оно неизвестно. Между тем, логично было бы ожидать проникновения обоих терминов – если бы источником был язык соседних молдавских сел.

«Процап» в болгарском литературном языке – «процеп», с ударением на первом слоге. Однако в болгарских диалектах мы находим и форму «процап», с ударением на втором слоге (БЕР 5: 797).

Отдельно хочу остановиться также на слове «млажа». В болгарском оно имеет значение «прутья ивы», «прутья для плетения корзин» (БЕР 4: 158). В румынском языке мы видим тот же спектр значений – «ива, ивовые прутья» (DRR: 814). БЕР полагает, что румынская форма восходит к сербохорватской, как раз и означающей «молодые побеги дерева, молодая поросль». Поскольку в булаештском говоре мы видим именно последнее, более широкое значение, сложно представить, чтобы оно попало в булаештский говор в суженной форме, а потом опять расширило свое значение.

А учитывая, что в румынском есть слово «mlada», означающее как раз «молодую поросль» и восходящее к славянским языкам, можно предположить, что в булаештский говор слово с таким значением попало из иного славянского языка, нежели в румынский. Или же это происходило одновременно, когда спектр значений еще был шире и мог быть интерпретирован в разных принимающих языках по-разному.

«Гугла» в булаештском – копна кукурузных стеблей конусообразной формы. В украинском является диалектизмом и имеет значение «гуцульская верхняя одежда с высоким острым капюшоном» (ЕСУМ 1: 611). Аналоги в южнославянских и западнославянских языках дают «высокую остроконечную шапку». Важно, что, по мнению лингвистов, источник заимствования в славянские языки – ранненижне немецкий, дающий форму «gugel» – капюшон.

В болгарском языке, как и в булаештском, оно имеет еще и значение «копна сена» (БЕР 1: 292).

В румынском есть слово «gluga», которое тоже имеет и значение «копна». По мнению лингвистов, заимствование из румынского «gluga» в болгарский не представляется возможным. Возможно, это применимо и к булаештскому говору, то есть следует говорить в данном случае о параллельном словотворчестве.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что Я.С.Мельничук указал на непосредственные контакты части юго-западных украинских диалектов и южнославянских языков в период, предшествующий романизации Молдовы и Добруджи (Мельничук 1967: 52). Отсутствие же перечисленных выше булаештских слов в буковинских и карпатоукраинских диалектах позволяет думать о том, что эти булаештско-южнославянские контакты происходили вне той ситуации, которая привела к появлению карпатоукраинских диалектов. Кроме того, если рассматривать южнославянские влияния как заимствованные в булаештский говор через молдавский язык, то мы столкнемся с любопытным парадоксом, а именно: тогда придется принять, что булаештский говор заимствовал из молдавского преимущественно (очень преимущественно) слова, имеющие южнославянское происхождение.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на группу слов булаештского говора, которые имеют южнославянские параллели и при этом отсутствуют в румынском.

В первую очередь, в булаештском говоре есть очень интересное слово «подвал» - оно обозначает растение «мать-и-мачеха». В украинском – «підбіл». Ближе к этому звучат и формы болгарского, сербохорватского, польского и прочих славянских - это растение обозначается вариантами «подбѣл, подбел». В румынском оно было заимствовано в близкой форме – «podbeal» (БЕР 5: 433).

Единственную аналогию булаештскому варианту мне удалось обнаружить в виде болгарского диалектного «подвалка» (БЕР 5: 439) – оно обозначает то же растение.

Следующее слово - «клонка». В болгарском оно означает «кудах-тать» применительно к наседке (БЕР 2: 465). В булаештском мы имеем «клонкатэ» с тем же значением. Ни СУМ, ни ЕСУМ этого слова не знают. Нет его и в румынском. Далее, болгарское слово «кацак» - способ заплетать волосы для женщин, женская прическа (БЕР 2: 282). В булаештском мы имеем фамилию Кацак.

Следующий пример тоже относится к обозначению дикорастущих растений. В болгарском «коляно», «коляниче» - «хвощ полевой» (БЕР 2: 565). В булаештском то же растение обозначается словом «колінца». Ни в одном из сравниваемых языков – украинском или румынском - аналога мне обнаружить не удалось.

Далее, в ЕСУМ есть слово «клокичка» (ЕСУМ 2: 465) – растение «*Staphylea pinnata* L.». В бойковском диалекте оно обозначает «молодая ель». В булаештском говоре есть похожее слово, обозначающее жимолость (если меня не подводят мои познания в ботанике). Но произносится оно «клонкічка». Аналогичной формы мне нигде более найти не удалось. И здесь интересно, что это можно сопоставить с «клонкатэ» - в диалекте украинского в Закарпатье тождественное понятие передается словом «клокати» (ЕСУМ 2: 465) – тоже, как видим, выпадает «н».

Ну и все таки стоит остановиться на одном интересном булаештском слове - «потка». Это эвфемизм, означающий женские половые органы. В болгарском это слово имеет значение «знак, отмечающий границу сада», а также - «дырка» (БЕР 5: 554). Последнее значение делает понятным семантику булаештского варианта. Но, очевидно, его возникновение не связано с болгарским языком. Хотя здесь, возможно, удастся найти параллель в диалектах болгарского.

Кроме лексических параллелей булаештского говора с болгарским языком, отмечу и такую этнографическую, как св. Тріфа – праздник св. Трифона, который справляется в Булаештах 14 февраля, как и у болгар. И имеет ту же семантику – день, когда плодовые деревья кропят святой водой, чтобы спасти от жучков и обеспечить плодородие.

Подчеркну и характерную форму имени – Тріфа, а не Трифон. Видимо, она вообще была характерна для булаештского говора. Так, мы знаем имя Штефа (один его носитель жив до сих пор – Штефа Кланчк, бывший тракторист).

Возникает вопрос о времени этих булаештско-болгарских контактов. В этой связи замечу, что в булаештском говоре отсутствует та

болгарская лексика, которая, по В.К. Павлу, распространена в основном в южной части Бессарабии и в дунайских говорах (Павел 1978: 224). Она, очевидно, проникает уже в XIX веке, после массового переселения болгар в Бессарабию. Это слова типа «рарица», «диканя», «чекел».

Кроме того, судя по тем параллелям, которые болгарские аналоги булаештских слов имеют в сербо-хорватском языке, в булаештском говоре мы наблюдаем не столько болгарское влияние, сколько вообще южнославянское. Возможно, позже можно будет уточнить более конкретно, кто был основным источником этого влияния.

Все это, а также выясненный выше факт отсутствия в булаештском говоре большей части «карпатоукраинской лексики» и сильные отличия от буковинских говоров приводит к выводу, что «болгарские» влияния на булаештский говор были очень ранними. И, вероятно, их следует относить ко времени до возникновения Молдавского государства. К этому следует добавить наличие таких топонимов возле Булаешт, как Княж – лес, расположенный между селами Булаешты, Суслены, Жора, Вышкауцы. Молдавское население называет его Кнеж – то есть оно было заимствовано из южнославянских языков. Однако, если бы жители Булаешт заимствовали его из молдавского, то оно бы у них имело форму не Княж, а какую-то другую – скорее всего, Кніж. Аналогично другой микротопоним, Корнова – «кизилковый лес», где «корн» - молдавский по происхождению компонент - оформлен славянским суффиксом. И, видимо, именно южнославянским (Полевой 1979: 106; Полевой 1985: 19).

С этими лингвистическими данными очень интересно коррелируют данные переписи 1820 года (Tomescu 1930: 30-44). Она отмечает для всех сел и время основания (заселения). При этом для Суслен – 200 лет, для Мырзешт – 100 лет, для Березложь – 100 лет, Вышкауц – 200 лет, Киперчены – 60 лет, Изворы – 20 лет, Погребены – 35 лет, Лалова 80 лет. Пересечина – 469 лет. И всегда указывается, если название села известно издревле, а основано, заселено оно уже в указанное время. То есть проводится разница между временем возникновения села и названия.

Но для целого ряда сел – Жора, Лопатна, Моловата, а также и для Булаешт (я имею в виду только близлежащие к Булаештам села) и для Орхея указывается буквально – «основано никто не помнит когда» (Tomescu 1930: 32). И, видимо, основание Булаешт и других сел, датированных временем «неизвестно когда», произошло раньше, чем возникли их соседи, время основания которых известно. То есть, видимо, для Булаешт достаточно надежным репером может служить основание Суслен, расположенных не далее, чем в 6 км.

Интересно также отметить, что только жители Булаешт называют соседнее село Гиждиены - Слобітка. То есть это показатель того, что когда это село было слободкой (это в Молдове часто практиковалось при запустении того или иного села), Булаешты уже помнят.

В заключение я хотел бы привести ряд слов булаештского говора, которые демонстрируют его своеобразие и могут оказаться очень ценным источником в выяснении вопроса о времени и обстоятельствах формирования булаештского говора. Анализ этого материала еще не завершен, но, думаю, целесообразно его представить, чтобы другие исследователи могли его использовать.

В первую очередь отмечу слова, находящие соответствия в диалектах молдавского.

Это слово «кітрівэй» - голубой. В украинском языке – «блакітний» (булаештскому говору неизвестное, как и «голубой»). Замечу, что слово «блакітнэй» засвидетельствовано в украинском языке в 1579 году (Рогаль 1982: 22), «голубой» – с 1630 года.

Очевидно, «кітрівэй» следует сопоставлять с молдавским диалектным «chetriu» - с тем же значением.

Далее, ни СУМ, ни ЕСУМ не знают в украинском языке слова «коржа» - в булаештском оно обозначает кору. Думается, оно возникло в булаештском именно под молдавским влиянием.

Интересным словом является «соркожі» - шелковица, при молдавском «агуд» - шелковица. В DRR оно отсутствует, как и в словарях украинского языка (СУМ, ЕСУМ). Но диалектам молдавского языка известно слово «sorsova» с тем же значением. В соседних с Булаештами молдавских селах оно произносится как «sorsoji». Здесь, на мой взгляд, очень интересная картина, и стоит подробнее разобраться как в этимологии этого слова, так и в том, каков был процесс и векторы заимствования в молдавские диалекты и в булаештский говор.

Упомяну также некоторые булаештские слова, находящие параллели в других диалектах украинского, более удаленных и территориально, и в лексическом отношении от булаештского, чем буковинские говоры. Здесь, в первую очередь, отмечу булаештское слово «облон» - «ставня». Оно находит параллели в бойковском говоре украинского языка. В бойковском говоре это слово означает часть оконной рамы, или оконную раму – «шибку». Там же, в бойковском говоре, мы видим «книши» в значении «пирог из пресного теста» - как и в булаештском. В буковинских говорах это слово означает «котлеты» (Прокопенко 1971). Слово «горшкар» (при буковинском «гончар») – очень своеобразное. Аналог мы обнаруживаем только в Закарпатье и паре сел у гуцулов (АУМ, карта 137). Также в булаештском говоре произносится «кочарга» (при буковинском «кочерга» или «кощоба»). И аналоги – тоже только в Закарпатье (АУМ, карта 282).

Обод сита в буковинских говорах обозначается словом «обичайка» (АУМ, карта 286). В булаештском же используется слово «вэшка».

Интересно присутствие в булаештском говоре слова «чутора» (турецкого по происхождению) – деревянное ведро для доставания воды из колодца. В гуцульских говорах оно значит «плоская деревянная посуда». Очевидно, это пример параллельного и независимого заимствования. В болгарских говорах Бессарабии «чутора» означает деревянную ступку (Болгарские говоры, 1952).

Внимания заслуживают и булаештские слова «удул» – «удод», при буковинском и вообще украинском «вудвуд», «судуд», «вэрвэлэца» – «белка», при диалектных украинских вариантах «веверица», «гергіль» – «грядиль плуга», при буковинском и гуцульском «продолюб» (АУМ, карта 306) или подольском «греділь».

Слово «млава» в булаештском говоре имеет значение «невкусная, не имеющая вкуса» применительно к питьевой воде. БЕР дает отсылку на значение «млава» в сербохорватском языке, где оно значит «вода в реке, которая стоит или почти не течет» (БЕР 4: 150).

В украинском имеем слово «млява» (СУМ 4: 475) – лишенная живости, бодрости. Оно, судя по отсылкам, характерно именно для карпатоукраинских диалектов. В форме «млава», судя по тем же отсылкам, встречается только в буковинских говорах.

Но интересно здесь то, что, видимо, украинские диалекты не используют это слово применительно к воде. То есть это, вероятно, именно южнославянская традиция.

Отмечу также булаештское слово «гїлэтка». Оно широко известно карпатоукраинским диалектам, имея спектр значений от «подойник» до «кадушка» и, по общему мнению, происходит из восточнороманского «galeata» – «ведро». Но, насколько я сумел установить, только в булаештском говоре это слово означает «бочка для вина».

В этом же контексте отмечу булаештское слово «жіца» – «виноградная лоза». Интерес представляет то, что это слово есть в болгарском и сербохорватском в значении «стебель тыквы, дыни» (БЕР 1: 549).

В заключение следует упомянуть характерную для Булаешт форму имен Прокоб, Якуб – с твердым «б» на конце. Есть еще интересная форма имени – Бладімір (Владімір), ныне уже угасшая. Аналогов ей обнаружить не удалось.

Таким образом, булаештский говор имеет наибольшую близость к говорам карпатоукраинским и, прежде всего, к буковинским. Но при этом он демонстрирует даже от буковинских говоров очень высокую степень отличия, а также отсутствие специфической «карпатской» лексики, в том числе южнославянского происхождения или известной

в южнославянских языках, а также известной и румынскому языку. Важной особенностью булаештского говора являются также южнославянские параллели, не представленные в румынском языке и не известные буковинским и иным диалектам украинского языка. Эти южнославянские параллели, а также отсутствие в булаештском говоре «карпатизмов» позволяют сделать вывод, что болгарские влияния на булаештский говор были очень ранними: вероятно, их следует относить ко времени до возникновения Молдавского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Болгарские говоры СССР. М., 1952

Клетикова Г. Н. Функционирование и генезис терминологии пастушества в славянских диалектах карпатского ареала // Славянское и балканское языкознание. М., 1975. С. 161-201.

Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1986.

Мельничук Я. С. Значение восточнороманских языковых данных для истории древнерусского и украинского языков // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Киев, 1967. С. 49-55.

Орел В. Я. К границам этимологии карпатской лексики // Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1989.

Павел В. К. Диалектная терминология как источник изучения земледелия и расселения молдаван // Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978. С. 217-235.

Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979.

Полевой Л. Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.

Романчук А. А., Балахнова В. А., Демченко О. Н. Русины Орхейских Кодр // www.moldo.org. 2005.

На украинском языке:

Атлас української мови. Київ, 1984. Т. 1.

ЕСУМ: Етімологічний словник української мови. Київ.

Жилко Ф. Т. Говори української мови. Київ, 1958.

Прокопенко В. А. Матеріал до словника буковинських говірок. Вып. 1. Черновці, 1971.

Прокопенко В. А. Матеріали до словника буковинських говірок. Вып. 2. Черновці, 1971.

Рогаль М. С. Полонизми в українсько-білоруській деловій мові XIV-XV ст. // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Ужгород, 1982. С. 21-22.

СУМ: Словник української мови. В 12 т. Київ.

Шило Г. Ф. Південно-західні говор УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

На болгарском языке:

БЕР: Български етимологичен речник. София.

БЕР 1 (том 1) – 1971; БЕР 2 (том 2) – 1979; БЕР 4 (том 4) – 1995; БЕР 5 (том 5) – 1999.

На румынском языке:

DRR: Dicționar Română-Rus. Chișinău., 2000.

Tomescu C.N. 1930. Catagrafia Basarabiei la 1820. 132 sate de tinutul Orheiului. Chișinău.

Иван СИМЕОНОВ

ДЕЯТЕЛЬ ДУХОВНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ БОЛГАР

Прошло 170 лет со дня рождения Павла Цанева Калянджи (1836-1890) – выдающегося деятеля возрождения Болгарии. Он родился в городе Лясковец и был третьим сыном Цани Калянджи. Вначале учился в родном городе, а потом – в Свиштове. Ненавидел греческих фанариотов. В 1853 году вместе с П. В. Оджаковым принял участие в сожжении на костре греческих книг в церкви св. Афанасия.

Во время Крымской войны поступил добровольцем в русскую армию. В самом начале войны Павел Калянджи принял русское подданство. Служил у статского советника А.П. Озерева. После войны (1856) поступил в Одесскую гимназию, а на следующий год перешел в Ришельевский лицей в Одессе. Получал стипендию из личных средств царя Александра II.

Закончив свое образование в 1860 году, он возвратился на родину (г. Лясковец), где устроился учителем в местную школу. Преследуемый турками как русский подданный, Павел Калянджи вынужден был вскоре (через полтора года) покинуть родину. Он вновь возвратился в Россию, где посвятил себя педагогической и литературной деятельности. Контактывал с некоторыми болгарскими революционерами: Георгием Раковским, Любеном Каравеловым, Киряком Цанковым и др. Оказал материальную поддержку в вооружении повстанческого отряда Христо Ботева. Иван Пауновски утверждает, что 18 или 19 августа 1869 г. Христо Ботев приехал в город Браила, где болгарский типограф Димитр Паничков передал ему книги для учебной работы, оставленные Павлом Калянджиевым¹.

Работая учителем в с. Комрат, а позднее в должности инспектора болгарских школ Бессарабии (1861-1878), Павел Калянджи изучал появляющуюся в России новую учебно-педагогическую литературу. По его словам, он с особенным интересом читал журнал «Учитель», «Детский мир» Ушинского и «Детское чтение» (имеется в виду «Библиотека для детского чтения», издаваемая с 1859 г. как приложение к журналу «Русский педагогический вестник»).

Его старший брат Иван Цанев Калянджи (1831-1902), известный в Бессарабии как Иван Степанович Иванов, закончил историко-филоло-

гический факультет Киевского университета (1854), а потом работал учителем в Болграде (1855), инспектором в Кишиневе, а также и в должности попечителя болгарских колоний в Бессарабии. Сотрудничал с русской прессой. О нем Иван Грек и Николай Червенков пишут в своей монографии «Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще» следующее: «*В русской части Бессарабии сразу после Крымской войны начали восстанавливаться ранее закрытые школы. Большая заслуга в этом принадлежит исполняющему должность попечителя Попечительства болгарских колоний Ивану С. Иванову*»².

После освобождения Болгарии от турецкого ига Павел Калянджи возвратился на родину, где начал работать председателем Провадийского окружного суда. Позже переселился в Варну, где занимался торговлей и книжной деятельностью.

Павел Калянджи сотрудничал в газетах «Цареградский вестник» (1862), «Одесский вестник», «Българска пчела» (1863), «Дунавски лебед» (1867-1869) и др. В календарном сборнике «Месецослов на българската книжнина за 1859 г.» (Царьград, 1859, 6-13) он опубликовал описание своего родного города. Также собирал болгарские народные песни и сказки. Его фольклорное собрание замечательно – оно имеет объем почти в тысячу листов. Ему так и не удалось выпустить в печать эту книгу. Некоторые из песен он дал Любену Каравелову.

Павел Калянджи - автор и составитель следующих книг и учебников: «Български буквар. Нареден по последнята най-нова метода от Павла Калянджи» (Болград, 1861); «Кратка читанка за взаимните училища. Наредена по последнята и най-нова метода от Павла Калянджи» (Одесса, 1861); «Кратка свещена история и катихизис с нужните молитви от Павла Калянджи» (Болград); «Буквар, съставен в полза на българското юношество» (Болград, 1867); «Настоятелият на Киприяновият манастир» (Болград, 1870). Кроме того он перевел на болгарский язык «Сочинение Т. Булгарина» (роман «Памятные записки Чухина») (Одесса, 1863)³.

Свою читанку Павел Калянджи назвал «Друг детей» («Другар за детцата»). Композиционное построение и тематика этого учебника, по мнению Е.К. Потапенко, напоминают «Детский мир» Ушинского⁴. В предисловии к книге Калянджи отмечает, что в «Детском мире» Ушинского он увидел «*более простые и легкие способы обучения детей, способствующие развитию их мышления*». В раздел «О животных» Павел Калянджи включил несколько рассказов Ушинского: «Верблюд», «Медведь», «Кукушка», «Северный олень» и «Слон» (последние два в сокращении). Другие рассказы русского педагога болгарский составитель авторизовал: «Богатство», «Лошадь», «Корова» и «Овца».

В статье «Отсталость в просвещении бессарабских болгар», опубликованной в «Цареградском вестнике» (1862, № 10), Павел Калянджи

выражает свое недовольство тем, что много болгар из Бессарабии остались безграмотными. Спустя некоторое время против него выступил некто И. Гольденблат, который написал статью «Несколько слов в защиту болгарских колонистов в Бессарабии» («Одесский вестник», 1863 г.). Павел Калянджи отвергнул ряд неверных утверждений этого автора, опубликовав статью в той же газете «Одесский вестник» (1863, № 42): «...это немалочисленное население, состоящее теперь, за отходом одной половины его в Молдавию, из 55 000 д. об. п., проживая в России почти полвека, при самых благоприятных условиях в отношении образования, в сравнении, по крайней мере, с задунайскими своими соотечественниками, - и до сих пор располагает не более как одним или двумя десятками грамотных людей из своей среды, и то выучившихся грамоте большею частью в колониальных управлениях... Если автору это известно только по слухам, то мне положительно известно, что не только многих из детей колонистов, но ровно ни одного из них нет ни в каком высшем учебном заведении...»⁵.

Говоря о губительном невежестве, в котором до этого момента еще коснеют вообще все болгары, и в особенности бессарабские, и о благотворительном влиянии просвещения на развитие нравственного и материального благосостояния народов, Павел Калянджи указал на Англию как на образец в этом отношении. Он отметил еще, что болгары-колонисты, несмотря на их положительные качества - трудолюбие, расположение к добру и прочие, стоят ниже немецких колонистов и в отношении сельского хозяйства. Немцы трудятся намного меньше и менее лишают себя удовольствий, а при правильном ведении хозяйства извлекают гораздо больше пользы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пауновски Иван. Но защо? Детективна проза. Ново за Христо Ботев. Факти и фалшификации. София, Издателство "Български писател", 1993. С. 78.

2. София, ИК "Христо Ботев", 1993. С. 81.

3. См. Радев Иван, Русин Русинов, Николай Аретов, Георги Петков, Радослав Радев, Елена Налбантова. Енциклопедия на българската възрожденска литература. Велико Търново, Издателство "Абагар", 1996, с. 362; Сюзюров Елена. Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX в. София, Издателство на БАН, 1982. С. 159-160.

4. Потапенко Е.К. Болгаро-русско-украинские педагогические связи XIX в. Київ, Издателство "Вища школа", 1992. С. 54.

5. Български автори в руския периодичен печат 1854-1864. Статии, дописки, очерци, бележки, том I (издирила и подготвила за печат Цвета Унджиева). София, Издателство на БАН, 1982. С. 251, 252.

Сергей ПОЖАР**«ЕСЛИ БЫ ВСЕ МОГЛИ ТАК
ПОВСЮДУ УСТРАИВАТЬ
МУЗЫКАЛЬНОЕ ДЕЛО»
(В.И. Ребиков и Кишинев)**

История не слишком благо-склонна к этому человеку. При жизни он пользовался известностью и уважением. Его талант ценили П. Чайковский, К. Дебюсси, Э. Григ, а музыку охотно исполняли не только в обеих российских столицах. Каждое прослушивание работ этого, по выражению Н. Римского-Корсакова, «странного композитора» выливалось в ожесточенные дискуссии прямо в зале и на страницах прессы. Одни считали его, наряду с А. Скрябиным, долгожданным Пророком, парадоксальным искателем новых путей в искусстве, другие - чудаковатым неудачником, стремящимся в одиночку низвергнуть устои и традиции. Но стоило ему на склоне лет снизить свою дея-

тельность и уединиться в Ялте, как о нем почти забыли, лишь время от времени извлекая из небытия кое-какие опусы.

Таков Владимир Иванович Ребиков (1866-1920) - разносторонне одаренный композитор, пианист, педагог и писатель, неутомимый организатор концертного дела и учебного процесса в разных городах необъятной Российской империи. Достаточно сказать, что по его инициативе в Москве, а затем в Одессе и Киеве впервые возникло «Общество русских композиторов» - прообраз давно доказавших свою перспективность творческих союзов; что благодаря ему основано Кишиневское отделение «Русского музыкального общества» (РМО) и весьма крепкое училище на его базе.

Ребиков оставил нам солидное художественное наследие, включающее десять опер на сюжеты Ф. Достоевского, В. Короленко, Л. Андреева, И. Тургенева, других своих современников и недавно ушедших классиков, два балета, множество хоров, вокальных и инструментальных миниатюр¹. Малоизученный новатор, до конца не понятый даже потомками, он в своей музыке пытался соединить, казалось бы, несовместимое: широту русской бытовой лирики с утонченностью импрессионизма, романтическую искренность с обостренностью чувств нарождающегося экспрессионизма. Как создатель оригинальных музыкально-психологических драм (самые известные из них – «Елка» и «Дворянское гнездо»), музыкальных пантомим, меломимики, мелопластики, мелопоэза, иных синтетических жанров с причудливыми названиями, он много экспериментировал, смело заглядывая вперед в области средств выразительности и формы. Например, свои уточненные вокальные миниатюры из опусов №№ 16, 18 и 20, законченные в Кишиневе, композитор назвал «Вокальные сцены». «Как бы сцены из оперы, как бы романсы в лицах», – поясняет он в письме к автору «тонко-ароматных стихов» В. Брюсову, признаваясь: «Я же – импрессионист. Моя цель – передавать ясно и определенно чувства и настроения. Я не признаю необходимости формы для музыки. Музыка – язык чувств, чувства же формы не имеют...»². А в гармонии предвосхитил тех, чье творчество со временем окажется более востребованным и жизнеспособным.

Известен казус, случившийся с Ребиковым в 1908 году в Париже. Когда он играл свою пьесу «Ни красок, ни лучей» из опуса № 19, кто-то из присутствующих воскликнул: «Похоже на «Пеллеаса и Мелизанду!..» Тогда смущенный и растерянный автор показал французам юргеновское издание своих «Вокальных сцен», вышедших за два года до премьеры упомянутого шедевра К. Дебюсси. Сослался он и на известные парижские журналы «Figaro» и «Rene Lara», опубликовавшие в 1900 году номера из его фортепианного цикла «Сны» с теми же хроматически спускающимися аккордами. Все были поражены. Однако горечь от происшедшего у Ребикова осталась, поскольку он всегда считал себя оригинальным.

Этот «несомненно талантливый, хотя и крайне эксцентричный композитор», как отзывался о нем Ц. Кюи³, был парадоксально противоречив в своей эстетике. В стремлении к правдивому и общедоступному искусству он опирался на ложные идеалистические постулаты. В частности, постижение действительности видел возможным только через духовное прозрение художника, несущего в своем творчестве единственную реальность мира. «Я должен сказать, – пояснял Ребиков в письме из Кишинева одному из своих первых исследователей

М. Иванову, - что музыка еще не затронула огромную психологическую область настроений и смутных ощущений, в передаче которых лежит ее настоящая задача... Нужно стремиться к передаче душевной правды... Нужно что-то новое, и это новое я нахожу в области тех смутных ощущений и настроений души, которых до сих пор не касались композиторы»⁴.

Конечно же, он глубоко заблуждался, считая себя тут первопроходцем, особенно на фоне блестящих достижений романтизма. Но он был все-таки прав, когда в 1913 году подводил итоги своей кипучей деятельности: «Звуки ради звуков не были моей целью. Цель была одна - найти сочетание звуков, которое передавало бы чувство. И если это сочетание получалось целотонным или неблагозвучным, то это выходило само собой... Конечно, можно было бы придумать очень необычные и очень оригинальные сочетания звуков, но во что бы то ни стало оригинальность звуков не была моей целью. Цель была одна - сильно передать чувство или настроение и им заразить слушателя. Звуки для меня не цель, а средство. Средство передать чувство»⁵.

Лирик и психолог по натуре, миниатюрист по складу дарования, Ребиков понимал, что его желания несоизмеримо выше его художественных возможностей. «Я малый метеорит, которому суждено пройти свой путь совершенно незаметно для русской музыки, изобилующей такими талантами и гениями», - признался он в одном из писем⁶. Подобно комете с пылающим хвостом, он поначалу привлек всеобщее внимание смелостью, неординарностью, непредсказуемостью. Однако не сгорел в плотных слоях атмосферы русской классики. Свой бесконечный путь в музыкальной Вселенной этот «малый метеорит» до сих пор продолжает вблизи планет-гигантов, имя которым – П. Чайковский, А. Скрябин, И. Стравинский. И если спустя столетие он не сияет ярким ровным светом, как подлинная звезда, то все равно вызывает неподдельный интерес многих профессионалов и любителей, то приближаясь к ним, то отдаляясь от их взора.

Впрочем, если бы Ребиков не написал ни одной ноты, помимо вальса к опере «Елка», то все равно занял бы почетное место среди авторов самых популярных шедевров мирового искусства. Все знают и любят этот трогательно нежный вальс, овеванный дымкой пленительной печали, но мало кто догадывается, что более ста лет назад он был создан в Кишиневе. Для кого-то сей факт, возможно, мелочь, но для горожан-патриотов - безусловно, предмет гордости.

Первый показ «Елки» состоялся 17 октября 1903 года в московском театре «Аквариум» силами весьма крепкой по составу антрепризы М. Медведева. Эта «драма духа» сразу получила известность и многочисленные, зачастую противоречивые отклики критики.

В большой аналитической статье музыковед С. Кругликов справедливо писал: «В дерзких нарушениях гармонических правил мы встречаем красоту, а это уже – оригинальность, талант, нашедший себе выход в калитку, до тех пор забитую... «Елка»... это игра в настроение. Она – ряд картинок импрессиониста, перелившихся до известной степени в звуки. В талантливые звуки, заметьте. Для чуткого художника «Елка» – откровение. Для музыканта-теоретика – сплошной интерес. Для педанта же – глубочайшее оскорбление»⁷.

После абсолютной премьеры опера с успехом шла на сценах российских городов, чуть позже – в Праге, Брно, Вене, Берлине, Любляне, принесла автору поистине европейскую известность. И всех слушателей в первую очередь прельщала именно вальс, удивительно красивый в своей зыбкости, ставший кульминацией произведения. «Он мог бы звучать в «Белых ночах» Достоевского, как символ горя всех «униженных и оскорбленных», – подметила исследователь О. Томпакова в первой и пока единственной книге о композиторе, вышедшей в 1989 году, через семь десятилетий после его кончины...⁸

Сегодня ни одна музыкальная школа либо студия, ни один лицей не обходятся без ребиковских «Гномов», «Бродячих музыкантов», «Осенних листьев» или же «Хромой ведьмы». Вместе с ними детвора охотно поднимается по крутым ступенькам пианистического мастерства. Порой ребята с увлечением разыгрывают «Басни в лицах» (по И. Крылову), смотрят и даже сами танцуют балеты «Музыкальная табакерка» и «Белоснежка». Изначально призванные пополнять педагогический репертуар эти и многие другие произведения Ребикова из его фортепианных сборников «Дни детства», «Детский отдых», «Детский мир», «Школьные песни», «Силуэты», «Вокруг света» имеют не только непреходящую методическую, но и художественную ценность. Все они, подобно опере «Елка», родились в Кишиневе, впитав (пусть даже косвенно) его теплую эмоциональную атмосферу и своеобразный колорит.

Движимый идеей создания новых филиалов «Общества русских композиторов», Ребиков заглянул в Кишинев еще осенью 1898 года да и поселился здесь на достаточно продолжительный срок⁹. Как окажется, это будет самое плодотворное и поначалу даже самое счастливое время в его насыщенной биографии. В прошлое ушли работа в Первопрестольной и в Одессе, поездки за новыми художественными впечатлениями в Австрию и Германию, где он, выпускник философского отделения Московского университета, получил серьезное композиторское образование. Позади остались и недавние успешные гастроли по украинским городам. Планы 32-летнего маэстро теперь связаны не столько с распространением своей парадоксальной, порой насквозь противоречивой эстетики озвученных чувств и настроений, сколько с

пропагандой в провинции русского искусства и сплочения местных музыкальных сил.

Столица Бессарабии в ту пору интенсивно развивалась, превратившись в один из крупных культурных центров на юго-западе империи. Однако музыкальный профессионализм, хотя и преодолел младенческий возраст, был представлен немногими разрозненными энтузиастами. В почти 120-тысячном городе имелись лишь бесплатные хоровые курсы да просветительское любительское общество «Гармония», которому покровительствовал энергичный мэр Карл Шмидт. Две частные музыкальные школы, находившиеся прямо на квартирах их руководителей В. Гутора и М. Волошиновской, как и скрипичные классы А. Плинера, всего несколько лет продержались на плаву, но в конце концов закрылись¹⁰.

Не располагает Кишинев и собственным оперным театром или даже хотя бы временной труппой из числа местных певцов. Зато сюда с достаточной регулярностью навеваются многочисленные антрепризы, иногда с мастерами ранга Ф. Шаляпина¹¹. Так, на продолжительных гастролях Товарищества русских оперных артистов под управлением Г. Шейна, имевшего в репертуаре более 20 названий мировой классики, показывался спектакль «В грозу» В. Ребикова. Автор присутствовал на постановке своего первого крупного детища, возможно, и в чем-то корректировал его. Он хорошо помнил одесскую премьеру этой оперы, где в заглавной роли Боярина участвовал сам Александр Антоновский – лучший бас-профундо Большого, а впоследствии и Мариинского театров. Знаменитый уроженец Кишинева подружился с композитором, переписывался с ним. Спустя годы он бескорыстно материально поддержит его терпящие бедствие добрые начинания на родной земле¹².

Обосновавшись на новом месте, Ребиков сначала сблизился, затем сумел сплотить вокруг себя многих местных музыкантов: воспитанников петербургской и московской консерваторий виолончелиста Василия Гутора, скрипача Петра Каховского, певицу Клеопатру Хршановскую, пианистов Николая Бонгардта и Екатерину Малишевскую (Салину), окончившую Венскую консерваторию. За короткий срок композитор по существу возглавил музыкальную жизнь города, стоящего на пороге значительных перемен в лучшую сторону. «Приехавши в Кишинев, - делился он своими впечатлениями с музыковедом Н. Финдейзером, - я не нашел здесь достаточно музыкальных сил для образования отделения «Общества русских композиторов»; но нашел полную возможность устроить отделение РМО. Комитет местного общества «Гармония» отнесся с симпатией к моему предложению, и общее собрание его членов, состоявшееся 3 октября 1898 г., единогласно решило перейти в ведомство РМО»¹³.

Заметим, однако, что единодушие в данном случае выглядело весьма относительным. Ведь на столь важном собрании присутствовало только две пятых из всех членов организации. Это говорит либо об их безразличии, либо о затаенной оппозиции к свежим веяниям времени¹⁴.

По инициативе Ребикова в пятую годовщину со дня смерти Чайковского общество посылает на его могилу венок. Музыкакой Петра Ильича открывается и новый концертный сезон. Стержнем его становится серия из семи «музыкальных утр», посвященных русским авторам. Каждая из «страниц» этого цикла включала в себя и лекцию об авторе, чей портрет непременно выставлялся на сцене, и знакомство с его лучшими произведениями. Многие из них были впервые показаны в Бессарабии. Ноты привез с собой либо заказал по почте прямо из первых рук лично Владимир Иванович.

Громадный и одновременно неожиданный успех сопутствует самому первому, во многом пробному концерту-лекции «П. И. Чайковский», состоявшемуся 25 октября 1898 года. Трио «Памяти великого художника» публика потребовала повторить целиком – «... явление здесь небывалое», по словам Ребикова. «Теперь я вполне уверен, - корреспондировал он тому же Финдейзену, - что все семь утр пройдут с успехом и торжество русской музыки будет полным»...¹⁵

Последующие «страницы» цикла были отданы соответственно популяризации творчества М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Бородина, М. Мусоргского, Ц. Кюи и А. Рубинштейна. Проходили концерты в зале Благородного собрания, иногда в помещении городской мэрии (безусловно, «с благословения» самого К. Шмидта).

Ребиков стремился не просто внести свежую струю и упорядочить филармоническую практику, но и придать ей просветительно-воспитательный характер, в чем малоподготовленная местная публика очень нуждалась. Его строго продуманный план основывался на принципе контраста. «Русские афиши» чередовались с «зарубежными», выстроенными также по монографическому принципу. Скажем, за концертом из произведений П. Чайковского следовал концерт, отданный В.-А. Моцарту, затем Л. Бетховену, который «привлек громадное количество посетителей». Со слов Ребикова, «такие сборы в Кишиневе дают лишь Фигнер, Фострем и другие знаменитости¹⁶.

Проверенный метод «от простого к сложному», который проповедовал В. Гутор - поначалу близкий единомышленник Ребикова, не всегда выдерживался последним, на почве чего, собственно, и начались расхождения между соратниками. Легкие для восприятия сольные пьесы в одной программе сменялись более трудными камерными ансамблями; как-то сразу, без предварительной адаптации слушателей началось внедрение в их сознание хоровых и симфонических полотен. Тем

не менее, уже вскоре Ребиков не без основания мог признать: «В музыкальной жизни Кишинева чувствуется большое оживление... Интерес к серьезной музыке возрастает, чему служат доказательством полные сборы на музыкальных утрах»¹⁷. «Давно уже слушатели не получали такого эстетического наслаждения, - вторит ему газета «Бессарабец». - Зал Собрания был буквально переполнен»¹⁸. Отдельные номера программы по-прежнему приходилось «бисировать, что говорит само за себя».

Целый ряд примечательных мероприятий проведен и в следующем, 1899 году. Среди них - торжества к 100-летию А. С. Пушкина, организованные обществом «Гармония» по предложению Ребикова. В музыкальном отделении звучали сцена из «Руслана и Людмилы» М. Глинки и романсы шести русских композиторов, в том числе и самого Ребикова. «Виват за Вашу энергию в Кишиневе! - писал ему из Москвы композитор А. Кастальский. - Если бы все могли так повсюду устраивать музыкальное дело»¹⁹.

Маститый С. Танеев, когда-то отказавший юному Ребикову в приеме в Московскую консерваторию (из-за нарочито «диссонантных» экзерсисов, якобы свидетельствующих об отсутствии слуха!), теперь ведет с ним переписку по поводу организации концертной жизни. С его легкой руки в городе гастролирует А. Скомпка (Большка), «приобретшая европейскую известность певица... Репертуар ее чрезвычайно обширен, и поет она превосходно»²⁰. Ребиков получает от Танеева его Первый струнный квартет и клавиры оперы «Орестея» с пометкой отрывков полегче, усиленных местным исполнителем. Сообщая о своих новых хорах, глава московской композиторской школы заботится о первом впечатлении, которое сложится о нем и его музыке у кишиневцев. «Я думаю, что следует предпочесть отрывки из оперы, - подчеркивает он, - т. к. по объему своему это самое значительное из моих сочинений и на которое я потратил более всего труда и времени»²¹.

В Кишинев шли также письма от Н. Римского-Корсакова и С. Рахманинова. Они отвечали на запросы Ребикова о подробностях своей биографии, о последних работах и планах, присылали фотографии. «Мне остается от души поблагодарить Вас и Общество за желание сыграть что-нибудь мое», - заключал свое письмо великий композитор и пианист²², предки которого родились на молдавской земле²³.

Усилиями Ребикова на город, находившийся в стороне от центральных «магистралей» искусства, обратили внимание А. Глазунов, Э. Направник и другие крупные музыканты из главной дирекции РМО. Они-то и поддержали инициативу открытия в Кишиневе отделения Русского музыкального общества. Это поистине историческое для культурной жизни края событие произошло 28 марта 1899 года и было

ознаменовано торжественным вечером памяти основателя РМО, нашего великого земляка Антона Рубинштейна²⁴.

Уже в следующем сезоне Обществом было дано 14 концертов: 2 симфонических, 4 квартетных, 6 «сборных» камерных и 2 монографических, в которых прозвучало 124 произведения тридцати четырех авторов. Квартетную музыку играл стабильный ансамбль в составе В. Салина и И. Лаздина (1 и 2 скрипки), И. Чернецкого, которого сменил И. Финкель (альт) и И. Брика (виолончель).

Решительный, инициативный, обуреваемый своими идеями Ребиков не мог и не хотел останавливаться на достигнутом. Следующая его цель - специальная музыкальная школа, имеющая официальный статус. Взглядом «человека со стороны» он сразу заметил, что на нее в городе возник «спрос громадный»²⁵, что демократически настроенная часть общества давно вынашивает замысел создания такого учебного заведения и готова воплотить его в жизнь. Об этом свидетельствовали и упоминавшиеся выше частные инициативы В. Гутора, М. Волошиновской и А. Плиера, и так называемые «периодические курсы» для учителей пения общеобразовательных школ губернии, и обсуждение в прессе. Так, еще 9 июня 1884 года «Бессарабские губернские ведомости» сообщали о бытующем в среде интеллигенции мнении касательно необходимости открытия «школы искусств, в которой очень и очень нуждается подрастающее поколение стотысячного города Кишинева, теряющее лучшие годы своей жизни в праздном препровождении времени, тогда как годы эти они могли бы употребить на служение искусству...». Спустя 14 лет, вскоре после принятия долгожданного решения об организации музыкальной школы, газета «Бессарабец», призывая всех во имя общего дела «объединиться и действовать в одном направлении», не без оснований предполагала: «Тогда до известной степени прекратятся поездки для музыкального образования в Одессу, Киев и другие города. Напротив, с этой целью будут стремиться в Кишинев из наших уездных городов, а при развитии музыкального у нас дела хлынут сюда и новые музыкальные силы»²⁶.

1 сентября 1899 года впервые распахнули свои двери музыкальные классы при РМО, ставшие последней ступенькой к порогу школы. Невысокая плата за обучение (48 рублей для особо прилежных и 72 для остальных) вкупе с авторитетом преподавательского состава позволили набрать после прослушивания сразу около двухсот наиболее одаренных учеников. На самом деле количество желающих обучаться здесь вдвое превышало данную цифру. Это соответствует аналогичным выкладкам такого же учебного заведения соседней «жемчужины у моря», хотя общее число ее жителей выглядит куда впечатляюще. Выше была там, для сравнения, и годовая стоимость образова-

ния – соответственно 80 и 100 рублей. Зато одесские власти, в отличие от кишиневских, выделяли стипендии для исключительно талантливых питомцев и материально поддерживали ребят из бедных семей.

Примечателен и такой факт. Впервые в истории края реальная возможность заниматься музыкой была предоставлена разным слоям общества, а не только его зажиточной верхушке. Помимо итогов набора, об этом говорит и официальное письмо по поводу преобразования музыкальных классов в училище. Подготовленное при непосредственном участии Ребикова, оно адресовано Кишиневским отделением РМО в его Главную дирекцию в Петербурге. В нем прямо указано, что «густо населенные уезды губернии» и ее центр оставляют «за дверьми много, и преимущественно среднего класса, детей, лишенных возможности искать образования в других городах, как по материальным, так и по причинам семейного характера...».

Таким образом, за сравнительно небольшой период времени мы наблюдаем в крае любопытную эволюцию общественного мнения о музыкантах. В конце XVIII века отношение к ним в лице лэутаров было пренебрежительным: они, хоть и приглашались на всевозможные увеселения, но среди знати считались «посмешищем Бога и людей». Однако уже вскоре после освобождения Молдавии от османского ига, под влиянием нахлынувшего сюда офицерства царской армии и чиновничества, в массе своей умевшего не только петь романсы и «по-европейски» танцевать, но и музицировать в свое удовольствие, молдавская аристократия начала увлекаться игрой на разных музыкальных инструментах. Постепенно интерпретация классики стала исключительно ее уделом, поскольку брать уроки у заезжих репетиторов могли лишь состоятельные люди. И вот спустя почти сто лет, обучение этому виду искусства становится общедоступным.

Как видим, процесс демократизации музыкального образования в Бессарабии шел не без самого непосредственного воздействия россиян и русской культуры.

Еще одна знаменательная дата в истории Кишинева связана с рождением Музучилища, в чем опять-таки немалая заслуга Ребикова. Оно возникло путем реорганизации музыкальных классов РМО ровно через год после начала их существования. Училище стало шестым в ряду существовавших аналогичных учреждений Киева, Казани, Саратова, Харькова и Одессы. (У руля последнего, кстати, стоял известный в округе кишиневский скрипач А. Мазараки). Все они действовали по общепринятому в стране Уставу и во многом структурно походили друг на друга.

Вопрос о руководителе нового училища обсуждался недолго. Предлагался Василий Калинин, чья кандидатура отпала из-за его болез-

ни. Вопреки принципам подбора директоров из числа столичных выпускников выбор пал на Ребикова. И отнюдь не случайно. По словам Э. Направника, обращенным к Ц. Кюи, Ребиков «своими дарованиями, своей энергичной деятельностью» зарекомендовал себя «действительно полезным деятелем»²⁷. Такое мнение сложилось о нем почти у всех руководителей РМО из Санкт-Петербурга.

В училище обучали многим музыкальным специальностям, в том числе игре на арфе и органе (чему сегодня не учат ни в одном из наших музыкальных учреждений!). Четырехлетняя программа была достаточно насыщена. Она включала также теорию и историю музыки, гармонию, общее фортепиано. Начитывались и те особые дисциплины, что велись в столичных вузах: инструментовка, контрапункт строгого и свободного стилей, история искусств, энциклопедия, эстетика музыки и хоровое пение. Большой по составу хор использовался не только в учебной, но и в концертной практике.

Понимая важность разностороннего формирования личности, молодой директор вводит в программу, кроме специальных, и общеобразовательные предметы. По ходатайству Общества любителей драматического искусства, действовавшего в городе уже шесть лет, при училище открыт театральная класс, где учащиеся получают уроки дикции, декламации, сценического мастерства с целью постановки в дальнейшем оперных отрывков.

Сам Ребиков взялся вести в училище гармонию, сольфеджио, инструментовку, историю музыки и эстетику. За ним отовсюду потянулись серьезные артисты, многие из которых имели дипломы крупных европейских центров. Упомянем скрипачей И. Лаздина и В. Салина, высоко ценимого П. Чайковским, виолончелиста И. Брика, флейтиста К. Теута, валторниста А. Стойкина, вокалистов В. Анненкова, Л. Аверка и К. Хршановскую, вместе с сестрой М. Хршановской открывшую в 1902 году начальную частную певческую школу. Особенно представительным выглядел пианистический штат: Н. Буслов, Е. Малишевская (Салина), Н. Прокин, Я. Горр, Э. Клозе-Рапп. После окончания Берлинской консерватории шесть лет в Кишиневе отработала активно концентрирующая пианистка Г. Биббер-Гальперина, чей талант в полной мере раскроется позднее в Одессе. Здесь провел три последних года жизни многообещающий композитор и пианист Фридрих Кридл, который вскоре умер совсем молодым у себя на родине – в городе Ичин восточной области нынешней Чешской Республики (там и похоронен).

Забываясь о перспективе учебного заведения, Ребиков интенсивно подыскивал на стороне новых крепких наставников, в том числе режиссера для будущих оперных спектаклей. «Я решил поставить дело солидно, - вспоминал он позже, - и в музыку в местные силы добавить

столичные»²⁸. Многие педагоги регулярно выступали в общедоступных мероприятиях, «дающих возможность ознакомить население с лучшими произведениями отечественных и иностранных композиторов». Аналогичные цели преследовали концерты их подопечных, подспудно приучающие молодежь к сцене.

Все вышеперечисленное позволило новоиспеченному директору с гордостью назвать Кишиневское училище «детисцем Петербургской консерватории». Впоследствии из его стен выйдет немало знаменитостей²⁹.

Сохранилась афиша одного из бесплатных ученических вечеров (как указано, вместо традиционного утра), состоявшегося 20 января 1902 года в зале городской Думы. В ней оговорены достойные нашего внимания моменты, характеризующие этикет времени. Аплодисменты, в частности, вообще воспрещались. Члены ГМО входили по специальным членским билетам, заблаговременно получив в училище пронумерованные места. За хранение «платья» взималось 10, а с учеников – 5 копеек. Программки стоили 10 копеек. Весь денежный сбор, пусть даже самый незначительный, шел на покупку инструментов для пользования «недостаточными учениками».

Примечательна и сама программа вечера. Она выстраивалась из двух отделений по шесть номеров каждое. В ней пьесы для духовиков перемежались с фортепианными сонатами и вариациями Л. Бетховена и Э. Грига, полонезами, вальсами и мазурками Ф. Шопена, оперные арии М. Глинки и Н. Римского-Корсакова уступали место скрипичным концертам Ф. Крейсlera, Г. Венявского (второй) и П. Роде (восьмой). Словом, разные ученики разных учителей представляли совершенно разную, несовместимую, с современной точки зрения, на одной афише музыку. Подобная стилистическая и жанровая пестрота, умноженная на многообразие исполнительских составов, была повсеместно распространена в ту эпоху. Для Ребикова же она являлась скорее исключением, чем правилом.

Параллельно с училищными хлопотами маэстро продолжает работу и в выпестованном им филиале РМО. Он приглашает в город Н. Финдейзена с лекциями о русской музыке, организует гастроль европейски признанных певцов Ю. Фигнера, А. Фострем, И. Супруненко, А. Скомпской, ряда инструменталистов. Владимир Иванович переводит с немецкого языка, коим владеет в совершенстве, «Методический курс оркестровки» Ф. Геварта, планирует давать музыкальные собрания в уездных городах Бессарабской губернии, к чему относится очень серьезно. Он договаривается с директором Ясской консерватории, крупным хормейстером и композитором Г. Музическу, получившем образование в Петербурге, о собственных гастролях в Румынии (возможно, вместе с Г. Музическу и его хором Митрополии) с целью про-

паганды русской музыки. Среди прочих его начинаний отметим запросы на приобретение в рассрочку трех роялей у фирмы «Беккер», проект создания музыкально-художественного журнала, организацию экспедиции для записи молдавского фольклора, открытие нотной библиотеки и музыкального магазина, наконец, создание Общества взаимопомощи музыкальных тружеников.

Далеко не все из перечисленного удалось реализовать. Но вопросы были подняты острые, и необходимость их скорейшего решения становилась очевидной для прогрессивной части интеллигенции.

К сожалению, не она составляла большинство в столице Бессарабии. В условиях зарождающегося «хищнического» капитализма отношение к искусству из творческого превращалось в сугубо меркантильное. Материальные трудности тормозили всякую инициативу. В руководство кишиневского отделения РМО и Музыкального училища внедрялись чуждые искусству богачи, начинавшие вроде бы с благотворительности, но вскоре надевшие оковы новорожденным учреждениям культуры. Травлю слишком демократичного и самоуверенного, на их взгляд, московского композитора возглавил финансист С. Сербов. На посту казначея Общества он всячески нарушал устав, стремясь любыми путями только к прибыли. Как указано в одном документе, приведенном в книге Б. Котлярова «Из истории музыкальных связей Молдавии, Украины, России», С. Сербов предложил отделению РМО деньги в долг из расчета «6% годовых при условии ежегодного частичного погашения. Дело было верное, процент солидный, а для одинокого холостого человека, обладающего чуть ли не миллионным состоянием, сумма мизерная... Этот несчастный заем отдал училище в кабалу Сербову. Музыка, чистое искусство, служение идее – все было изгнано из этого «храма искусства», все помыслы главного жреца искусства сводись к выколачиванию процентов и погашению ссуд»³⁰.

Дилетантствующие толстосумы активно вмешивались в филармоническую и педагогическую практику, подрывая авторитет Ребикова и его соратников. Они пытались поправить финансовое положение училища через сокращение преподавательских кадров, обещали ликвидировать задолженность после смены директора.

Ребиков сопротивлялся отчаянно. Он жертвует училищу весь свой вклад, гарантирует возврат долга личным имуществом, весьма скромным, кстати, для выходца из дворянского рода. Однако лишь при условии полного устранения директора денежные воротилы обещали покрыть дефицит. Один из них, В. Херц, становится вскоре председателем отделения РМО, сменив на этом посту уставшего от бесчисленных обязанностей городского главу с 25-летним стажем К. Шмидта.

17 мая 1901 года Владимир Иванович подал в отставку. Еще некоторое время он остается в Кишиневе, пытаясь влиять на все ухудшающуюся ситуацию через Главную дирекцию РМО. «Здесь не приняли рекомендованного мною Старикова из Тамбова, - уже покинув город, с горечью констатировал Ребиков в послании к пианисту и сенатору А. Герке. – Дело в том, что местная дирекция, по-видимому, не ищет настоящего директора»³¹.

В Тамбове он с прежней энергией организует оперное товарищество, что подчеркивает силу его духа и несгибаемость характера. Когда дело было практически «на мази», композитор со спокойным сердцем передает его своим компаньонам – дирижеру Миклашевскому и певице Левандовской – и возвращается в Москву. Миссию создателя он всегда нес легко и с удовольствием, будь то столица или же скромная российская глубинка. О неблагодарном Кишиневе он старается просто не вспоминать.

На молдавской музыкальной ниве, так до конца и не распаханной Ребиковым, остались плодородные зерна его благих намерений. Многие из них взойдут лишь спустя годы, даже десятилетия, предопределяя щедрый урожай местной культуры. Мы обязаны помнить об этом.

Пока же в Кишиневе нет ни памятника композитору, ни улицы или учебного заведения его имени, ни даже мемориальных досок на сохранившихся домах, где он жил и где открыл первое в республике и столь долгожданное музыкальное училище. Не пора ли исправляться?

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Наиболее полный список произведений В. Ребикова приведен в «Музыкальной энциклопедии». Т.IV. М.: Советская энциклопедия, 1978. Стб. 570.
2. Из письма В. Ребикова к В. Брюсову от 25 ноября 1901 г.
3. *Кюи Ц.* Избранные письма. Л.: Музгиз, 1955.
4. *Иванов М.* Ребиков и его музыкальные сочинения // Новое время, 1900 г., 27 марта.
5. Цит. по сб.: В мире музыки. 1986. Ежегодник. Ред.-сост. Л. Григорьев, Я. Платек. М.: Сов. композитор, 1985. С. 44.
6. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 22 ноября 1897 г.
7. *Кругликов С.* Оперы В. Ребикова «Елка» и «В грозу» // Новости дня. 1903, 17 октября.
8. *Томпакова О.* Владимир Иванович Ребиков. Очерки жизни и творчества. М., Музыка, 1989. С. 41.
9. О кишиневском периоде жизни В. Ребикова см. также: *Поэсар С.* Кишиневские детища композитора из Москвы // Кодры. Молдова литературная. 2002. № 1-2.

10. *Пожар С.* От календарных обрядов к международным фестивалям. Краткая история музыкального Кишинева // Кодры. Молдова литературная. 1997. № 3-4.

11. *Пожар С. Ф.И. Шаляпин:* «Меня тянет в Кишинев...» // Кодры. Молдова литературная. 1995. № 9-10.

12. *Котляров Б.* Из истории музыкальных связей Молдавии, Украины, России. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 66.

13. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 23 октября 1898 г.

14. *Котляров Б.* Цит. изд. С. 61.

15. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 6 ноября 1898 г.

16. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 6 ноября 1898 г.

17. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 28 января 1990 г.

18. Бессарабец, 1898. № 220. 28 октября.

19. Из письма А. Кастальского к В. Ребикову от 15 марта 1899 г.

20. Из письма С. Танеева к В. Ребикову от 17 марта 1900 г.

21. Из письма С. Танеева к В. Ребикову от 11 января 1899 г.

22. *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. Т.1. М.: Сов. композитор, 1978. С. 283.

23. *Пожар С.* Поклон Сергею Рахманинову // Колумна. 1994. № 1-4.

24. *Пожар С.* На перекрестке музыкальных судеб // Русин. 2006, № 3 (5).

25. Из письма В. Ребикова к Н. Финдейзену от 6 ноября 1898 г.

26. Бессарабец, 1898, № 188, 29 сентября.

27. Из письма В. Направника к Ц. Кюи от 1899 г.

28. *Ребиков В.* Из моей жизни. Рукопись. ГЦММК. Ф. 68. № 78.

29. *Котляров Б.* Цит. изд. С. 62.

30. Там же. С. 67.

31. Из письма В. Ребикова к А. Герке от 19 июля 1901 г.

Вера ТУДОСЕ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ И КУЛЬТУРАМИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ МОЛДАВИИ

Язык есть наиболее существенное достояние, принадлежащее народу, самое живое выражение его характера, самая энергичная связь его с мировой культурой. «Язык народа является зеркалом его мыслей. Умственный склад каждой нации отливается как стереотип в ее языке, а сжатость и отточенность языка придают ему огромную силу». [3, 6] Язык – часть национального самосознания народа, его духовность, и восприятие всего вокруг нас происходит благодаря функционированию категорий и форм языка. Кроме того, язык есть орудие, при помощи которого человек оказывает обратное воздействие на внешний мир, в том числе и на «себе подобных», и одновременно является посредником для человека при восприятии им окружающего мира. По словам В.В. Колесова, «мир мы видим через «очки» языка». [2, 237]

Язык – основной носитель культуры общества, который содержит в себе информацию о системе значимых ценностей, исторически сложившихся и утвердившихся в жизнедеятельности человечества. Язык отражает социально-экономическую, политическую, духовную стороны жизнедеятельности социума, является главным объединяющим признаком для этносов, народов и наций, потому что никакие культурные ценности и совместное хозяйство не могут существовать без единого понимания используемых в общении *словесных знаков*: язык возникает одновременно с нацией, является творением и органом оригинального мышления народа. Как писал выдающийся немецкий ученый В. Гумбольдт, «*язык есть дух народа*».

Русский язык – феномен мировой культуры: на русском языке издана русская и мировая классическая художественная, философская, социологическая, музыкальная, научная литература. Русскому языку суждено быть выразителем как достижений общерусской цивилизации, так и инструментом приобщения людей к этой цивилизации, к мировой культуре в целом, потому что он не только принадлежит к числу мировых языков, но и является языком межгосударственного общения и культурно-экономического взаимодействия между странами СНГ.

Кроме того, что русский язык является рабочим языком в различных организациях СНГ, альтернативы русскому языку для преодоления языкового барьера между людьми разных национальностей на всем пространстве СНГ сегодня нет.

Русский язык характеризуется «символически заряженным словом» - ни в одном языке мира нет столько экспрессивно многозначных слов, как в русском языке, поэтому часто для иноязычных людей, которые плохо владеют русской речью, не всегда понятен переносно-экспрессивный смысл русских слов, и они воспринимают все буквально. Например, в русском языке содержится немало слов, которые являются символами духовности человека. Скажем, *хлеб* – это не только «еда», «урожай» и «зерно». Это символ источника человеческой материальной и духовной жизни («хлеб насущный»), символ достатка («хлеб да соль»), материнского благословения, знак уважения и чести для гостя (почетного, уважаемого гостя встречают хлебом и солью). Русский язык охватывает наитончайшие эмоциональные движения внутреннего мира человека, в нем имеется бесконечное количество лексико-грамматических приемов, которые способны воздействовать на самые глубокие уголки человеческой души.

В Молдавии русский язык официально не является государственным, поэтому оппозиционные силы республики последние десятилетия пытаются превратить его в язык национального меньшинства: придать статус вторичного функционирования в социально значимых сферах, делопроизводстве, законотворчестве, образовании, стараются доказать, что русский язык используется лишь в бытовых ситуациях как русскими людьми, так и представителями других национальностей. В связи с этим несколько сузились и сферы применения русского языка.

Жители любой страны имеют равные права, в том числе и право на общение на том языке, на котором они хотят общаться на территории государства, гражданами которого они являются и в бюджет которого платят налоги. Любые ограничения в этой случае приводят только к негативным противоречиям в отношениях между людьми. В этой связи необходимо отметить, что, несмотря на то, что современный русский язык в Молдавии не является государственным, он все-таки активно используется гражданами Республики Молдова и успешно развивается. Диапазон его применения достаточно широк. Он активно функционирует в устной форме как язык межнационального общения, в письменной – как язык образования, науки и публицистики. Однако хотелось бы, чтобы применение русского языка в Республике Молдова расширилось и в официальной сфере.

Несмотря на это, в Молдавии русский язык функционирует не только как язык этноса (речь русских людей, населяющих республику), но

и как язык межэтнического общения в многонациональном молдавском социуме. Отсюда многочисленность сфер бытования русского языка в данном регионе: здесь наблюдается активное использование литературной формы и всех других разновидностей форм существования русского языка и в официальной сфере в виде устной формы (в меньшей степени – письменной), и в языке СМИ. В стране издаются российские газеты с молдавским компонентом («“КП” в Молдове», «“Труд” в Молдове», «“Аргументы и факты” в Молдове», «Антенна»), а также молдавские издания, выходящие на русском языке: газеты «Русское слово», «Кишиневские новости», «Независимая Молдова», «Время», «Новое время», «Столица», «Молдавские ведомости», «Маклер», «Фазенда», журналы «Охотник и рыболлов Молдовы», «Moldova», «Public», «Ostap», «Aquarelle» и др. Последние три журнала, хотя и имеют названия с использованием латинского шрифта, но выходят на русском языке; в журнале «Moldova» публикации на трех языках – молдавском, русском и английском.

Таким образом, русский язык является основным средством общения между людьми разных национальностей, живущих в Республике Молдова – этого требует жизнь: его используют политики и ученые, представители культуры и медицины, служащие государственных учреждений и сервиса, что объясняется следующими факторами:

- 1) большой процент людей в республике владеет русским языком;
- 2) остаются популярными произведения русской художественной литературы;
- 3) значительная часть жителей Молдавии предпочитают смотреть телевизионные программы на русском языке;
- 4) немалая доля использования русского языка в СМИ – как в печатных, так и на радио и телевидении;
- 5) русский язык используется на международных форумах, в науке, культурной жизни.

Кроме того, очагами функционирования и сохранения русской речи являются различные организации и учреждения столицы Молдавии: русский драматический театр им. А.П.Чехова, театр «На улице Роз», музей А.С.Пушкина, Ассоциация русских писателей Молдовы, Объединение русских художников Молдовы, Славянский университет Республики Молдова, школы и лицеи с русским языком обучения, Центр русской культуры, Общественная организация «Русь», этнокультурно-просветительские объединения: «Русская община», «Соотечественники», «Конгресс русских общин» и многие другие.

Специфика функционирования русского языка в последние десятилетия связана с экономическими, социально-культурными изменениями, произошедшими в постсоветском обществе. Как в России, так и

странах СНГ (и, конечно же, в Молдавии) во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в языке, происходят сложные преобразовательные процессы. Расширилось лингвокультурологическое пространство, и это объясняется следующими причинами: активная интеграция Молдавии в европейское и мировое сообщество стала причиной заимствования технической, компьютерной, экономической терминологии и массы другой лексики из европейских языков, особенно из английского. В русской речи жителей Молдавии употребляется множество иноязычной лексики: *патронат, спонсор, мэтр, имидж, диаспора, телеком, телефония, сайт, файл, фонд, оффшор, эксклюзивный, акция, тендер, инвестор, саммит, оппозиция, бизнес, бизнесмен, рейтинг, консенсус, масс-медиа, конъюнктура, вернисаж, дегустация, импортер, резолюция, сенсация, резюме, патент* и много других слов.

В этих условиях неизмеримо усиливается ответственность за правильность, чистоту, точность и выразительность русского языка у всех, кто к нему причастен.

Говорить о том, что в нашем регионе образцовый русский язык, конечно же, невозможно. Речевые ошибки многообразны. Они могут быть и результатом нарушений традиционно принятой литературной нормы, и результатом неудачного словоупотребления для выражения новых отношений, а также результатом непонимания тонкостей языка, обусловленных стилистическим богатством русской речи. В русской речи жителей Молдавии наблюдаются разного рода неправильности, которые встречаются на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом. Речевые ошибки наблюдаются при произношении и акцентологии, то есть в употреблении слов с неточной артикуляцией, с неправильной постановкой ударения и представляют собой чрезвычайно многочисленную группу. Сюда относятся нелитературные ударения в отдельных словах и их формах: Возьми *катАлог* и почитай; «Вот этим *тортОм* я хочу угостить уважаемое жюри»; Текст напечатан мелким шрифтОм... И конечно, *СредствА, дОговор, ходатАйство, намерЕния*; в результате *афЁры; мощностЕй; кондитерАм; с редакторАми; тренерАми, мОлодежь, шОфер* ... Такое произношение можно услышать не только на улице, но и с экрана телевизора, по радио: *кухОнные ножи* (из рекламного ролика).

С неправильной постановкой ударения употребляются *глаголы* - облЕгчить (вместо облЕгчИть); ходатАйствовать (вместо ходАтайствовать); звОнит (вместо звонИт); пОдала или подАла сигнал (вместо подалА); пОняла, п[а]нЯл, п[а]нЯли (вместо понялА, пОнял, пОняли); нАчалось это время (вместо началОсь); врУчат премию; процесс усугУбится; прИнять меры и под. [4, 171].

В постперестроечное время активизировались реалии, которые характерны для молдавской действительности. Их названия вошли в состав общеупотребительной лексики. Например, в последние десятилетия в русском языке во всех его сферах, особенно в средствах массовой информации, да и в устной речи, активно используются слова *президент, премьер-министр, парламент, спикер, оппозиция, примар, примэрия, консьер, полиция, карабинер, комиссариат (управление полиции), муниципий, коммуна, мэрия, претура, офис, куррикулум, кондукатор* и т. д.

От заимствований с помощью различных способов словопроизводства образовались новые лексические единицы для обозначения и передачи возникших реалий: *президентский, парламентский, оппозиционер, полицист, муниципалитет, парламентарий, претор, офисный, куррикулярный* и т. д.

В науке и образовании получили распространение несколько иные, чем в России, названия научных званий и ученых степеней: доктор педагогики, доктор филологии, доктор истории (кандидат педагогических, филологических, исторических наук); доктор хабилизат педагогики, филологии, истории (доктор педагогических, филологических, исторических наук); конференциар универсар (доцент), профессор универсар (профессор); сенат, бакалавр, бакалавриат, лиценциат, магистр, мастерат, доуниверситетское образование, курс интегрированной истории и др.

Молдавский социум представляет собой полиэтничное образование, то есть Молдавия – многоязычная республика, что естественным образом отражается и в языках, функционирующих на территории Молдавии. Русские люди не живут изолированно, они находятся в постоянном контакте с представителями других этносов: с молдаванами, украинцами, гагаузами, болгарами, поляками и др. В постоянном контакте пребывают и языки представителей различных этнических групп, взаимодействуя между собой, поэтому региональная специфика русского языка в Республике Молдова во многом определена этнолингвистическими контактами.

Объективно в настоящее время в Молдавии наблюдается двуязычие, но только со стороны титульного населения, хотя выпускники лицеев с русским языком обучения уже могут свободно общаться на молдавском языке. В русском языке в связи с этим наблюдается рост заимствований из молдавского языка, что является фактором изменения языковой ситуации в сторону овладения русскоязычным населением языком титульной нации. Совершенно естественным процессом при этом является процесс лексического заимствования.

Таким образом, в лексике русского языка, бытующего на территории Молдавии, можно встретить множество заимствований из других языков, в частности, из молдавского. Языковые заимствования, возникающие вследствие культурно-социальных контактов, свидетельствуют о своеобразии русской речи, формирующейся в процессе межнационального общения. Некоторые заимствования широко известны в русском языке и за пределами Молдавии, например: *мамалыга* (блюдо из кукурузной муки); *попушой* (кукуруза); *плацинда* (изделие из слоеного теста); *брынза* (сыр из овечьего молока), *каруца* (телега), *молдовеняска* (танец) и некоторые другие.

Другие молдавские слова употребляются преимущественно на территории Молдавии. Слова адаптировались в русском языке жителей страны и функционируют в нем по всем его законам.

Анализ лексики, заимствованной из молдавского языка и вошедшей в словарный состав русского, позволяет сделать вывод об отражении молдавского колорита в русской речи, об особенностях функционирования русского языка в Республике Молдова, обусловленного **языковыми контактами и межкультурной коммуникацией**. Расширяются тематические группы заимствованной лексики: это слова, предметы и понятия, свойственные молдавской культуре и быту, а также социально-политическая лексика.

Молдовенизмы можно распределить на следующие семантико-тематические группы:

1) наименование людей по родству и ритуалам: мамика, татика, буника, бунел, мош (мама, папа, бабушка, дедушка, дядя), кумнат (сват); нанаш, нанашка (посаженные отец и мать); кумэтрия (крестины), кумэтра (кума), нану, нана (крестный, крестная); историзмы – гайдук, лэутар;

2) наименование предметов быта и одежды: када (бочка); кушма (зимняя шапка из овечьего меха), постолы, каса маре, папуша (кукла), мэрцишор (мартинец, национальный сувенир);

3) название предметов и явлений растительного и животного мира: писика (кошка), кыне (собака), капра (коза); бербек (баран), епур (кролик), гута (айва); жардели (абрикосы), леуцан, гогошары, гибрид (винный несортовой виноград);

4) наименование обрядовых и календарных праздников, событий: «Лимба ноастрэ», балул бобочелор – так называется праздник для детей (бал «утят»); крэчун (крещение), мэрцишор (фольклорно-музыкальный праздник встречи весны);

5) название блюд молдавской кухни: карне (мясо), пеште (рыба), чорба, зама (куриный суп с домашней лапшой), гивеч, токана, вертута; муждей (соус для мамалыги из воды с уксусом, чеснока и расти-

тельного масла), костица, мититеи (мички), корницеи, каш (свежеприготовленная брынза);

6) названия магазинов, учреждений: «Алиментара» (продовольственный); «Хайна гатэ» (готовая одежда); «Лумя копиилор» (детский мир); «Мэрфурь касник» (хозтовары), пьяза (рынок), фирма «Sus»;

7) названия телеканалов и телепрограмм, культурных явлений: «NIT», «Acasă», «PRO TV», «PROfit», «Maxima», «Élínáéld», «Cotidian», «Árřńćír», «Curier», «TV-market», áđód'd'ř «Zdob si Zdob»;

8) название правительственных наград: «Miritul Civic», «Gloria Muncii»;

9) наименование песен, танцев, музыкальных инструментов: хора (хоровод), жок (жанровый танец), переница (игровой танец), сырба (подвижный народный танец), дойна (протяжная молдавская песня), тараф (оркестр народных музыкальных инструментов), най, цимбалы, флуер.

Многие заимствования – это чаще этнографизмы, нуждающиеся в страноведческом комментарии. Вот, например, что собой представляет танец **«переница»**: все желающие образуют большой круг и, держась за руки, танцуют под музыку. Часть людей (два-три человека) находятся внутри круга. У каждого из них – носовой платок, при помощи которого они увлекают партнера или партнершу в середину круга из числа танцующих в хороводе. Образовавшаяся в кругу пара недолго танцует, затем платок расстилается на пол, оба встают на колени на этом платке, целуются. Эстафета передачи платка продолжается.

Чье сердце не дрогнет от зажигательной молдавской сырбы, кто не восхитится лукавым танцем переница! [1]

Най – древний многотрубчатый музыкальный инструмент, используемый для сольного и ансамблевого исполнения. Он является духовым инструментом, состоящим из 22-24 цилиндрических трубок, закрепленных на дугообразном кронштейне. Звучание наея всегда является украшением оркестра молдавских народных инструментов – тарафа.

Вот заговорили низкие цимбалы, вот защебетал дивный флуер, а вот раздался таинственный голос наея, похожий на пение волшебной жар-птицы... Не каждый народ создал такую палитру звуков [1].

Окружение молдавского языка интенсивно влияет на русский язык жителей Молдовы. В русском оформлении звучат названия учреждений, денег, многочисленные топонимы, причем: *примария и примэрия, фризэрие и фризэрия* (парикмахерская), *баны и бани, лей и леев*. Неправильно используется форма множественного числа роди-

тельного падежа существительного, обозначающего наименование молдавской денежной единицы: 50 лей, 25 бань. Правильно: 50 леев, 25 баней. Ср.: ед. число – трамвай, лей, бань; мн. число (им. пад.) – трамваи, леи, бани; мн. число (родит. пад.) – *трамваев, леев, баней*. Для наименования молдавских монет используется и другая озвучка слова: *бан*. В этом случае во множественном числе употребляется форма *баны, 25 банов*.

Употребление имен числительных заслуживает отдельного внимания, так как в речи редко встретишь правильные их формы, например: В *двухтысячно пятом* году состоялась конференция...

Для малоимущих семей было выделено свыше *двести миллионов лей*.

Особенностью речи жителей Кишинева является употребление наречий *туда, сюда* (туда, сюда): Не иди *туда*, иди *сюда*. Пошли *туда*. Здесь при образовании этих слов вместо суффикса -а- используется суффикс -ой- [4, 173].

К специфике употребления русского языка в Молдавии следует отнести употребление молдавских географических названий, имен, фамилий, некоторых реалий. Особо следует остановиться на именах собственных. Когда называешь молдавские фамилии, также невольно усваиваешь лексику молдавского языка: Мыца (кошка), Лупу (волк); Вулпе (лиса); Урсу (медведь); Шерпа (змея); Барбанягрэ (черная борода); Негру (Черный); Негурэ (мгла), Морарь (укроп); Мунтян (гора); Топор (топор); Пысларь (валенки); Рошкован (рыжий); Плешка (плешистый, лысый); Картуш (патрон); Скурту (короткий); Унтурэ (сало); Нукэ (орех); Гропа (яма); Гыскэ (гусь); Лунгу (длинный) и многие другие.

Широко используются в русском языке личные имена собственные, грамматически оформленные по законам молдавского языка: Штефан, Валериу, Серджиу, Василе, Еуджен, Нику, Никушор, Михай, Ленуца и др. (Степан, Валерий, Сергей, Василий, Евгений, Николай, Михаил, Леночка).

Характерно, что при этом личные имена в текстах не склоняются в соответствии с нормами молдавского языка, фамилии же склоняются в соответствии с нормами русского языка:

Указ был подписан Василе Тарлевым вместо *Василием Тарлевым*;

На улице Штефан чел Маре расцвели каштаны вместо *Штефана чел Маре*;

По делу Валериу Пасата ведется следствие вместо *Валерия Пасата*.

Употребление топонимов также подчиняется законам молдавского языка:

- Кишинэу (Кишинев), Бэлць (Бельцы), Хынчешть (Хынчешты), Хрушево (Грушево), Будешть (Будешты), Избешть (Избешты); Сорока (Сороки);

- сектор (район города) Центру, Рышкань, Боюкань

- улица Георге Менюк (Георгия Менюка), Михай Эминеску (Михая Эминеску); Штефан чел Маре (Штефана Великого); улица Индепенденций (Независимости), Ренаштерий (Возрождения); Викторией (Победы), Букурешть (Бухарестская), Теилор (Липовая); Армениякэ, Тигина; площадь Маре Адунаре (Великого Собрания) и под.

Транслитерировать имена собственные, перевести их на кириллицу и назвать по-русски проще, конечно, чем подобрать правильный и точный эквивалент, хотя существуют исторически сложившиеся русские варианты (они даны в скобках).

На страницах молдавских изданий много писалось о том, что следует унифицировать и привести в соответствие с законами русского языка употребление молдавских топонимов (профессор И.Ионова, известный журналист А.Юнко и др.). Русский язык требует склонения топонимов, изменяет их в случае надобности (в Кишиневе, в Хынчештах, из Сорок), внедряет в свою синтаксическую структуру (по молдавской версии: в Кишинэу, Бэлць, Хынчешть). Несклонение рождает двусмысленность: *Я в Бэлць*: еду в Бэлць или нахожусь в Бэлць?

Молдавская лексика используется как в публицистике, так и в разговорной речи. Часто эта лексика приобретает определенную экспрессивно-стилистическую окраску.

Известна так называемая «макароническая речь» - вкрапливание в русскую речь с целью передачи экспрессии слов-молдовенизмов:

Любит выпить за *дежябэ* (даром, «на халяву»).

Норок! (завершение тоста – будь здоров!).

Два сапога – *ынкалицэмынте* (обувь).

Фэрэ эмоций, *фэрэ* понятий, *фэрэ* проблем (*фэрэ* = «без»).

Нормал (нормально, нормальный).

Большой *пофтим* (спасибо), *кум полагазэ* (как полагается).

Маре проблема, *маре* начальник (большой) – в переносном значении.

Фрумостно – образовано от «фрумос» (прекрасно).

Есть *олякэ* совести? (немного).

С этой же целью используются молдавские междометия и обращения: *мэй, бэй, омуле, эй да, хай давай, хай норок* и др.

А вы, уважаемый читатель, можете припомнить слова молдавского языка, которые вы употребляете в своей русской речи? Думается, что ответ будет положительным.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что в результате взаимодействия русского языка и культуры с другими языками и культурами в Республике Молдова (в частности, русского языка и культуры с молдавской культурой и языком) происходит взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культурных процессов. Это совершенно естественное явление, и никакие запретительные вердикты не смогут остановить этот процесс, однако следует упорядочить производительные лексико-грамматические нормы, чтобы не становились нонсенсом такие фразы из рекламных роликов молдавских телевизионщиков как «la pervoi canal Moldova...»

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирский С.* АККОРД. №1. 1996 (<http://grenada.al.ru/pan.htm>)
2. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
3. *Сухарев В.А., Сухарев М.В.* Психология народов и наций. Симферополь, 1997.
4. *Тудоце В.И.* Особенности русской разговорной речи жителей Молдавии // Русин. № 2 (4). Кишинев, 2006.

подписка 2007

**На международный исторический
журнал «Русин»**

объявлена подписка по Республике Молдова.

Подписной индекс - 31808.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Наталья КИБЛИК

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР КИШИНЕВЦЕВ

О фольклоре коротко можно сказать так: фольклор – это традиционное художественное творчество народа. Оно равно относится как к устному, словесному, так и к новому, в том числе творимому в наши дни. О нем далее и пойдет речь, о довольно молодом и малоизученном русском фольклоре г. Кишинева.

Городской фольклор – это традиционное художественное творчество населения города и пригорода. Роды и жанры городского фольклора несколько отличаются от родов и жанров художественного фольклора, хотя есть такие жанры, которые присутствуют и в художественном, и в городском народном творчестве.

Русский кишиневский фольклор имеет свою специфику: на него накладывает отпечаток проживание создателей в определенной местности – в городе Кишиневе и его пригородах; на устное народное творчество (УНТ) оказывают влияние язык, менталитет, традиции и обычаи молдавского народа и других этносов, проживающих в столице и Республике Молдова. Задача данного исследования состоит в классификации жанров кишиневского необрядового фольклора. Проведенное анкетирование кишиневцев показало, что большая часть произведений УНТ создается молодежью, а далее их подхватывают и школьники, и люди среднего, а также пенсионного возраста.

Молодежный кишиневский фольклор представлен следующими жанрами: пословицы, поговорки, приметы, легенды, бывальщины, былички, прозвища, граффити, макаронические (т.е. сочиненные на смешанном, «русско-молдавском языке») стишки и песенки, анекдоты, тосты, загадки.

Пример кишиневской **пословицы** – «*Дойну*» курим, «*Дойну*» пьем, *все на «Дойну» попадем*. В приведенной пословице концепт «дойна» (песня) у горожан уходит даже не на второй план, а на задворки. Это же подтверждает и проведенное анкетирование: из 30 опрошенных 10 человек, большая часть проживающих в пригороде, ассоциируют слово «дойна» с песней, остальные 20 горожан – жители Кишинева – с кладбищем. Важнейшим признаком пословиц является их функциональное назначение как утверждения или отрицания, подкрепляющих речь говорящего отсылкой к общему порядку вещей и явлений (в приведенной пословице – утверждение).

Поговорки отличаются от всех видов паремий своей структурой, зависящей от особенностей функции в речи. Поговорки никогда не бывают самостоятельным суждением (изречением, кратким высказыванием, полным изложением мысли в виде законченного предложения) и всегда входят в предложения на правах компонента. Лингвисты называют это свойство «синтаксической незамкнутостью». Поговорки – клишированный компонент свободного предложения.

Кишиневские поговорки: *Все на Дойне будем* (т.е. все смертны); *Ты что, из Костюжен сбежал?* (т.е. ненормальный, сумасшедший); *И в каких это Расопенах?* (так далеко, что сам не знаю, где находится); *Он из Пырлицы, Он из Пиструен* (о глупом человеке); *Ну ты Пэкалэ!* (т.е. бестолковый, неумный человек); *Фэрэ понятия*.

Специфической особенностью как разговорной устной, так и художественной письменной речи является использование **калек с молдавских афористичных выражений**. Так, заезавшемуся и непоздоровавшемуся человеку скажут (в шутку или с упреком): *«Здравствуй, кушма (или шапка), коли у хозяина нет рта!»*. Вместо *«Легок на помине»* предпочтут *«О волке речь, а он навстречь»* или *«Про волка промолвка, а он на порог»*. Из двух русских синонимичных выражений (без волка и с волком) выбрано второе, так как соотносится с единственным для этой ситуации местным выражением: *«Vorbești de lup și lupii la ușă»*.

Кишиневскому фольклору присущи бытовые житейские **приметы**, предполагающие магические действия, которые необходимо совершить, чтобы исполнилось желание. Они отличаются от погодных и связаны с догадками и мыслями относительно жизни человека.

Примета для студентов.

Если хочешь удачно сдать текущую сессию, дотронься до волшебного выступа дерева студентов (растет во дворе Госуниверситета, у самого старого корпуса) – и «дело в шляпе!» Поверье пошло от удачливых студентов факультета журналистики.

Примета для влюбленных.

Конфликты исчезнут, если влюбленная пара, держась за руки, пройдет по «мосту влюбленных» в парке «Долина Роз». Пройти к нему можно по центральной аллее парка.

Примета для молодоженов (и не только):

Если хочется счастья – просто сфотографируйся на фоне фонтана в парке Пушкина.

Примета для всех.

Для здоровья и бодрости духа и тела надо всего-навсего искупать родниковой воды или умыться ею на роднике Тамары, расположенном на территории Комсомольского озера.

Как известно, **бывальщина** – это рассказ, но такой, истинность которого удостоверяется либо рассказчиком, либо свидетельством кого-нибудь из его современников. К примеру, история, рассказанная жительницей Кишинева, пенсионеркой Надеждой Васильевной:

- Курьезная история, произошедшая когда-то с моей знакомой и ее коллегой по работе в г. Унгены. Надоело женщинам принимать ванну дома, и решили они помыться в бане, открывшейся после капитального ремонта. Как и положено, они разделись и, мило беседуя, с тазиками в руках направились в банный зал. Открыли дверь и оказались ... в парикмахерской. Немая сцена, прикрывание тазиками отдельных мест и ... дружный хохот всех находящихся при этой сцене. Дело в том, что здание после ремонта перестроили, и банный зал перенесли на другой этаж, а женщины об этом не знали.

С тех пор история о двух женщинах с тазиками, решивших попариться в парикмахерской, обошла все Унгены и добралась до Кишинева. Об этом случае писала даже кишиневская газета.

Другой пример: *В объявленном «Комсомолкой» конкурсе на лучшие имена паре рысей, привезенной из польского зоопарка, победителем стала Л. А. Корабельская из г. Кишинева, предложившая самцу дать имя Молд, а самке – Ова. Оригинальные имена понравились руководству зоопарка. Если сложить эти два имени, получится название нашей страны – Молдова.*

Главным свойством **легенд** как жанра стало утверждение морально-этических норм или идей, возникших под влиянием воодушевленного отношения к вере, хотя и понимаемой на мирской, житейский, обыденный лад.

Так, одна из легенд говорит, как был построен Каприянский монастырь. *Штефан чел Маре охотился в Кодрах и увидел пасущуюся белую козочку. Приняв это как знак свыше, он велел на том месте, где паслось животное, построить монастырь.*

Еще пример: *легенда о том, как был заложен родник Тамары в парке «Валя Морилор» (Комсомольское озеро) в Кишиневе. По рассказам старожил, родник был заложен неким мужчиной в память о своей рано ушедшей из жизни сестре. В целебную силу родника верят многие – сюда приносят даже грудных детей и окунают их в воду, чтобы росли крепкими и здоровыми.*

Былички – это устные рассказы о леших, домовых, водяных, русалках, кикиморе, оживших мертвецах, оборотнях, привидениях и вообще о вмешательстве в людскую жизнь разных сверхъестественных сил из мира народной религии.

В Кишиневе рассказывают былички, связанные с различными местами в Молдове. Существуют и городские произведения быличек.

Несколько примеров кишиневских быличек:

Самым облюбованным привидениями местом в Молдове являются, пожалуй, окрестности местечка Цытова. Самое древнее поверие – о том, что Орфей в поисках Эвридики именно в Цытова спустился в Аид, царство мертвых.

В той же местности некоторые слышали голоса, доносящиеся из-под земли у одного из водопадов. Говорят, что по ночам в пещерах появляется Мария Войкица, четвертая жена Штефана Великого, с которой он венчался в этом монастыре. Рассказывают также и о таинственном «Черном монахе», неожиданно появляющемся из ночной темноты.

В Кишиневе, на улице Триколорулуй (бывш. Жуковского, 29) находится заброшенный дом. По слухам, в нем живет домовой. По утрам он стучит и переносит старые вещи с места на место.

В парке у кишиневского Тубинститута есть кусты сирени, которые цветут даже глубокой осенью, когда со всех деревьев вокруг уже опадают листья. Говорят, что это дело рук лесной нимфы, дарящей больным людям надежду на выздоровление.

В Кишиневе ходит слух, что во время наводнения в переходе у Центрального универмага утонула девочка. Сторожка по секрету рассказывают, что иногда за полночь, когда переход закрывается для посетителей, они слышат детский смех, а утром, обходя территорию, натываются на мокрые следы босых детских ножек.

Говорят, что если к памятнику Штефана подойдет девственница, он руку опустит.

В Чеканском лесу встречаются вампиры, а на бывшем Польском кладбище, которое недалеко от входа в парк «Долина Роз», живут оборотни. Заброшенную католическую церковь, расположенную на территории кладбища, называют «Хата полтергейста».

Самый романтический перекресток в городе – угол Эминеску – Вероника Микле. Якобы там встречаются их привидения.

Одним из закономерных результатов взаимодействия и взаимовлияния языков является так называемая **макароническая речь** – речь, в которую включаются слова обоих языков. В нашей стране молдаване для создания шуточного эффекта используют в разговоре русские слова, а русскоязычные жители – молдавские лексические единицы.

Например, *Ши кум ера неряса? Ничего себе? Даць ниите пирожоаце; Да пе конечно; Отдали пе дежяба; Ну скрие ручка мя; Маре начальник; Давай май репеде; Еу тем более сынт ын туф-*

ли; *Чине хорошо* и многое другое.

Среди кишиневцев, особенно среди молодежи, в ходу шуточные **стишки и песенки на «русско-молдавском языке»**. Например, песенка на мотив «Синий платочек»:

Чине а фост ла арматэ,

Тот не забыл никогда,

Как нас кормили

Саре ку пыне

Ши ун пахар де вода...

Ночной порой хотелось олякэ домой

Съесть бы немножко

Печеной картошки

Ши ун казан де пэнушой

или

Ши ярна настала,

Ши холодно стало,

Ши апэ замерзла в пруду.

Ши еу ненормальный

Ла лак выбегаю,

Веселую кынтек пою.

О граффити как о жанре школьного (и соответственно молодежно-го) фольклора стали говорить сравнительно недавно. Жанр получил «статус» фольклорного в силу того, что граффити свойственны такие качества народного творчества, как анонимность, вариативность и естественный, стихийный характер. Само название происходит от итальянского *graffiare* – царапать. Граффити – подписи и рисунки на стенах, заборах, автомобилях – возникли давно, но необыкновенно популярны в настоящее время. Они дают прекрасный материал для изучения настроений, интересов и проблем молодежи.

Надписи на стенах распределяются в несколько групп:

- философские («*Свобода или смерть*»);

- надписи-призывы (обычно политические);

- рекламные надписи «*Гура Кайнарулуй*» – *часть вашей жизни;*

или, например, надписи на грязном автобусе: «*Помой меня, я вся чешуся!*»; надписи в маршрутном такси: «*Не отвлекай водителя, читай комиксы в газете alianța/альянс*»; «*Остановок типа «туда» и «здесь» нет*»; «*Говори свою остановку как можно тише, если хочешь ее проехать*» и др.

Прозвища нередко связывают с профессией, внешностью и другими характерными особенностями.

Следует отметить те прозвища, которые известны большей части

кишиневцев. К таковым можно отнести прозвища известных в Молдове (и не только в ней) людей.

Так, например, известного молдавского актера Михая Волонтира называют *Будулаем*. Прозвище приклеилось к нему после роли цыгана в фильмах «Цыган» и «Возвращение Будулая». Прозвища отражают местные средства печати. Например, заголовок в газете «КП в Молдове»: «*Будулай* отказывается от своего парка»; в контексте: «<...> Пока решается, быть скверу или площади имени Волонтира в Бельцах или не быть, сам *Будулай* уехал на дачу <...>»

Другого известного молдавского артиста, Иона Суручану, прозвали – *Адриано Челентано* за некое внешнее сходство со звездой итальянской эстрады – манеру одеваться (костюм, шляпа), низкий, приятный тембр голоса. В заметке газеты «КП в Молдове» «Кефир, творог, сметана – вот что по вкусу Суручану!» пишется: «*Адриано Челентано* молдавской эстрады Ион Суручану раньше постился и довольно строго. Но в последнее время перестал. <...>»

Приму оперы Марию Биешу уже 40 лет называют лучшей *Чио-Чио-Сан* мира. Титул этот был завоеван певицей на I Международном конкурсе памяти Миуры Тамаки в Японии (1966 г.).

Группу «Здоб ши Здуб», принесшую Молдове на конкурсе «Евровидение» в Киеве в 2005 году 6-е место, называют «*Здубы*». В газете «КП в Молдове» <...> «*Здубы*» отплясывали под спетую ими же «Смуглянку» <...>

Анекдоты у всех на слуху, и практически опознать их среди других видов фольклорной прозы не составляет труда. Анекдот – это история с утрированным запечатлением комических жизненных несообразностей, раскрываемых в самом конце через неожиданный сюжетный ход или внезапный поворот сюжетной ситуации. Жанрообразующее свойство анекдота – его острая концовка, где происходит «разряд всего положения».

Комическое может стать гротескным, когда анекдотическая история целиком переходит в область неправдоподобного, при этом в анекдоте употребляется макароническая речь:

Молдаванин заработал в Америке много денег, купил подарки родным и друзьям. Решил для шика приехать из Нью-Йорка домой на такси. Остановил машину и говорит:

- Бунэ зиуа! Ла Кишинэу, вэ рог!

- I don't understand you!

Молдаванин протягивает таксисту пачку денег. Таксист угодливо:

- Каре район? Ботаника? Рьшкановка?...

Гротескный вымысел может принимать форму абсолютной выдумки, в которой торжествует ирония.

Уезжает молдаванин за границу и спрашивает у жены:

- *Бэй, Сильвика, что тебе привезти в подарок?*

- *Брынзы.*

- *Ути, моя сладкоежка!*

Остроумие анекдотов основывается на многозначности слов:

- *Пап, дай сто леев.*

- *Зачем?*

- *На восемь поменяю.*

- *Хмм... Это ж по какому курсу?*

- *По философии.*

Распространены в Молдове тосты, которые в шутку употребляют и носители русского языка: *Эй хай; Хай давай, Хай норок* и др.

Если внутри анекдота присутствует тост, происходит объединение жанров. Таким образом возникает синтетический жанр:

Приехал иностранец в Молдову. Пили за знакомство и все время говорили: «Хай давай!» (как вариант – «Хай, норок!»). Наутро с тяжелой головой иностранец сказал: «Я не знаю, кто такой «Хай давай», но пить за него я больше не буду!»

В следующем примере также происходит слияние жанров – анекдота и загадки:

- *Отгадай, что у меня в правом кармане на букву «Б»?*

- *Не знаю.*

- *Бижигалка. А что у меня в левом кармане на букву «А»?*

- *Не знаю.*

- *А еще одна бижигалка.*

Таким образом, можно утверждать, что кишиневский городской фольклор - не просто реально существующее, но и самобытное явление, отражающее специфику этнокультурной и социолингвистической ситуации в городе: состав и структуру населения, взаимовлияние русского и молдавского языков, диаспоральный статус русскоязычного населения в республике и др.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

Светлана АНТИПОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК СЕЛА СЕМЁНОВКА РАЙОНА ШТЕФАН-ВОДЭ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Село Семеновка расположено в юго-западной части района Штефан-Водэ. Оно граничит со следующими населенными пунктами: Ермаклия, Фештелица, Копчак. В этих селах преобладает молдавское население. Также соседями с. Семеновка являются села Брезоя и Алава. Жители села Брезоя (Брезоя) называют себя украинцами и говорят на диалекте украинского языка. Население с. Алава официально считаются украинцами, неофициально их зовут «немцами», речь жителей Алавы похожа на украинскую, но очень отличается от говора населения Брезои. В трех километрах к западу от Семеновки находится молдавско-украинская государственная граница. Со стороны Украины ближайшим соседом является село Александровка Тарутинского района Одесской области. С жителями Александровки семеновцев связывали культурные и экономические связи, на настоящий момент они практически утеряны, причиной являются не языковые особенности, а непрозрачность границ.

По данным на 1 января 2006 года, численность населения села Семеновка составляет 800 человек. Плотность населения - 50 человек на 1000 м². Население неоднородно по своему национальному составу, на октябрь 2006 года: русских - 586, молдаван - 174, украинцев - 65, румын - 4, других национальностей - 15 человек. В последние годы наблюдается высокая миграция и низкий естественный прирост населения, снижается рождаемость, ухудшается половозрастная структура населения. Рост миграции, в основном молодежи, порождает такой известный во всем мире процесс, как «старение села».

Село Семеновка расположено в живописном месте. Местность холмистая, окруженная полями и озерами. Село разделено на две неравные части небольшой речкой, которая с недавних пор обрела название Копчак. Еще несколько лет назад можно было с гордостью сказать, что наше село весной утопало в зелени, аромат цветущих яблоневых садов разносился далеко по округе, но сейчас все это превратилось в воспоминания. По официальным данным, селу 180 лет, но местными краеведами был найден в школьном архиве список с документа «Ис-

торико-статистическое описание селения Семеновка Аккерманского уезда»:

«Селение Семеновка отстоит от Аккермана (Белгород-Днестровский) на 45 верст северо-западнее. Селение населено в 1789 году переселенцами из Таврии. Наименование селения происходит от имени казака Семена, основавшего данное селение.

Селение находится в трех верстах от речки Сараты, на сухой балке, впадающей в Сарату. Балку эту прежние переселенцы – турки называли «Куродери» - «сухая балка», а как называлось бывшее селение, неизвестно. Нынешнее селение занимает то самое место, которое занимало турецкое село. Известно, что занятая переселенцами земля принадлежала казне со времени присоединения Бессарабии к России.

По данным 1854 года: родившихся мужчин - 38 человек, а женского пола - 39; умерших - 32 человека. Высокая детская смертность. Прихожане занимались земледелием, скотоводством. Материальное благосостояние их улучшается, нищеты нет. В приходе есть школа, основана в 1866 году, в ней занимались 20 мальчиков и 7 девочек. Предметы: песнопение, ветхозаветная история, гражданская история. Арифметика и письмо на крайне низком уровне. Прихожане были характера прямого и правдивого. Родителей и стариков глубоко почитали».

Следовательно, по данным историко-статистического описания, селу Семеновка исполнилось 218 лет. Местные жители считают себя потомками казаков, служивших на границе, что подтверждали огромные земельные владения, полученные в награду за верную службу.

Архитектурной достопримечательностью Семеновки является церковь архангела Михаила. Церковь в селе строилась несколько раз: в начале это был небольшой приспособленный для службы дом, затем службы opravляли почти в таком же доме, но ближе к центру. И только в 1870 году на средства поселян был построен храм по всем требованиям православной веры. Церковь была освящена и открыта 21 ноября в день святого архистратига Михаила и Всех небесных бесплотных сил. Судьба этой церкви немногим отличается от судеб подобных культовых строений. Верующие семеновцы ассоциируют это здание с живым чувствующим человеком. Они утверждают, что церковь в своей жизни прошла весь тернистый путь христианина. Во время Великой Отечественной войны в колокольню попал снаряд, и одна из колонн была разрушена, но колокольня устояла. После войны все было восстановлено, в 50-е годы XX века церковь была закрыта.

Жизнь и быт сельчан, их обряды, песни, особенности языка совершенно не изучены. Можно сказать, что на настоящий момент большая часть языковых особенностей, фольклорного наследия находится

на грани исчезновения, так как меняются условия жизни сельчан, происходит активная ассимиляция с молдавским населением, утрачиваются многие обряды и традиции.

Говор жителей Семеновки характеризуется своеобразием лексического состава, особенностями на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Каждому народу свойственно заявлять о своей индивидуальности, особенно это относится к языку. Язык жителей с. Семеновка действительно своеобразен. Он впитал диалекты переселенцев, прибывших на данную территорию из Курской области, из Таврического края и Нижнего Дона. Язык семеновцев в итоге отличается своеобразием, самобытностью, сочностью. Он грубый и мягкий, меткий и очень образный. Кажется, он впитал всю многовековую историю жизни русского народа России. Слушая речь семеновцев, понимаешь, что это осколок большой родины – России. На вопрос о том, с чем ассоциируется у них родина – с березкой или виноградной лозой, многие отвечают двояко. Говорят, что символ Молдовы виноградная лоза им дорог, но родина – это березы. С северного направления в село можно попасть, только проехав через прекрасную березовую аллею. Она была посажена около 30 лет назад и для каждого семеновца является неотъемлемой частью малой родины, дома. Семеновцы фактически живут в некоторой изоляции. С местными молдаванами почти не общаются. С украинцами общаются больше, но украинского и молдавского языков не знают, хотя в самом говоре и появилось несколько слов «местного» происхождения. Например, *плачинда* (*placinta*). Любимую молдаванами приправу – леуштян называют *любистером* и считают непригодным в пищу.

Исследуя особенности местного говора, мы старались прислушаться к речи сельчан, записывать незнакомые слова, хотя семеновцы стараются говорить правильно, на литературном языке, и больших усилий стоило «расшевелить» их. А уж вспоминать о прошлом они совсем не хотели. Однако очевидно, что семеновцам удалось сохранить особенности южнорусского говора.

Фонетические особенности русской речи жителей села Семеновка свидетельствуют о том, что говор принадлежит южнорусскому наречию. Характер безударного вокализма – умеренное или чаще сильное аканье.

Гласные фонемы <a>, <o>, <э> в безударном положении подвергаясь редукции, совпадают в звуке [a]: *травa, вaдa*.

После мягких согласных наблюдается яканье – произнесение [a.] на месте <'э> – [фса' j^да], а также иканье: [н'ихай], [б'ирут'], [ч'исы].

Сравнительно часто употребляется звук [о] под ударением на месте <a> в корне глаголов: [сод'им], [плот'им], [дор'им].

В данном говоре зафиксированы следующие особенности употребления согласных звуков.

В слабой позиции, в абсолютном конце слова, звук [г] оглушается в [х]: [друх / снех / плух]. Из фонетических явлений нужно также отметить чоканье - употребление [ч'] вместо [ц] или [т']: чарябать (царапать), чапля (цапля), чарябаться (царапаться). Произносят [хв], [х] на месте [ф]: *кохта, хвартух*.

Из словообразовательных особенностей речи жителей Семеновки отметим, что они часто употребляют слова с суффиксами субъективной оценки. Имена, мужские и женские, с уменьшительно-ласкательными суффиксами -ушк -юшк: *Васечка, Петрушечка, Лушечка*.

Морфологические особенности говора

Имена существительные.

Говору свойственна частичная утрата среднего рода: *парвали палатениц, сонца жарыла, ржавая карыта*.

Некоторые заимствованные имена существительные мужского рода используются как существительные женского рода: *литра, метра, километра*. Имена существительные женского рода третьего склонения (болезнь, морковь) употребляются как существительные первого склонения: *бализня, морква*.

Глаголы.

Наиболее характерной морфологической чертой данного говора является употребление глагольных форм 3-го лица с [т'] (-ть): *кують, красють, кажуть, сбирають, идеть*.

Лексические особенности говора.

Можно выделить несколько лексико-тематических групп диалектизмов, употребляемых жителями села Семеновка.

1. Названия одежды и обуви. Мы отметили, что диалектизмы употребляются в основном для названия женской одежды. Это относится и к нарядной одежде, и к обыденке, и к смертельной одежде. Одежда для торжественных случаев называется – *нарядом*. Повседневная одежда называется *обыденкой*. Одежда, в которую обряжают покойника, – *смертельная*.

Детали праздничного убора, который женщины надевают во время молитвы в церкви: *плюшка* - куртка из ворсистого материала, носилась годами и являлась парадным нарядом, *ротия* – длинное платье, часто шилось невесте на свадьбу и носилось по праздникам, в церковь, являлось символом замужества, *плат* – большой платок, который надевали поверх маленького платочка, отделан мережкой и бах-

ромой. Женщины носили рубахи, вышитые рукава которых говорили об их мастерстве.

Деталью женского повседневного убора являлся *бурмус* – род халата с широкими полами, которые запахивались и подвязывались поясом.

Названия предметов мужской одежды не слишком отличаются от литературных. Мужчины надевают *пинджак* (фонетический диалектизм), *картуз* или *шапку*, *штаны* (брюки).

Особое отношение в селе к смертельной одежде, которая сохраняется в каждой семье в течение многих лет. Говорят, что «приготовили одежду на смерть». Интересно, что у женщин более «специальна» и смертельная одежда. К ней относятся:

Платия – одежда наподобие сарафана с плечиками, которая надевается на покойницу;

Душегрейка (надевается на покойницу сзади).

Касичек – небольшого размера платок, который надевают на голову. Это название происходит от слова «косой», «косячок», так как касичек – это половина платка разрезанного по диагонали – по касине.

Что касается обуви, то ее название унифицировано: любая обувь – как мужская, так и женская – называется *башмаками*. Башмаки – это и босоножки, и сапоги, и туфли.

2. Дом и детали в доме. Растения. Дома, в которых живут семеновцы сейчас, не похожи на традиционную русскую избу. Они построены из камня или кирпича. Старожилы еще помнят, как они утепляли старые избы несколькими слоями самана, перемежающимися с деревянными досками, сохранявшими тепло в доме. Но в последние годы строили новые каменные дома, в которые проводилось газовое отопление. Поэтому в домах было очень тепло, из них выносили печи. Те, у кого сохранились русские печи, растапливают их, и тепло хранится несколько дней. На печи спят, в ней пекут хлеб и пирожки.

Свой дом семеновцы по-старинному называют *хатой*. Место около земляного, битого дома называется *завалинкой*, сидя на ней, обмениваются новостями. Если у хозяев есть *колодезь*, то будет и *перевес* – колодезный журавль. Фронтон дома называют *причелком*. Вокруг дома растут *квитки* (цветы): *качатки* (ирисы), *любистер*, *нарцызы* (нарциссы), *картошки* (георгины), *ноготки* (календула), а в доме в горшках обязательно цветут *калачики* (герань). У каждой хорошей хозяйки есть *полусадник* (палисад, клумба). Постель стелют на *лавке* (род кровати) или на полу (настил из досок рядом с печью). Постель накрыта *рядном* (покрывало) или *налавником* (домотканый полосатый коврик).

У русской печи каждая деталь имеет свое название: *комель* – верх русской печи; *грядущка* – место на русской печи, на котором спят; головашка – деревянные подголовники; *загнетка* – место, куда загоняют золу и куда ставят печь пироги. Еду готовят в чугунах (казан особой формы), которые «содют» в печь с помощью *рогача* – ухвата.

3. Блюда. Гостю обязательно предложат помыть руки и подадут *рушник* (полотенце). А потом пригласят к столу, накрытому *настольником* (скатертью). Будут угощать свежеспеченным хлебом, картофельными и яблочными пирожками прямо из русской печи. Будет и *сколотина* – масса, остающаяся после сбивания масла, *затиранка* – тесто подсушенное, которое варят в супе, или *галушки*.

Едят семеновцы три раза в день: утром пьют чай – *снедают*, потом *полуднують* (обедают), а вечером *вечерають* (ужинают).

4. Названия людей. Пожилых людей семеновцы называют *дедами* и *бабами*. Распространены клички, часто можно услышать: «А по вулишному тебе как кличуть?» Клички дают из-за особенностей внешности, подчеркивают ими недостатки характера или выделяют посредством клички какие-либо факты, события в жизни человека. Так, есть в Семеновке *Звери*, *Галаны*, *Американцы*, *Японцы* и *Немцы*. Некоторые уличные «звания» являются индивидуальными, а другие передаются из поколения в поколение, и уже никто не может определить их происхождение и значение.

Займствования в говоре семеновцев

Как и в литературных языках, в диалектах тоже есть заимствованная лексика. В говоре жителей села Семеновка это слова, заимствованные из языков соседних народов – молдаван и украинцев.

Займствования – это преимущественно лексика, отражающая особенности местной природы, ландшафта, различные названия домашних и диких животных, рыб, сельскохозяйственный инвентарь, способы обработки земли и т. п.

На протяжении многих лет русские, украинцы и молдаване живут рядом, но менталитет семеновцев не позволяет им говорить на языке другого народа, может быть, поэтому они и сохранили до сих пор свой говор. Результатом такого образа мыслей является небольшое количество заимствований. Из молдавского языка в русскую речь жителей Семеновки пришли слова *виртутия* (рулет с начинкой из творога), *алея* (растительное масло), *гут* (айва), *колиба* (временная постройка или сарайчик), *ягрус* (крыжовник), *палария* (шляпа), *папушоя* (кукуруза), *рыта* (овраг), *тыска* (пресс для виноградных жмыхов). Из украинского языка употребляются слова: *додому* (домой), *пытать* (спрашивать), *грубка* (печь), *порожний* (пустой), *шукать* (искать), *рушник* (полотенце), *кавун* (арбуз), *кабак* (тыква).

Заемствованные слова адаптировались в русской диалектной речи как на фонетическом, так и на морфологическом уровне. Например: «картоху жарым на алеи», «нихай сидить дома», «трошки абаждем», «сапамы парубали увесь бурьян».

Следует отметить, что заимствованная лексика пополняет разряд экспрессивных слов. Часто семеновцы, желая выразить всю силу чувств, продемонстрировать собеседнику свое презрение, пренебрежение, весь негатив, употребляют заимствования или искаженные формы иноязычной лексики: «Нарядился у *паларью* как баярынь!», «Шо я буду работать за *дежабу* (бесплатно)?», «*Лавар* (известь) мне ни нада!»

В данном говоре достаточно обширный пласт лексики был пополнен терминами, связанными с выращиванием и разведением овец: *черга* (очередь дойки овец), *череда* (очередь пасти овец), *кашка* (свежий овечий сыр – каш), *чебан*, *чередник* (пастух), *ворочик* (ткань для процеживания молока), *тяга* (жидкость - настой на желудке молочного ягненка). Новые значения приобретают глаголы: *запустить* (добавить в молоко тяг), *откинуть* (процедить перебродившую молочную массу для отделения сыворотки), *смыывать* (периодически собирать плесень с брынзы).

Отметим, что диалектизмы описанных групп употребляются старшим поколением семеновцев, молодежь говорит на литературном языке, хотя при необходимости может включать диалектизмы в свою речь.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Юрий ИВАНОВ

НЕКОТОРЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУСИНОВ МОЛДАВИИ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Занимаясь этнографическими исследованиями среди русинов Молдавии и их потомков, я не раз сталкивался с целым комплексом представлений, как правило, русинов старшего поколения о своем родном языке. Основной идейный стержень, вокруг которого базируются эти представления, – это мысль о том, что их язык является сакральным носителем древней мировой мудрости, от которого произошли все остальные языки и наречия, и который лежит в основе написания всех священных текстов и книг. Этот факт может в начале показаться невероятным по своей претензиозности, тем более, что подавляющее число опрошенных – пожилые люди с невысоким, по современным меркам, уровнем образования и кругозора...

В частности, особо интересно мнение людей с ярко выраженной религиозностью, которые полагают, что первое слово Бога и сама Библия были сказаны и записаны на первозданном русинском языке. Причем самым удивительным является то, что такая точка зрения наличествует у русинов различных христианских конфессий и направлений. Привожу конкретные примеры:

Шевчук Никифор Павлович, житель села Нагоряны Рышканского района, 1922 года рождения, православного вероисповедания: «Наш язык – русский, самый правиднэй, самый пэрвый зо усих язэкиу на свити... Бог заговорэу з людьмэ на нашим языковэ, и пэрва Библия, як казалэ дуже стари люды, була запэсана на ним... Увси народэ говорят на тэх язэках, шо спортылэ вид пэрвого нашего языка, шо дау нам Бог...»¹.

Рифляк Виктор Иванович, житель города Рышканы, 1922 года рождения, православного вероисповедания: «Наш язык – той самэй пэрвый и правиднэй русский язык, шо Бог заговорэу на ним... Стари люди казалэ, шо Адам и Ева говорэлэ на ним... Вид цэго язэка пишлэ и увси други языке у других народиу... Пэрва Библия була запэсана нэ на еуврейским, а на нашим язэковэ, алэ, вин уже даувно спорчиннэй другимэ людьмэ»².

Черней Виктор Эммануилович, житель города Рышкны, 1919 года рождения, христианин-пятидесятники: «Стари люды и мои татэ (родители), яки усигда булэ вэрущимэ, колэс (давно, когда-то) казалэ, шо значала Библия була напэсана на нашим старим язэковэ, бо Бог у начали вогорэу з людьмэ на ним... Той язэк, колэ люды строилэ Вавилонску башню, шо Бог роздилэу и змишау, буув наш старэй язэк... Мэ ужэ нэ так говорым як ти стари люды, а молодижь и того нэ знаи»³.

Пасечник (Ботнарюк) Вера Даниловна, жительница села Малиновское Рышканского района, 1915 года рождения, христианка-пятидесятница: «Колэ я була мала, то чула, шо стари люды казалэ, шо пэрвэ слово вид Бога, яким вин сотворэу вэсь свит було на нашим язэковэ... Казалэ, шо первый раз Библия була запэсана тоже на нашим язэковэ...»⁴.

Бурдужан Иван Георгиевич, житель города Рышканы, 1926 года рождения, христианин-пятидесятник: «Вид дужэ старэх людэй – толковэниу, я ще малэй чуув, шо то пэрвэ слово вид Бога, и як кажэ Библия, яке самэ було Богом, було сказано на нашим язэковэ... И пэрва Библия була напэсана на ним... Ще казалэ, шо той язэк, колэ люды строилэ Вавилонску башню до нэба, и шо Бог пэрэмишау иго, буув старэм нашэм язэком. И увси народэ зарэ (теперь) говорят на порчиним нашим язэковэ...»⁵.

Колибаба Борис Иванович, житель села Нагоряны, 1929 года рождения, свидетель Иеговы: «Я тожэ колэс чуув вид старэх людэй, шо наш язэк – цэ буув пэрвый язэк, на яким Бог говорэу з людьмэ... Казалэ, шо и Библия була зразу напэсана на ним... Ти стари люды дужэ багато зналэ, шо тэпэр нам и нэ снэлоса...»⁶.

Новикова (Тимчук) Евгения Алексеевна, жительница города Рышканы, 1929 года рождения, из христиан-субботников: «Да, колэ я була мала, то чула вид старэх людэй, шо Бог колэс говорэу з пэрвымэ людьмэ на нашим язэковэ, и Библия пэрва тоже була напэсана на ним... Тэпэр спортылэ цэй язэк, а молодижь уже нычого нэ знаи...»⁷.

Бурдужан Петр Васильевич, житель села Нагоряны Рышканского района, 1931 года рождения, евангелист-баптист: «Я колэс чуув вид старэх людэй, шо пэрвый чулувический язэк цэ буув наш язэк... И у начали Библия була запэсана на нашим язэковэ...»⁸.

Эти примеры можно было бы продолжить.

Приведенные высказывания абсолютно не связаны с доктринами, проповедуемыми в данных церковных общинах. В этом автор имел возможность убедиться, так как сам неоднократно посещал их. Да и из самих текстов видно, что собеседники не ссылались на церковные институты, к которым они принадлежат. Источник иной - «стари люды», древние знания их предков. Именно в реликтовой памяти прадедов-

русинов, по мнению автора, надо искать следы столь неожиданных взглядов опрошенных на их родной язык.

Небезынтересно отметить, что аналогичные высказывания зафиксированы автором и у представителей других национальностей.

Бренич (Урсу) Зинаида Яковлевна, молдаванка, жительница города Рышканы, православного вероисповедания: «Я ще мала чула вид своих дидиу, шо цэй наш хохляцкий молдавский язэк (*русинский язык, ибо Зинаида Яковлевна не считает его украинским языком – Ю.И.*), буув пэрвым у Бога, и пэрва Библия була напэсана на ним...»⁹.

Кирика Федор Пантелеевич, молдаванин, житель города Рышканы, христианин-пятидесятник: «Я еще с детства слышал, что рутены, как их называли румыны, были первыми людьми на этой земле... Говорили, что Священное Писание было вначале записано на рутенском языке. Но так ли это? - точно не знаю, не берусь утверждать...»¹⁰.

Паря Анатолий Францевич, 1938 года рождения, житель города Рышканы, христианин-субботник, отец – поляк, в паспорте записан как украинец, однако считает себя «хохлом-русняком»: «Вид мого тата я колэс чуув, шо наш цэй хохляцкий язык буув пэрвым у Бога, и пэрва Библия була напэсана на ним, но точно цэ нэ знаю...»¹¹.

Конечно, все это легко объясняется длительным совместным проживанием опрошенных и их предков с русинами Молдавии.

Как бы ни казались амбициозными взгляды стариков-русинов, они не единственны в своем роде. Схожая теория существовала на Руси издревле. В одной из рукописей XV века, напечатанной О.М. Бодянским в 1863 году, есть такая фраза: «А грамота русская явилась Богом дана в Корсуне русину, от нея же научился философ Константин»¹².

Русский книжник XV века, говоря о русине, научившем русской грамоте Константина Философа, имел в виду сообщение «Жития Константина Философа» (гл. VIII)¹³. Здесь рассказывается, что во время путешествия в Хазарию (около 860 г.) Константин Философ задержался на некоторое время со своими спутниками в Крыму. В городе Корсуне (Херсонесе) он «обрел» евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами («русьскими письмень»). Константин, владевший многими языками, научился читать эти книги так скоро, что спутники его – греки – увидели в этом великое чудо.

Надо сказать, что высказывание древнерусского книжника повлияло на мнение тех исследователей, которые считали, что письменность у восточных славян существовала еще до просветительской деятельности Константина в виде глаголического письма¹⁴.

Вполне возможно, что неизвестный автор XV века, делая подобное утверждение, располагал другими источниками местного происхождения. А ссылка на «Житие Константина Философа» нужна была для

подкрепления уже бытовавшей теории, имевшей древнерусские корни.

На эту мысль автора данной статьи наводит существование родственной легенде о Константине Философе (Кирэли-Вучетыли, т.е. Кирилле-Учителе) у русинов Молдавии, записанной мною в разное время и в различных вариантах.

Русинская легенда особенно ценна тем, что в ней фигурируют персонажи, позволяющие нащупать ту тончайшую нить, которая может привести нас к той далекой индоевропейской мифологической праснове взглядов, как и древнерусского книжника, если она была в данном случае, так и современных русинов Молдавии. Изложу одну из наиболее содержательных записей на данную тему, сделанную мной в ноябре 1979 года в селе Нагоряны со слов его жителей Ротаря В.Я. (1895-1983) и Иванова В.К. (1906-1980):

-...Колэ Вэлэкий Кирэл-Вучетьль та йиго брат Мэфодий забэглэ (захотели, решили) вучеты словянский народ, то сталэ пэрэд иконою Прэсватой Богородыци, шо стояла у Царьгороди у самим вэлэким храми, и началы молэтца, бо нэ зналэ шо их чикаи... И зийшла Прэсвата Богородэца до нэх, и дала им поцолюватэ свои руки, и сказала им: «Добрэ дило вэ задумалэ, май вирни сынэ, даувно пора цэ начатэ. Бо словянский народ дуже честый душою и сэрцэм, и мои вэлэку надию на Бога. Та пора йиго прывэртаты до Господа Нашого и Иисуса Хрэста... Идит, и будэ вам Божэ благословэннья и моя молэтва, а моя рука росчестэ вам дорогу и нычого плохого до вас нэ доторкнэтца... Алэ... будэ вам у Словяньски зимли вэлэке чудо и дэво, бо учуитэ вэ и убачитэ Пэрвэ Слова вид Бога, у яким Бог зийшоу до нас. И то будэ вэлэкий знак вам и другим народам...» И упалэ з вэлэкую радистью на зэмлю Кирэл та Мэфодий, и доувго цолювалэ святи ножки Прэсвати Богородэци... Нэдоувго вонэ збэралыса и пишлэ у дорогу до Словянскуи зимли... И найшлэ вэлэкий народ словянский, якому нэ було числа, и сталэ учеты йиго Правэдни Наши Вири Правослаувни. И сталэ учеты йиго грамоти цэркоувни, и сталэ учеты як читатэ и пэсаты кныжке мудри, и багато тэх кныжок роздалы народу словянскому. И багато найшлэ суби вученькиу добрых та гарнэх для цэго дила, яки тожэ пишли по народу учетэ грамоти цэркоувни и Вири Правослаувни... И зарадувалоса сэрцэ Кирэлу та Мэфодио, и сталэ вонэ благодарэтэ Бога и Прэсвату Богорэдыцу за таке чудо и таку помишь!... Алы... як шос (что-то) шкрябало (скребло) им на душу, бо пока нэ бачилэ вонэ того вэлэкого чуда за Пэрвэ Слово вид Бога, яке им вобыщала Прэсвата Богородыца... И пишлэ вонэ далшэ, на Виз (на Север), учетэ Словянский народ. И попалэ у вэлэкий лис, якому ны було ны конца ны краю, и заблудэлыса... И тут учулэ вонэ як будто якис хор чи спиваи, чи молэтца Богу. И стало

им лэгчи на сэрци, и пишлэ вонэ на ти голоса... Доувго вонэ йшлэ, пока нэ стау росходэтца лис и ны выйшли вонэ на честэ мисто. И убачилэ вонэ вэлэку башню, яка тянуласа аж поштэ шо до нэба, а на самим вэрховэ була як нэ достроина. И йшоу з той башни свет и ти голоса, шо вонэ учулэ раньчи. И пэрэхрестэлыса Кирэл и Мэфодий, и решэлэ зайтэ у ту башню з молэтвою, бо дужэ чудно и дэувно стало им... Колэ вонэ зайшлэ, то убачилэ там сим старциу у золэтэх рэзах, яки стоялэ кругом и молэлэса Богу. А посэрэдэни стояла дужэ файна молода жинка у били як сниг водэжди. Вона трэмала вэлэку кнэжку з жэлизною обложкую з якои читала молэтвы... И кажна буква, кажнэ слово у ти кнэжки гурило вогнем и свитэлоса таким светом, шо тяжко було дэвэтца, бо начиналэ булитэ вочи... И яке слово та жинка скажэ, то самэ поувторяют свати старци... И така сэла, и така радисть йшла вид тои молэтвэ, шо слезы сами биглэ з вочей Кирэла та Мэфодия... А вид тои кнэжки, вид тои жинки, и вид тэх старциу йшоу такой свет, шо у ти башни, хоть и нэ було ныгдэ вогня, а було вэдко май луччи, чем билым днем... Нэ вэдыржалэ Кирэл та Мэфодий, нэзко поклонэлэса и сказалэ: «Бог вам у помишь, Свати Люды!... Куда мэ попалэ, дэ мэ находэмся, и то вэ тут робытэ?...» Пэрэрвалэса старци и жинка, тожэ поклонэлэса и сказалэ: «И вам Бог у помишь, Кирэл и Мэфодий!...» И стало тим ше май чудно, шо ти назвалэ их мя (по имени)... И продоувжылэ: «А мисто цэ – Вэлэка Мира, шо у Библии еувреи назвалэ «Вавилонска башня», а находэмса мэ у Руськи зэмли... А читаим мэ ту Пэрву Библию, у яки запэсанэ Пэрвэ и Пуслиднэ Слово Бога... И колэ мэ закончим, тодэ и настанэ конэц свита!... А читаим мэ ни на тим язэковэ, шо буув йидэн для усих, пока Господь нэ змишау иго, шоб людэ нэ достоилэ цу Вавилонску башню... Вэ нэ пизнаетэ цэй язэк?...» И прэслухалэса Кирэл и Мэфодий, и сказалэ: «Як будто пизнаем... Як будто словянский язэк, алэ май файнэй, май честый, май звонкий!...» «Добрэ!» - сказала жинка, - «Пизналэ, цэ и е той пэрвый язэк вид Бога, цэ – наш русняцкий язэк, на яким говорят уси словянэ, и який помишалэ други народы...» Щэ май чудно стало Кирэлу и Мэфодию, и спыталэ вонэ: «А чо цэ ныхто нэ знаи?...» И сказала им дэувна жинка: «Бо нэ прыйшло ше врэмня цэ знатэ... Бо выртаитца Правидна Наша Правослаувна Вира туда, видки вона вэйшла, и вэ прынэслы ии у кнэжках... Бо вэлэка честь и слава будэ Руськи зэмли и Руському народу, бо лэшь вин будэ пазэтэ Правослаувну Виру до Суда Божого!... Алэ знэнавэдят други народы Руську зэмлю за цэ, и дужэ вона будэ страдатэ за цэ, и особэнно у пуслидни врэмэна!... И дужэ будут нэнавэдитэ наш русняцкий русский язэк, и уси будут плеватэ на нэго, и казатэ, шо цэ – псячий язэк, шо лэшь псэ на ним можут гаувкатэ, а людям – сором на ним говорэтэ!... И будут други народэ фалэтца (хвастатэся) своимэ язэкамэ и своию

вирую, и казатэ, шо вонэ сами май пэрви и правидни, но цэ будэ вэлэка нэпраувда... И нэ будэ мира даже и миж словянскимэ народамэ, и будут и вонэ нэнавэдитэ наш старэй и пэрвый русняцкий русский язык!... Но Бог покладэ конэц и цэму... И тодэ у Час Суда видкрэйтца цэ мисто усим сторонам и усим народам, и вэйдэм мы з цэю кнэжкую до людэй, и убачут уси народэ як вонэ вобманювалэса и вобманювалэ других, и будэ тяжко им, бо лэшэ правиднэм будэ спасэння!...»

И, напоследок, чудесная дева и старцы-мудрецы запретили строго-настрого рассказывать Кириллу и Мефодию об увиденном кому-либо, указав, что это и есть то «влэке чудо и дэво», какое им обещала Пресвятая Богородица...

Я несколько сократил легенду, стараясь передать ее основную идею. Интересно отметить, что, по словам Ротаря В. Я., объездившего во время первой мировой войны и после нее весь Карпатский регион, различные вариации этой легенды существовали в начале XX века у русинов Прикарпатья и Закарпатья («по цу и по ту сторону Карпатиу»). Естественно, что местом действия были Карпаты. Однако, и в рассказах некоторых молдавских русинов тоже фигурировали Карпаты¹⁵.

Кто же эта таинственная дева и семь мудрецов, и почему Вавилонская башня оказалась в Русской земле?

В сокровенной русинской мифологии она известна под именем Вэчи или Вэки: «Вэлэкуи Маты Вэчи, Вэлэкуи Божи Сэлы, Вэлэки Божи Рэчи и Мудристи, яка хранэт то Божэ Слово, яким Бог сотворэу вэсь билый свит, зэмлю и нэбо, солнце, звезды, месяц, и усих живэх тварэниу и людэй»¹⁶.

А окружают ее «сим вэлэких старциу – толковэниу», коим открыты все тайны земли и неба, и которые часто сопровождают «Вэлэку Маты Вэчу» в ее земных и небесных делах.

В сокровенных русинских сказаниях Вэча появляется в различных образах: то в виде древней вещи старухи, пророчествующей путнику дальнейший его путь или судьбу; то в виде почтенной матроны с семьёю детишками (обличье которых приняли семь старцев-толковинов), разъясняющей достойному человеку, как правильно преодолеть ждущие его препятствия; то в виде юной девы изумительной красоты, испытывающей любовь добра молодца, который идет спасать любимую, и щедро награждающей устоявшего. Она многолика и разнообразна в своих проявлениях: то может принять огромные размеры, заполнив собой все видимое и невидимое, ибо слово покрывает все; то может стать как песчинка, ибо и песчинка имеет имя. Она наставница жаждущих мудрости, к ней обращаются поэты и сказители, ждущие вдохновения. Она дает говорящему особую силу слова, коим он может унять разгневанного царя, остановить безжалостного врага, вы-

лечить безнадежно больного человека и даже воскресить умершего. Слово в устах Маты-Вэчи всемогуще, способно творить небывалые чудеса и дела...

По рассказам стариков-русинов, которые мне довелось слышать в детстве, певцы-сказители древности в начале каждого сказания, пропеваемого слушателям, обязательно обращались к Матэри-Вэчи, прося ниспослать им мистическую силу вдохновения. Хочу привести несколько строк древнего гимна, посвященного Вэчи, списанного мной с рукописи моего прапрадеда Ротаря Я.Д. (1851-1930) в 1983 году:

Та Вэча, та Маты, нам струны заводы,
Йи голос высокий нам сходы з нэбэс,
И сэрце и розум по струнам вин воды,
Мы скажым шо було и буды колэс!

Та лэгки дыханнья на били зазвонь!
Та сыла на пальци нам жаром тыче!
Та Вэча, та Маты ту сылу нам гоны,
Бо Слово мечамы за Праувду сиче!¹⁷

Конечно, в рамках данной работы невозможно опубликовать все сведения о Матэри-Вэчи, собранные автором. К сожалению, не вся информация на данный момент подверглась систематизации и научной обработке. Однако, по мнению автора, изложенного выше уже достаточно для того, чтобы любой серьезный исследователь ведийской мифологии мог заподозрить в русинской Вэчи сильно христианизированную родственницу древнеиндийской богини Вач, являющейся персонификацией речи и получившей свое имя от ведийского слова «вас», означавшего «речь, слово»¹⁸. Тождество русского диалектного «вяк(ать)» (в русинском оно звучит как «вэкаты») и санскритского глагола «вас» установлено уже давно¹⁹.

Суть ведийской Речи и ее онтологическое первенство – предмет двух гимнов «Ригведы» – X, 71 и X, 125²⁰. Речь-Вач выступает в них, как образ всего мира, охватывающий все, что в нем есть: «Я рождаю отца на вершине этого (мира); мое лоно в водах, в океане; оттуда расхожусь я по всем существам; я касаюсь теменем того неба. Я ведь вею, как ветер, охватывая все существа: по ту сторону неба, (а) здесь, по ту сторону земли – такая я стала величием» (РВ X, 125, 7-8). Речь-Вач говорит, что она заполнила собой небо и землю (РВ X, 125, 6), что она же движется вместе с богами, несет их на себе; ею живут (РВ X, 125, 4).

Речь описывает себя как повелительницу, собирательницу сокровищ, первую из достойных жертвоприношения (РВ X, 125, 3). Кого Речь

любит, того она делает могучим: одного – брахманом, другого – риши, третьего – мудрым (РВ X, 125, 5). Один из парадоксов, связанный в Ведах с происхождением Речи, состоит в том, что не только Речь создает мудрых риши, но и мудрые риши создали Речь, о чем свидетельствует особый гимн о сотворении сакральной Речи (РВ X, 71), в котором упоминается о том, как древние певцы сотворили Речь, сделав скрытое и непроявленное открытым и явным, причем мысль их служила своего рода фильтром для Речи...

Аналогичный сюжет существует и в русинской мифологии, где уже упоминавшиеся семь мудрецов-толковинов сотворили Вэчу-Маты с помощью особой мыслительной мировой энергии - «Вэлэкого Толка», по названию которой они именуются и сами. Обратим внимание, что количество русинских старцев-толковинов то же самое, что и ведийских риши – семь²¹. Поэтому ведийская триада мысль – слово – дело в русинском исполнении звучит, как мысль («Вэлэкий Толк») - слово («Вэча») - дело («Добрэ Дило»). Заметим, что русинская триада заканчивается не просто «диллом», а именно - «добрым дилом». И это очень важный момент в понимании культуры русинов Молдавии, как прошедшего сквозь время осколка Древней Руси.

Культуры, ставящие в своем начале Слово как высшую реальность данного модуса существования, поскольку оно, облекаясь плотью, воплощается в «разыгрываемом» им мире, известный востоковед В.Н. Топоров именовал «словоцентричными»²². По его мнению, на такой установке стоит всякая подлинно великая культура, более того, такая культура осознает свою связь со Словом, свою глубинную зависимость от него в неизбежном акте пресуществления Слова в Дело (ср. Иоанн I, 1-5 и др.). Востоковед говорит, что тот, кто порывает со Словом, в конечном счете порывает с культурой, изменяя ей ради Дела, утверждающего себя через насилие и своеволие²³. Эта мысль стала особенно актуальной теперь, когда Слово практически везде заболтано и максимально унижено до своего буквенного минимума. Не отсюда ли та чудовищная волна идейного и физического насилия, захлестнувшая все нынешние мировые культуры и цивилизации?..

Далее, В.Н. Топоров подтверждает свои мысли анализом ведийских представлений о языке: «Древнейшим из известных названий своего языка у индийцев, видимо, было *vas* «речь», «слово» (ср. *vas* - «говорить», «высказывать» и т.п.); тем самым ведийские арии вкладывали в название своего языка ту идею абсолютности, которую римляне связывали с Римом, обычно называвшимся ими просто *Urbs* – Город. В этом отношении очень показательным отклонением ведийского языка (речи) по орудию (органу), с помощью которого он воспроизводится, - языку во рту, ср. рус. язык в обоих смыслах, также др.-

греч. glossa (аттич. glotta), лат. lingua и т. п. Для древнеиндийского языкового сознания назвать язык, считавшийся божественным, по органу, служащему для его выявления, обнаружения, перевода из невидимого состояния в видимое, было бы недопустимым грехом механизма, умалением вечной сущности языка... Впрочем, аналогия между ведийским vac (: vac-) и, например, немецким Sprache (:spreachen), польск. mowa (:mowic) и т.п. также неполна и, по сути дела, обманчива. В связи с ведийским обозначением следует помнить, что это воплотившееся Слово, персонифицированная Речь (ср. богиню речи Вац – Vac); что тем самым vac как язык, речь, слово не только и не столько некий результат говорения, внутренний объект соответствующего действия, сколько творческая сила, энергия (в смысле, который связывал с языком Гумбольдт)»²⁴.

К сожалению, по вполне понятным причинам востоковед не был знаком с русинской мифологической концепцией представлений о Слове и языке. Ибо все вышесказанное им в отношении ведийской схемы до недавних пор можно было найти в целостности и у русинов Молдавии, а значит, возможно, когда-то существовало и во всей древнерусской культуре.

В связи с этим возникает важный и весьма интересный вопрос: в какой все-таки степени родства состоят ведийская Вац и русинская Вэча? Является ли последняя каким-то сложным заимствованием из ведийского пантеона ариев, или у нее собственные, более древние индоевропейские истоки? На этот очень непростой вопрос было бы правильным отвечать только после комплексной обработки и научного изучения всех сведений о русинской Речи – Вэчи. Однако, по праву первенства автор решил высказать несколько своих предположений, конечно же, не бесспорных и окончательных.

Демократические реформы на постсоветском пространстве дали возможность снять многие идеологические заслоны, в том числе и на пути тех ученых, которые уже давно говорили о гораздо более раннем происхождении славянской культуры, чем это было принято официально считать в советский период. Кульминацией идеологических препон была, например, точка зрения академика Д.С. Лихачева, высказанная им по поводу праздника Тысячелетия крещения Руси: «Сама по себе культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полуторатысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сде-

лано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности»²⁵.

Уже в то время этой точке зрения противостояла школа академика Б.А. Рыбакова, который совершил настоящий трудовой подвиг, создав капитальные труды по язычеству древних славян и Древней Руси, убедительно проследив в них гораздо более ранние истоки славянской культуры. Вот что говорит ученик и последователь Б.А. Рыбакова современный российский исследователь Л.Н. Рыжков, возражая Д.С. Лихачеву: «Неужели действительно мы, узнав это, поверим, что нечего нам искать ранее 988 года, «оттягивая юбилейные даты в глубь времен»? И это сейчас, когда каждый, даже самый неведомый народ ищет корни свои где-нибудь в завоевавшей его Римской империи или пытается производить свой язык от латыни или санскрита, надувая щеки от каждого совпавшего санскритского слова? И в это время говорить про свой народ, который дал корневую основу, по-видимому, этим обоим языкам древней культуры (латыни, санскриту, да, пожалуй, и греческому) - «не нужны нам даты двухтысячелетия или полутысячелетия», отрезая за ненадобностью путь к познанию древности, истоков своей культуры, ...лишая нашей «индоевропейской седины», в которой именно славянская культура, по-видимому, играла роль связующего фундаментального стержня? Такая позиция выглядит, по меньшей мере, реакционной. Да и зачем? Ради чего? Кому это нужно? Что может дать национальной культуре самоотрицающая, угнетающая самосознание народа поза?»²⁶.

В своем труде «О древностях русского языка» Л.Н. Рыжков, прослеживая в славянском языческом пантеоне многочисленные черты доведической системы, особенно имея в виду единобожные черты²⁷, гармонично связывая их с системой христианских идей, утверждает: «Поэтому противопоставление христианства и русской древности искусственно и ошибочно²⁸... И надо понимать, что такие положения унижают не только наш народ, но и христианскую церковь, как одну из форм его мирозерцания²⁹».

Русинская Вэча-Речь в этом плане является показательным примером. Ибо диапазон сведений, собранных о ней автором, очень широк: от первоначальных связей с наиболее архаичной частью русинского мифологического пантеона, в котором явно видны доведийские персонажи, до довольно поздних христианских вариаций. Причем от начала и до конца Вэча-Маты неизменно выступает как ипостась и реализация Высшего и Единого Творца, что лишней раз подтверждает точку зрения таких ученых, как Л.Н. Рыжков, это же свидетельствует, в свою очередь, и о доведийских истоках ее самой.

Как это ни парадоксально выглядит, но неизвестный русский книжник XV века, уверенно сказавший: «А грамота русская явилась Богом дана в Корсуне русину, от нея же научился философ Константин», звучит актуальнее и современнее, чем именитый академик, возводимый ныне, конечно же, по праву, в патриархи русской культуры...

«Вэлэкий Толк» в русинской триаде мысль–слово–дело – это тот самый «толк» из словаря В. Даля³⁰, однако, семантика словаря лишь в слабой мере отражает это великое слово славянской древности, подлинное смысловое богатство которого сохранилось в русинской культуре.

Слово «толк» обнаруживается и в английском «talk», примерно в том же значении, что и у Даля: «разговор, беседа, пустая болтовня, сплетни, переговоры, слухи»³¹ и т.д. (кстати, Л.Н. Рыжков тоже обращает на это внимание³²). Эти языковые параллели могут свидетельствовать об особом пути русинской «Вэлэки Матэри Вэчи».

У Вэчи-Речи есть важный родовой признак, объединяющий ее с другими древнейшими индоевропейскими традициями, например, хеттской, греческой гомеровской, древнеисландской, древнеирландской. Это положение о различении особого языка богов и языка людей; у Гомера слово «кровь» на языке богов звучало иначе, как и в хеттском, и т.п.³³. Данное представление, как и целый ряд других общеиндоевропейских мифологических мотивов, находит точные соответствия в мифологиях древнего Востока, которые (при наличии других культурных и языковых параллелей) могут быть истолкованы как свидетельство древних контактов носителей индоевропейского праязыка и мифологии с древнеближневосточными народами³⁴. В наиболее раннем, по мнению автора, слое русинской мифологии Вэча-Маты является носителем не слова и речи вообще, пусть и божественных, а первым передатчиком обращений и указаний Верховного Единого Творца («Старого Бози») к другим божественным существам («своим дитяам») рангом пониже, а также к Матери-Земле («Вэлэки Нащи Маты Зэмли»), от брака с которой произошли все остальные существа и был сотворен весь видимый и невидимый мир. «Верховный» говорит («вэкаи») на особом, непонятном для чужих ушей языке, слова которого по нужным адресам и разносит Маты-Вэча. Это необходимо по той причине, что «перехват» сокровенного слова «Старого Бози» ушами, для которых оно не предназначено, грозит огромными бедствиями и несчастиями для остального мира. Удивительно, но до сих пор эта древнейшая мифологическая константа индоевропейского праединства зафиксирована в современном языке русинов Молдавии!...

Вот как толкует слово «вэкаты» уже упоминавшийся житель города Рышканы Черней Виктор Эммануилович: «...Вэкаты?... Да... я

знаю... Цэ – дуже старэ слово... Колэс нэ казалэ, шо чулувик вэкаи, а казалэ лэш на дитэй и на слабэх вид Бога (людей с врожденными дефектами психики и речи, а также юродивых – Ю.И.), шо воны вэкают сараки («сараки») – несчастные, бедные достойные сожаления, это сказано в отношении «слабых» (больных), а не детей – Ю.И.»³⁵.

А вот еще более полный ответ, причем с христианским подтекстом, от тоже упомянутого жителя города Рышканы Бурдужана Ивана Георгиевича: «...Вэкатэ?... Да... Я знаю... Цэ – дужэ старэ, а сама глаувнэ – Сватэ Слово!... Кажут на дитэй шо воны «вэкают» тодэ, колэ воны ще нэ разбэрают чулувичиский язэк (то есть когда дети еще не могут внятно выговаривать слова – Ю.И.)... А цэ получаица того, бо як казалэ стари людэ, шо дытэна ще бизгришна, пока нэ научеласа говорэтэ... И вона «вэкаи», бо вона говорэ з ангиламэ на ихним язэковы!... И англилэ через дытэну говорят, «вэкают» з нами!... Алы мэ – увже нэ понимаим ихнэй язэк, бо дуже увси гришни!... И на слабэх вид Бога казалэ шо вонэ «вэкают», бо, хоть получаица, шо воны як будто вид Бога забижени, но за цэ Бог им дау разумитэ ангельский язэк... И буваи, шо часто говорят з намэ на цим языковэ, а мэ нэ понимаим – бо дужэ гришни...»³⁶.

Но люди всегда были любопытны, и подслушивать кого-то для них и теперь – любимейшее занятие... По рассказам стариков-русинов, которые я слышал ранее, еще в начале XX века в некоторых русинских селах доживали свой век старцы-ведуны, которые якобы могли понимать и растолковывать другим людям «ангельский» язык «дитэй и слабэх вид Бога». Таким образом, обращавшийся к ведуну мог узнать важное для него событие, которое должно было состояться в будущем; и, если оно было неприятным, то постараться его избежать. Так якобы получали предупреждения и о событиях общенародного масштаба: грядущей войне или мире, голоде, засухе, неурожае, эпидемии или море, ранней или поздней весне, теплом или холодном лете и т.д.

Если открыть словарь В. Даля или любой другой современный толковый словарь, то можно увидеть, что в русском языке сакральный смысл в слове «вякать» не сохранился: «ВЯКАТЬ, вякнуть – мямлить, бякать, говор. немо, вяло, протяжно, съ зайчкой, или читать так; врать, пустословить, болтать вздорь, пустомелить, разносить пустые слухи, вести; клянчить, канючить, выпрашивать...»³⁷.

Есть только остатки памяти о некоторой дефектности говорящего, но уже не понятно, чем такой дефект вызван, и уж тем более он не считается священным и не имеет божественного происхождения.

Если суммировать все сказанное, то можно прийти к довольно твердому выводу, что русинское «вэкать», и только оно, сохранило первоначальную семантику индоевропейского праязыка, а ведийское «вас»,

несмотря на всю его многоплановость, содержит уже более поздние представления. Но даже и этим более поздним ведийским взглядам на Слово и Речь В.Н. Топоров не в состоянии, как мы уже видели, найти аналогии в других индоевропейских языках.

Сделанный вывод дополнительно подтверждает наличие в русинской мифологии и самого сюжета о том, как сокровенный язык Бога (или богов) попал к людям и дал начало человеческой речи и языку. Именно Вэча-Маты сыграла здесь особую роль «канала утечки информации», если так выразиться современным языком. После чего она стала носительницей Слова и Речи не только божественных существ, но и людей. К сожалению, в рамках данной статьи нет возможности подробно рассмотреть этот сюжет, так как в нем действуют не менее древние, чем Маты-Вэча, персонажи русинского и индоевропейского пантеона, публикации о которых, как надеется автор, еще выйдут.

Откуда столь невообразимые древности в русинском языке и мифологии, если, как продолжает считать до сих пор подавляющее количество современных исследователей, славянская культура является гораздо более поздним «отщепом» от индоевропейского древа, чем, например, те же ведийские арии, а академик Д.С. Лихачев вообще призывает нас не заглядывать в прошлое славянских народов ранее 988 года ?..

В своей монографии «Язычество древних славян» в главе «Золотой век энеолита» академик Б.А. Рыбаков, исследуя археологические памятники Триполья с космогоническими мотивами, пришел к очень важному для всей индоевропеистики заключению, пока еще не оцененному в должной мере. Он установил, что образ ведийского титана Пуруши имеет своего гораздо более раннего предшественника на трипольской вазе из молдавского села Петрены.

Вот как академик заканчивает главу: «Чрезвычайно интригуют те параллели, которые удалось установить между трипольской живописью и гимнами Ригvedы: три яруса мира, лик Праматери и в особенности титан Пуруша. Трипольская роспись является точной иллюстрацией к десятому гимну Ригvedы, повторяющей все признаки и детали. Возможно, что при решении вопроса об исходной позиции индо-иранцев в их последующем движении на восток нельзя будет исключить из рассмотрения область трипольской культуры.

Мировоззрение трипольских племен, кроме того, чрезвычайно важно для наших специальных целей изучения славянского язычества.

Большое количество восточнославянских этнографических параллелей в материальной культуре, в орнаментике, обрядах едва ли можно объяснить только одно конвергентностью земледельческого мышления.

Взгляд на карту позднего Триполья убеждает нас в том, что почти вся срединная часть восточной половины славянской прародины (понимая под ней область тичинецкой культуры) была заселена на протяжении нескольких столетий носителями трипольской культуры. Даже если допустить причастность трипольцев к индо-иранской ветви и уход их (или части их) к Пенджабу и Инду, то нельзя думать, что все земледельческое население Поднепровья оказалось вовлеченным в колонизационный процесс.

Вполне возможно, что некоторая часть трипольских племен оказалась субстратом обособившихся праславян.

Напомню тезис Б.В. Горунга о том, что трипольцы входили в число языковых предков славян»⁴⁰.

Заклучения Б.А. Рыбакова в свое время подтолкнули поиски некоторых исследователей в указанном направлении. Работы этих ученых, подтверждающие точку зрения академика и давшие уже на этой ниве свои плоды, публикуются и привлекают все большее внимание, как специалистов, так и любителей, которым не безразличны истоки и пути своего народа⁴¹.

Л.Н. Рыжков после длительных и напряженных изысканий пришел к довольно обоснованному выводу: «...Живые славянские языки – это практически и есть некоторая форма первичного индоевропейского праязыка, уцелевшего, как ему и полагается в, зоне первичного расселения славян, индоевропейских племен и сохранившего во всем великолепии первичной слоговой лексики...»⁴². И далее: «По-видимому, древнеславянская лексика является источником наиболее древнейшего слоя многих индоевропейских языков, что позволяет говорить о славянских языках как первооснове праязыка индоевропеистики. ...Источником преемственности культур является славянское слоговое праяписание, из которого, скорее всего, и произошли все знаменитые и исчезнувшие европейские алфавиты в процессе его распада. Воскрешение этого писма является поэтому первоочередной задачей мировой культуры»⁴³.

Разве не созвучны мыслям московского ученого слова стариков-русинов, опирающиеся на реликтовую память их предков (и которые, кстати, я записал еще до знакомства с трудами Л.Н. Рыжкова)?.... Особенно вот это: «Дужэ стари людэ казалэ, шо як знатэ наш язэк и ключик до нэго, то можно пониматэ и увси други языке, бо увси вонэ пишлэ вид нашого, бо спортылэ наш язэк... Ти стари людэ зналэ, шо вонэ казалэ, и зналэ як цэ робэтэ... И ще вонэ казалэ, шо колэ людэ зноу наувчатца пониматэ черэз наш язэк други языке, тодэ уся праувда зноу вэйдэ на билый свит и будэ конэц врэмэнам...»⁴⁴. Будем надеяться, что традиционный для русинского мифологического сознания «ко-

нэц врэмэнам» или «билому свиту»), который должен случиться в момент окончательного и бесповоротного открытия Высшей Истины заблудшему миру, все же не наступит из-за некоторого прояснения и пояснения славянских древностей...

Конечно, строить научные теории на простом созвучии высказываний пожилых русинов и московских «светил» было бы нелепо и авантюрно. Однако, как полагает автор, уже то, что было сказано в данной статье о русинской Вэчи-Речи, вносит некоторую обоснованность в такое созвучие, тем более, что Вэча-Маты далеко не единственный персонаж из этого ряда...

Например, говоря о титане Пуруше из Петрен, Б.А. Рыбаков указывает, что Ригведа хранит уже «архаичные (и поэтому туманные) мифы о Пуруше»⁴⁵. Академик совершенно прав, ибо из ведийских гимнов уже невозможно понять, почему титан носит такое имя, и что оно означает. В любом санскритском словаре мы находим только одно, что «*purusa*» - это просто «человек» или «мужчина»⁴⁶. Также мы не найдем в ведийской мифологии и санскрите расшифровку имен великой прародительнице Адити или еще одного великана-праотца Ямы и некоторых других... Как это ни поразительно, но эти персонажи обнаруживаются в древнейшей части мифологического свода русинов Молдавии! Причем, с довольно полной расшифровкой имен, первычных функций и связей!...

Полагаю, что после всего сказанного вполне ясна значимость и необходимость изучения русинских древностей не только для всей славистики, но и для всей индоевропеистики в целом. Однако здесь надо торопиться. Ибо чудные, на первый взгляд, старички-русины, столь возвышенно говорящие о своем родном языке (и, как полагает автор, говорящие не безосновательно), один за другим уходят в иной мир. И есть вполне реальная тревога, что когда наконец-то научный мир обратит на них должное внимание, то никого из них уже не будет в живых. Только к моменту окончания автором доклада троих из опрошенных уже нет с нами!.. Светлой их памяти посвящаю эту работу...

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Запись беседы в селе Нагоряны от 27.08.2005 г.
2. Запись беседы в городе Рышканы от 11.09.2005 г.
3. Запись беседы в городе Рышканы от 30.08.2005 г.
4. Запись беседы в городе Рышканы от 14.09.2005 г.
5. Запись беседы в городе Рышканы от 02.09.2005 г.
6. Запись беседы в селе Нагоряны от 16.04.2007 г.
7. Запись беседы в городе Рышканы от 14.02.2006 г.

8. Запись беседы в селе Нагоряны от 12.07.2005 г.
9. Запись беседы в городе Рышканы от 29.08.2005 г.
10. Запись беседы в городе Рышканы от 14.09.2005 г.
11. Запись беседы в городе Рышканы от 15.06.2006 г.
12. Чтения Общества истории и древностей Российских. Кн. 2. СПб., 1863. С. 31.
13. Современный русский перевод жития можно найти в сборнике Родник златогруный: Памятники болгарской литературы IX-XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990. С. 110-127.
14. *Якубинский Л. П.* История древнего языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. С. 7-9.
15. Место действия этой легенды к Карпатам относили жители села Нагоряны Осипов А. П. (1898-1983) и Иванов П. А. (1912-1970), рассказы которых я слышал в конце 60-х и в начале 70-х годов.
16. Записано со слов жителей села Нагоряны Иванова В. К. и Ротаря В. Я. в ноябре 1979 года.
17. Ведийская мифология – совокупность мифологических представлений ведийских ариев, вторгшихся во II тыс. до н. э. в северо-западную Индию и постепенно расселившихся в восточном и южном направлениях.
18. Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2-х томах). Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 219-220.
19. См. напр. статью *Ахуджа А., Гусева Н.* Тайные истоки видимых рек // Техника молодежи. М.: Молодая гвардия, 1982. № 8. С. 50-53.
20. См. напр. *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 60-63.
21. См. *Древняя Индия. Язык, культура, текст.* М.: Наука, 1985. С. 7-8.
22. Там же. С. 5.
23. Там же. С. 6.
24. Там же. С. 6.
25. *Лихачев Д. С.* Крещение Руси и государство Русь // *Новый мир* № 6 1988 С. 257.
26. *Рыжков Л. Н.* О древностях русского языка. М.: Древнее и современное, 2002. С. 172.
27. Там же. С. 174-175. Цитирую: «Другими словами, у славян мог сохраниться более ранний индоевропейский пантеон с первичными космогоническими связями, не обремененный обожествлением событий и собственных героев, где трон еще не захвачен громовержцами, как в Риме и Греции». И действительно, такие следы мы находим:
«По свидетельству летописей Прокопия Кесарийского... Гемольда, биографа Оттона... древнейшие славяне верили в Единого бога, называя его Верховным, Небесным богом, богом богов. Из Нестора также видно, что славяне русские имели понятие о высшем существе, нарицаемом преимущественно богом, богом Вседержителем и различали его от бога Перуна и других второстепенных божеств. Славяне чтили в нем Отца Природы и Господина мира, которого воля правит его судьбами, которого промысел удерживает все, его почитали Владыкою неба, источником божественной силы и называли Вели-

ким богом, Старым богом или Прабогом. Другие боги были по верованию славян как от верховного бога происходящие существа. Его произведениями, властью, от него зависящими между Ним и Миром, сильными Его силою, и то не все одинаково святые. Из всего пересмотра баснословных существ славянских выходит, что Отца Творения, который своею премудрою, всетворною любовью (Ладою) создал первоначальное бытие».

28. Там же. С. 176.

29. Там же. С. 183.

30. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 412.

31. *Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н.* Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1992. С. 520.

32. *Рыжков Л.Н.*, Указ. соч. С. 112-113.

33. Лит. 18. С. 532.

34. Там же.

35. Запись беседы в городе Рышканы от 17.10.2006 г.

36. Запись беседы в городе Рышканы от 20.11.2006 г.

37. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 338.

38. Толковый словарь русского языка. Том I. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт, Советская Энциклопедия, 1935. С. 268.

39. См.: напр., *Кузьмичев И.К.* Лада. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 46.

40. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 217.

41. См. напр.: *Рыжков Л.Н.* Указ. соч.; *Шилов Ю.А.* Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев: Синто, 1995.

42. *Рыжков Л.Н.* Указ. соч. С. 156.

43. Там же. С. 159.

44. Запись беседы с Бурдужаном Иваном Георгиевичем в городе Рышканы от 02.09.2005 г.

45. *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 216.

46. См. напр.: *Кочергина В.А.* Учебник санскрита. Учебник для высших учебных заведений. М.: Филология, 1994. С. 308.

Сайт подкарпатского общества имени Кирилла и Мефодия <http://karpatorusyns.org>

Я русинь быць, есмь и буду... А.Духнович

Степан БУЛГАР

ГАГАУЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, УЧЕНЫЕ XIX-НАЧАЛА XX в. И РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ ГАГАУЗОВ

В истории гагаузов Бессарабии русский язык сыграл огромную роль. После переселения с Балкан в пределы Российской империи в начале XIX века русский язык у гагаузов становится языком образования и духовного развития.

Возникает вопрос, с каким багажом культуры и образования прибыли гагаузы в Бессарабию из Османской империи, на каком языке писали и читали переселенцы. Конечно, те болгары говорили на болгарском языке, гагаузы – на гагаузском (как писали тогда - «на турецком наречии»). Было распространено двуязычие. Грамотность же среди переселенцев была в основном на греческом языке. Сохранились прошения, письма и другие документы, написанные на греческом языке. Кроме того, гагаузы принесли с собой религиозные книги на так называемом «караманлийском» языке. Что собой представляет «караманлийский» язык? По определению профессора Н. К. Дмитриева, этот язык представлял собой турецкий говор с элементами анатолийских диалектов, напоминал язык балканских гагаузов, но назывался караманлийским¹.

В записках «Гагаузы Бендерского уезда» русского этнографа В.А. Мошкова также рассказывается о литературе на караманли. «Книги свои они печатают по-турецки, - отмечает Мошков, - но греческими буквами, и вот эти-то книги, которые они приносят с собой на продажу в Бессарабию, и привлекают к ним симпатию гагаузов. Свои книги караманли ценят довольно дорого, а поэтому редкому из гагаузов удается их приобрести, но у кого они есть, тот, как говорится, ценит их на вес золота»². Этнограф подчеркивает, что книги имели духовное содержание: главы из Библии, Евангелие, псалтирь, молитвенник. В сборниках духовных стихов шла речь о Богатом и Лазаре, об Алексее, божьем человеке, о принесении Авраамом в жертву Исаака³.

Кое-что из этого наследия дошло до нас. Например, в историко-этнографическом музее села Бешалма находится «Псалтырь»⁴. Жи-

тельнице села Баурчи Каушанского района от отца перешла книга «Алексиос Аллахын адамы» («Алексиос - божий человек»)⁵). Некоторые письменные памятники на «караманли» сохранились и у гагаузских священников. Конечно же, сегодня караманлийская книга – большая редкость, но до сих пор фольклористы записывают у жителей гагаузских сел Бессарабии христианские песни, молитвы, фрагменты текстов жития святых, имеющих караманлийскую основу⁶).

После переселения в Бессарабию гагаузы стали российскими подданными. С 1812 года возникла Бессарабская епархия, сыгравшая большую роль в духовной жизни гагаузов, в том числе – православные священники – выпускники Кишиневской духовной семинарии, уроженцы гагаузских сел Бессарабии. Николай Чакир, сын священника Захария из Чадыра, родился в 1822 году. Обучал греческому языку в низшем отделении Кишиневского духовного училища, являлся священником Благовещенской церкви и Кишиневского кафедрального собора. В этом славном списке: Семен Топалов, сын дьячка Ивана из колонии Гайдар Колонистской управы, учительство в Кишиневском приходском училище совмещал со священническим долгом в Благовещенской церкви. До нас дошли имена Елевферия Григорьева, сына священника Григория из колонии Бешалма, Михаила Емельянова, сына священника Николая из колонии Болбоки, Василия Златова, сына священника Петра из колонии Комрат. Кириак Топалов, сын дьячка Иоанна из колонии Гайдар, был протоиереем Троицкой церкви города Кишинева. Андрей Димитров, сын священника Димитрия из колонии Дизгинжа, имел сан священника. Феодор Златов, сын священника Петра из Комрата, преподавал Закон Божий в Комратском реальном училище. Его брат Феодосий служил священником в Аккерманском уезде. Андрей Емельянов, сын священника Николая из колонии Болбоки, пошел по стопам своего отца.

Димитрий Чакир, сын священника Георгия из колонии Чадыр-Лунги, был протоиереем в Аккерманском уезде. Его братья Захарий и Николай были заштатными священниками. Михаил Чакир, сын дьячка Михаила из села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, преподавал в Кишиневском духовном училище. Избирался протоиереем училищной церкви, членом Кишиневской духовной консистории. Иван Иванов, сын диакона Иакова из села Комрат Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную академию.

Преподавал в Единецком духовном училище, служил благочинным 1-го округа Бендерского уезда, священником в Одессе, Херсоне, изби-

рался уездным наблюдателем церковно-приходских школ. Василий Македонский, сын дьячка Димитрия из села Козаклии Бендерского уезда, служил в Херсонской епархии. Федор Чакир, сын дьячка Михаила из села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, служил священником в Измаиле, инспектировал церковно-приходские школы уезда. Иван Койчев, сын поселенца Николая из села Джелтая Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную семинарию, служил надзирателем в Кишиневском духовном училище. Константин Статов, сын поселенца Дамиана из села Конгаз Измаильского уезда, нес службу священника в Аккерманском уезде. Михаил Греков, сын поселенца Георгия из села Чадыр-Лунги Бендерского уезда, священник в Измаильском уезде. Петр Ругинов, сын священника Григория из села Комрат Бендерского уезда, окончил Киевскую духовную семинарию, преподавал в Кишиневском духовном училище. Иван Ница, сын коллежского регистратора Константина из села Комрат Бендерского уезда, был священником в Измаильском уезде. Андрей Сибов, сын поселенца Николая из села Комрат Бендерского уезда, служил приходским священником. Андрей Дмитров, сын псаломщика Ивана из села Дизгинжа Бендерского уезда, нес службу священника в Бендерском уезде.

Николай Емельянов, сын священника Алексея из села Булбока Измаильского уезда, окончил факультет восточных языков при Санкт-Петербургском университете. Служил в консульстве в Константинополе. Василий Ругинов, сын священника Григория из Комрата Бендерского уезда, священник в Аккерманском уезде. Георгий Жушков, сын священника Георгия из села Казаклия Бендерского уезда, добровольно сняв сан, поступил в Варшавский университет. Георгий Дьяконов, сын священника Иоанна из Вулканешт Измаильского уезда, священник в Измаильском уезде. Николай Чакир, сын дьякона Николая села Кирютни Бендерского уезда, священник в Измаильском уезде. Автоном Вылков, сын псаломщика Ивана из села Баурчи Кирютни Бендерского уезда, был приходским священником, законоучителем в Болградской мужской гимназии, в 1912 году – кандидат Киевской духовной академии, преподавал Закон Божий в кишиневском коммерческом училище Скородинского. Георгий Калудов, сын священника Николая из села Каракурт Измаильского уезда, был священником в Измаильском уезде. Иван Бабченко, сын священника Григория из села Авдармы Бендерского уезда, законоучитель низших училищ Кишинева. Игнатий Макрицкий, сын псаломщика Ивана из Татар-Копчак Аккерманского уезда, был приходским священником. Алексей Гинкулов, сын священника Андрея из Чадыр-Лунги Бендерского уезда, окончил Харьковский ветеринарный институт и работал врачом - ветеринаром в Бессарабской губернии. Димитрий Коршунджи, сын поселенца Бориса из села Кир-

сова Бендерского уезда, был кандидатом Киевской духовной академии, преподавал в духовной семинарии. Захария Арнаутов, сын поселенца Димитрия из Кирсова Бендерского уезда, был приходским священником. Иван Новаков, сын псаломщика Димитрия из Кубея Аккерманского уезда, был приходским священником.

Макарий Чакир, сын кишиневского протоиерея Михаила, окончил Санкт-Петербургский университет. Служил присяжным поверенным в Северной столице. Иван Столейков, сын народного учителя Спиридона из Чадыр-Лунги, окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Преподавал в Могилевской губернии. Владимир Лашков, сын протоиерея Николая из Дезгинжи Бендерского уезда, учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Василий Молявин, сын священника Димитрия из Кубея Аккерманского уезда, окончил Санкт-Петербургский университет, юридический факультет, служил в Крестьянском банке в Каменец-Подольске. Григорий Чакир, сын священника Николая из Галилешт Измаильского уезда, был приходским священником. . . . Что нам эти незнакомые имена? Лаконичные сведения говорят о том, что служители православной церкви несли христианскую культуру в разные слои общества – от глухой деревни до консульства в Константинополе⁷.

Священники из гагаузских сел оставили интересные сведения о религиозной культуре своих прихожан: Козак И. «Дезгинже, болгарский приход Бендерского уезда» (1878), Малай К. «Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда» (1875) и т.д.

Даже румынские исследователи отмечали роль русского языка, проповедниками которого являлись русскоязычные священники. В очерке «Монография села Вулкэнешть Кагульского уезда» (1920 г.) Ал. Сатмаря, учителя из Вулканешт, говорится: «Вулканештский приход создан в 1860 г. В этой церкви было много священников, служивших мессу на русском и румынском языках. Старейший, по рассказам людей, о котором много говорят – это отец Андрей Старадубовский»⁸.

После обретения Молдовой независимости и образования Гагаузской автономии, все православные церкви автономии вошли в Комратско-Кагульскую епархию, возглавляемую епископом Анатолием. Собор святого Иоанна Предтечи, построенный в 1848 году, привлекает сотни верующих Комрата и окрестных сел. Церковь Святой Троицы в Конгазе построена на средства прихожан в 1883 году в честь Святой Троицы. Церковь украшает самобытная роспись, трехъярусный иконостас, колокольня высотой более 20 метров. В Чок-Майдане Свято-Вознесенская церковь построена в 1840-1860 годы. Церковь Святого Великомученика Победоносца Георгия в Бешалме – тоже из старых: с 1880 года. В селе Котовское церковь только начинает возрождаться.

В 2000 году здесь открылся молитвенный дом, благочинный о. Дмитрий освятил помещение для совершения богослужений и организовал церковно-приходской совет во главе с иереем отцом Анатолием. Храм в честь Святого Архангела Божия Михаила в Авдарме верующие за свои деньги построили в 1863 году. В 1946 году церковь закрыли. Больше 40 лет местные жители сохраняли ритуальные предметы и иконы. В октябре 1988 года, уступая обращениям прихожан, церковь вновь открыли. После открытия первым настоятелем был назначен иерей Михаил Лысенко. Под его патронатом был произведен внутренний и внешний ремонт. В Кирсово церковь Успения Божьей Матери построили в 1898 году. При Томайском Свято-Успенский храме работает воскресная школа, церковная библиотека. Церковь в селе Гайдары носит имя Успения Божьей Матери, она построена в 1905 году. В Кириет-Лунге храм назван в честь Святителя Николая. В Казаклии – Святого Великомученика Георгия, построен в 1740 году. В Баурчи – Свято-Никольский храм, построен в 1896 году, в Джолтай – Свято-Троицкий храм, построен он в 1895 году. В Бешгиозе храм назван в честь всех святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В Вулканештах – церковь Покрова Пресвятой Богородицы, в Этулии – церковь Святого Афанасия, в Чишмикиой – церковь Успения Божьей Матери, в Конгазе – Свято-Никольская церковь, освящена в 2000 году. Верующие получили церкви, права и свободы, которые помогут преодолеть пропасть между Богом и человеком.

Одним из самых известных гагаузов начала XIX века является Захарий Дмитриевич Чакир. Семнадцатилетним юношей он принял священнический сан и вскоре был отмечен царским правительством – наравне с российским духовенством награжден бронзовым крестом за войну 1812 года. В 1819 г. о. Захарий организовал переезд жителей села Чадыр в Буджакскую степь, став основателем Чадыр-Лунги. В этом же году отстроил с прихожанами церковь, при которой открыл школу грамотности, одну из первых в Бессарабии. Внук о. Захария – протоиерей Дмитрий Георгиевич Чакир, написал в 1892 г. «Биографический очерк рода и фамилии Чакир». В этом труде, исполненном смирения и достоинства, история рода неотделима от истории народа. Вот что писал о приверженности гагаузов православной вере Дмитрий Чакир: «Нужно представить себе, какую сильную веру и приверженность к религии христианской имели наши предки, и какую силу воли и железный характер нужно было иметь, чтобы сохранить самые основы христианского вероисповедания. К чести наших предков, при таких трудных обстоятельствах они смогли сохранить и сохранили самое важное: веру православную, имя и происхождение. И это дражайшее наследие, благодарение Богу, и по настоящее время твердо и непоколе-

Dmitry Chakir's baptismal record

бимо нашим потомством сохраняется».

Вот с каким благоговением описывает Дмитрий Чакир пастырскую деятельность своего отца в с. Чадыр-Лунга: «Особенно достойны замечания истинно пастырские его заботы о постройке новой каменной церкви. Приходская церковь, построенная в с. Чадыр-Лунга еще в 1825 году, при моем деде, о. Захарии, была очень малая и ветхая, вследствие чего он, надеясь на любовь и расположение своих пасомых, возбудил мысль о постройке новой церкви. Благодарение Богу, при несусыпных трудах и его энергии, по благословлению архиепископа

Антония, в 1860 году была заложена каменная довольно поместительная церковь, которая в 1867 году освящена была благочинным Елевферием Григорьевым, при участии многих священнослужителей, - в том числе и пишущего сии строки, и при многочисленном стечении народа из окружных селений. Нужно было видеть моего отца, когда он первый раз приносил бескровную жертву в новоустроенном храме, с каким умилением и слезами на глазах после окончания службы Божией: «Коль возлюблена селения Твоя, Господи сил желает скончаться во двори Господни». Он как служитель алтаря и раздаятель духовных даров благодати всегда отправлял все службы церковные с особенным благоговением, всегда он вставал к утрени в четыре часа утра. Живо помню, как в то время, обязательно в кафтане, являлся пономарь в глубокое утро праздника, не входя в комнату, читал пред дверьми молитву «Молитвами святых отец, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» и по получении ответа «аминь» входил в комнату, причем непременно говорил: «Благослови, отче, благовестить». Таким порядком в то время начиналось благовестие ко всем службам церковным. Все церковные службы совершались по чину и благообразно. Благообразное и точное исполнение при богослужении церковного чина или устава неволью возбуждали в душе каждого богомольца в храме Божиим религиозных чувств и полагали к молитве, вызывая неволью крестное знамение. Присутствовавшие при таком бого-

служении – этому свидетели. Не скоро изгладится из памяти чадыр-лунгских прихожан его умирительное до глубины души священнослужение. Чтение молитв, особенно Евангелия, и произношение ектеньи и возгласовать, совершавшееся всегда с чрезвычайной ясностью, внимательностью, расстановкой и чувством, трогали предстоящих до глубины души. Чтение 12 евангелий на утрени великого пятка часто прерывалось от внутреннего сильного волнения чувств, слово его изнемогало и голос дрожал, а другой раз заметно было в нем усилие подавить в себе это волнение религиозных чувств. Голос он имел твердый – сильный тенор. И надобно было побывать в Чадыр-Лунгском храме в то время, когда мой отец, например на литургии преждеосвященных даров, с кадилом в руках, пред престолом пел один «да исправится молитва моя», или пред плащаницей, среди храма, певал тоже один «Благообразный Иосиф», а также светлого дня Христова «Воскресения день» звучный его голос разливался и чисто, естественно, свободно. Без сомнения, многие из пастырей церкви русской певали и поют теперь гораздо искуснее моего отца, но речь идет не об искусстве, а о том впечатлении или, пожалуй, влиянии, какое своим пением, чтением и действием при богослужении производил отец мой на своих тогдашних прихожан, и какое сохранилось в памяти моей и прихожан с. Чадыр-Лунги»⁹.

Нерасторжимыми узами был связан с народом протоиерей Михаил Михайлович Чакир – ученый, писатель, общественный деятель. В 1881 г. он работал учителем Кишиневского духовного мужского училища и священником при церкви этого же училища. Вся жизнь его была наполнена неустанным трудом, который нес народу свет просвещения. Главная заслуга религиозной деятельности М. Чакира заключается в переводе церковной службы с русского языка (малопонятного многим гагаузам в то время) на гагаузский язык. Он перевел и издал главные книги и молитвы православия: «Псалмы», «Начало христианского учения с кратким катехизисом», «Святую историю церкви старого и нового завета», «Церковную историю», «Историю старых святых», «Историю новых святых» и др. В 1904 году он ходатайствовал перед Священным Синодом о разрешении печатать газету на гагаузском языке. Получив разрешение, Чакир несколько лет издавал в Кишиневе религиозную газету-листок. Деятельность М. Чакира не вмещалась в религиозные рамки. Область интересов просветителя распространялась на историю, этнографию, языкознание, топонимику и т.д. Выдающийся сын гагаузского народа по праву занимает достойное место в ряду деятелей куль-

туры молдавского народа. По словам Н. Костенко, редактора журнала «Viața Basarabiei», отец Михаил Чакир открыл в 1900 году в селе Скиноаса церковную школу. Через год купил на свои деньги участок, построил за свой счет монументальный каменный дом для школы. Дом вместе с участком и всеми построенными на нем зданиями для хозяйства школы подарил жителям села Скиноаса, пожертвовав также средства на содержание этой школы.

Продолжателем традиций христианской тюркоязычной литературы, принесенной с Балкан, стало гагаузское православное духовенство на территории Бессарабии. Во многом это случилось

благодаря видному гагаузскому просветителю протоиерею Михаилу Чакиру. С учреждением в Кишиневе переводческой комиссии в 1906 г., которую возглавил протоиерей, появились переведенные на гагаузский язык «Евангелие», «Псалтырь», «Часослов», «Акафист», «История святых» и других церковных книг¹⁰. Одновременно Чакир издавал православную газету на гагаузском языке «Хакикатын сеси»¹¹ («Голос истины»). Употребление им арабо-персидских слов и выражений доказывают, что переводчик использовал в своей работе арсенал караманлийского языка. Архиепископ Владимирский и митрополит Макарий (с обоими протоиереями Чакир встречался в 1907 году) высоко оценили христианскую литературу на гагаузском языке.

В 30-е годы М. Чакир продолжил свою переводческую и издательскую деятельность на гагаузском языке с использованием румынского алфавита. В 1934 г. была опубликована книга «Basarabieala Gagauzlaran istorieasa» («История гагаузов Бессарабии»). В 1936 г. М. Чакир опубликовал на румынском языке статью «Obiceiurile Găgăuzilor la nunți» «Свадебные обряды гагаузов». В 1935 г. было напечатано в Бухаресте «Евангелие от Марка» на гагаузском языке «Ai (Aiozlu) Evangheliia Markudan»¹².

Библиографический справочник П. Драганова содержит сведения о том, что в 1879 г. германский генеральный консул в Одессе Блау Отто Г. опубликовал в журнале «Zeitschrift der Deutschen Morgenländisch en gesellschaft V.XXIX» статью «Volksthum und Sprache der Kumanen»¹³, в аннотации к которой П. Драганов о первоисточниках по языку гагаузов сообщает, что «была сделана попытка перевести на

этот язык одну трагедию Еврипида и этот отрывочный перевод напечатан греческими буквами». В 1878 году в Афинах¹⁴ вышла в свет поэма Д. Крахтоглу на греческом языке, посвященная Каварненскому восстанию. Фольклор, собранный В.А. Мошковым, впервые появился в 1896 году в сборнике «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» в статье «Материалы этнографические. Гагаузские тексты»¹⁵. Самый объемный материал по гагаузскому фольклору «Наречия бессарабских гагаузов» вышел в 1904 г. в сборнике «Образцы народной литературы тюркских племен», изданном академиком В.В. Радловым¹⁶. В 1933 г. статья, посвященная песенному творчеству и этнографии села Конгаз¹⁷, была опубликована уроженцем этого села Г. Занетовым. Устное народное творчество, собранное А. Мановым, вошло в его книгу «Происхождение гагаузов, их обычаи и нравы»¹⁸. Этот труд появился в Варне в 1938 г.

Особое место в истории языка занимает литература гагаузских авторов на русском языке. В 1891 году братья Фазлы перевели стихи А.С. Пушкина¹⁹. Но и здесь авторами-первопроходцами оказались Чакиры. Дмитрий, например, написал «Биографический очерк рода и фамилии Чакир»²⁰, увидевший свет в 1897 году.

Михаил Михайлович Чакир – сын протоиерея Михаила Чакира. Драматург из знаменитого рода гагаузских просветителей. Офицер царской армии, прошел первую мировую и гражданскую войну, сталинский ГУЛАГ.

К сожалению, Михаил Чакир – еще один яркий пример забвения культурных ценностей, созданных нашим народом в тяжелые годы войн и террора. Творчество драматурга Михаила Михайловича Чакира, потомка наших просветителей, подполковника царской армии, участника I мировой войны, остается мало известным читателю.

Интерес к сочинительству сочетался у Михаила Чакира-сына с призванием военного. Он окончил военное училище, служил в кавалерийских частях. Воевал в годы I мировой войны, был награжден орденами. Чакир создал свой отклик на тему войны или войн (мировая превратилась в гражданскую). Это голос персонажа из пьесы «Прибой войны» – негромкий, удивительно искренний, исполненный поразительной духовной силы. «Тяжело, сознаться, бывает. Неохота как-то и рассказывать. Впечатлений так много и таких сильных, что и не расскажешь. Война подавляет все. Хуже всего, безусловно, в начале войны: нет привычки. Тяжело и невыносимо – пока война не принизит, не приутпит, не убьет в тебе постепенно: привязанности, знания, силу мысли,

воображения, пока своими ужасами, более сильными, чем сама смерть, война не создаст в человеке приниженную покорность, мрачное терпение, привычку и почти безразличие к жизни и смерти. Война – это переворот всего в человеке: жил для себя и думал о благополучии своей особы, а тут ты – ничто, совсем ничто – средство убивать других и мишень. Впрочем, одно только нужно – привыкнуть к мысли, что тебя убьют, и что это вовсе, в сущности, не большое происшествие!»

Информация о пьесах Михаила Чакира «Прибой войны», «Тело женщины» появилась в печати Молдовы в конце XX века. Но, к сожалению, с именем автора вышло недоразумение, которое разъяснил читателям 16 мая 1997 г. гагаузский поэт и ученый Петр Чеботарь в статье «Сын священника и... «Тело женщины». Он пишет, что драматург – не протоирей Михаил Чакир, а его сын, офицер и тоже Михаил.

Литературное наследие Михаила Чакира-сына состоит из 5 больших пьес. Первую пьесу, «Тело женщины», автор опубликовал в 1927 г. В предисловии к ней сказано, что это современная драма в 4-х частях (7 актов). Затем последовали «Прибой войны», трагедия-хроника, издана в 1929 г. Кроме того, Чакир написал драму «Дым и огни» и две комедии: «Ты не мужчина» и «Сватовство товарища делегата».

«Тело женщины» - пьеса о 30-х гг. XX века в Бессарабии, об атмосфере провинциального города, лихорадочной погоне за удовольствиями, о превращении женщины в фетиш, лишенный реальных чувств и желаний.

Примечательна сцена расправы красноармейцев над Альбином, героем «Прибоев войны». Вот его монолог, который, несмотря на флер романтизма, звучит убедительно, потому что много раз проносился в сознании Михаила Чакира, находящегося на краю гибели. «Темные, дикие люди! Вы хотите меня убить? Я знаю, что вы меня убьете! Хотите отнять у меня жизнь? А я вам говорю: я смерти не боюсь!.. И что бы вы ни делали, мимо всего этого дикого и злого наваждения, мимо и через вас придет к нам свет... И заблестит скоро заря, потому что существует Бог...»

Талант драматурга так и не успел раскрыться до конца. Судьба Михаила Чакира сложилась трагически. В 1940 г., когда советские войска вступили в Бессарабию, Михаил Михайлович гостил в Бухаресте. Родственники умоляли его не возвращаться, но в его доме в Измаиле осталась большая коллекция картин. Конечно, трудно объяснить приезд желанием спасти коллекцию. Больше похоже на бессознательный отчаянный вызов времени, которое было к нему жестоко, как к пасынку, отказ повиноваться грубым, тяжелым реалиям. И время сделало свой ход. В Измаиле Чакир был арестован и осужден на длительный срок сибирских лагерей. Умер в 1971 году.

Хорошее знание русского языка сыграло большую роль в судьбе уроженца Комрата Алексея Барладяна (1883 – 1960 гг.). Юноша из Комрата в 1907 г. поступил в Берлинскую сельскохозяйственную академию, затем учился в Лейпцигском университете. В 1912 г. он работал в Институте ботаники Бернского университета. Молодой ученый занимался проблемами наследственности. Когда в 1916 г. Барладян приехал в Россию, в Петербурге был опубликован его большой труд «Опытные (экспериментальные) основы дарвинизма», который внес значительный вклад в развитие генетики. В 30-е гг. он работает в научной лаборатории в Бендерах, затем – в Академии наук Молдавской ССР, пока не начались гонения на «реакционную лженауку» – генетику. В 1903 г. Барладян, призванный в царскую армию, был арестован за революционную антивоенную пропаганду, судим и приговорен к 6 месяцам тюрьмы. Кто бы ни вдохновил новобранца на этот впечатляющий эпизод, вряд ли можно расценивать его как серьезное погружение в политику. В те времена каждый порядочный человек был или чувствовал себя социалистом. Арест Барладяна в конце 40-х тоже, в сущности, не политический, скорее профилактический: чтобы ничто не выделялось из общей массы. Нивелирующий репрессивный конвейер.

В лагере Алексей Георгиевич пробыл до 1956 г.: после смерти Сталина понадобилось еще несколько лет, чтобы генетика перестала быть «реакционной». Блестящий ученый европейской школы, стоявший у истоков новой науки, вернулся из заключения тяжело больным. На свободе его ждали нищета и безвестность. В 1960 г. Алексей Барладян умирает, а в 1994 в Кишиневе устанавливают мемориальную доску в память о первом генетике Бессарабии.

Судьба Дмитрия Тукана (1903 – 1938) тоже связана с русским языком и с русской культурой. Дмитрий Алексеевич Тукан родился в Комрате в 1903 году. Осенью 1918 года отец Дмитрия, не желая оставаться жить в Бессарабии, где установилась власть румынского государства, тайно перевез семью на территорию Советской России. После тяжелых лет гражданской войны 1918-1921 гг. в Советском Союзе для Дмитрия начинается новая жизнь, открывшая большие возможности для получения образования и в дальнейшем занятия научной деятельностью в области сельского хозяйства. Несмотря на то, что родина осталась за границей, Дмитрий не забывает о Бессарабии, о Комрате, где прошло его детство. Их семья становится активным членом общества бессарабцев, о чем свидетельствует его письмо, опубликованное в журнале «Красная Бессарабия» в 1934 году. В нем он пишет о своей жизни:

«Работал я на производстве, работал в комсомоле, в 1925 году вступил в партию, служил в Красной Армии, в 1929 году поступил в Тими-

рязевскую академию, окончил плодово-ягодный факультет. В городе Мичуринске (бывший Козлов) работаю как агроном-плодовод, на селекционно-генетической станции имени Мичурина, и учусь в институте аспирантуры». Во время учебы в институте аспирантуры, который был создан при ВАСХНИЛ, Дмитрий Алексеевич Тукан работал над кандидатской диссертацией.

Молодой исследователь пытался поделиться своим практическим опытом, наработанным за годы работы в селекционно-генетической станции имени Мичурина. Он обращается к землякам со словами: «Бессарабцы, занимающиеся и интересующиеся плодово-ягодным хозяйством в колхозах и совхозах, прошу поделиться со мной через редакцию нашего журнала своим опытом. А я, со своей стороны, готов поделиться с ними опытом работы Мичурина и его ученико и давать практические указания относительно разведения (особенно в северных промышленных районах СССР) мичуринских сортов яблок, ягод и др. культур».

Конечно, за отсутствием достаточных документальных материалов невозможно подробно рассказать о жизни и научной деятельности Дмитрия Алексеевича Тукана. Необходимо отметить, что институт аспирантуры, где учился молодой ученый, был создан при ВАСХНИЛ в 1930 году. В этом учебном заведении учились у академика Вавилова молодые селекционеры и генетики. Именно в те годы начались гонения на ученых, занимающихся исследованиями в области генетики растений, жертвой которых пали академик Н.Вавилов и другие ученые. Не в этом ли разгадка судьбы селекционера-генетика Д.А.Тукана?

В архивной справке, адресованной государственному историческому музею Кишинева, сообщается: «В архивном фонде Центральной генетической лаборатории им. Мичурина в списках сотрудников селекционно-генетической станции (СГС) им. Мичурина за 1934 год и Центральной генетической лаборатории (ЦГЛ) им. Мичурина за 1936-1937 гг. значится Тукан Дмитрий Алексеевич, старший техник, поступивший на работу в 1933 г.». Подтверждением этому является письмо из Центральной Ордена Трудового Красного Знамени генетической лаборатории имени И.В. Мичурина от 25.10.89 г. за № 01.427, адресованное дирекции Государственного исторического музея Кишинева, где говорится:

«В приказе № 71 от 28.12.37 г. имеется следующая запись: «Вследствие сокращения на 1938 год объема научно-исследовательских работ и ввиду исключения из проблемно-тематического плана селекции по землянике, - приказываю: техника Тукан Дмитрий Алексеевича, работающего по разделу земляники, с 1 января 1938 года от работы освободить». Освобождение от научной работы в 1938 году означало только одно: арест и репрессии со стороны карательных органов НКВД.

Георгий Николаевич Балабан (1880–1961) не писал книг, не увлекался живописью. Он был очень хорошим учителем русского языка. Кроме того, он всю жизнь собирал материалы по истории гагаузов.

Георгий Балабан рос в семье зажиточного крестьянина из Комрата. Отец не пожалел средств на образование сына. После школы Георгий окончил реальное училище. Потом поступил в Одесский Новороссийский университет. Вернувшись с дипломом в Комрат, молодой специалист по филологии с головой окунулся в школьные будни. Это была завидная карьера для провинциального юноши. Редкому молодому человеку с юга Бессарабии удавалось получить университетское образование. Это было то время, когда учительство относилось не к профессии, а к жизненным идеалам, верность которым ее представители несли через всю жизнь. Именно поэтому в 1940 году Балабан, подобно многим дипломированным специалистам, не уехал в Румынию. Судя по всему, Георгий Николаевич решил, что разделит со своими воспитанниками все, что несет новая власть. Каток сталинских репрессий миновал учителя. С годами возросло число преподаваемых им предметов. Кроме русского языка, Георгий Николаевич стал преподавать румынский, а потом немецкий и французский, которые он выучил самостоятельно.

Так в чем же значимость этой непримечательной судьбы? В 1945 году в Комрате побывала географическая экспедиция Академии наук СССР. Через год ее руководитель опубликовал в популярном журнале «Вокруг света» (1946 год № 5, 6) статью «В краю гагаузов». Сведения, изложенные в ней московским ученым В. Покшишевским, автор почерпнул из общения с местным учителем Георгием Балабаном. Оказалось, что всю свою жизнь этот скромный от природы сельчанин изучал историю своего народа. Если бы не географическая экспедиция, то вряд ли бы кто-то об этом узнал.

В числе переселенцев, которые из Бессарабии перебрались в Бразилию, оказался Емельян Стойков. Добровольцем в составе интербригады он воюет на гражданской войне в Испании. Его корреспонденции из окопов публиковались в журнале «Красная Бессарабия», который издавался бессарабским землячеством в Москве²¹. Белым пятном в истории гагаузской литературы остались этнографические исследования Х.А. Монастырлы²².

В 30-е годы в румынских газетах и журналах появляются материалы представителей гагаузской интеллигенции. Один из них - учитель из гагаузских школ В. Касым²³ из с. Авдарма.

Малоизвестной частью гагаузской литературы являются авторы, жившие в Турции в 30-е годы XX века. Среди них - писатель Доган Дан, автор повести «Akinciар». Уроженец села Кобей П.С. Заврак опубли-

ликовал собранные им народные песни и фольклорные тексты в журналах²⁴. В турецкой музыкальной энциклопедии 1947 г. появилась статья музыковеда Василия Екюзчу «Gagauz halk turkuleri»²⁵ («Гагаузские народные песни»). Кроме специального музыковедческого содержания там есть ряд сведений этнографического характера. Вторая часть этого материала представляет собой краткий этнографический очерк.

В 40-50-е годы XX века просветительской деятельностью занимались учителя старшего поколения, получившие высшее или среднее образование в царской России, румынский период. Например, учителя Георгий Балабан (Комрат), Гаврил Жежу (Конгаз), Николай Танасоглу (Кириет-Лунга), Александр Банев (Виноградовка) и др.

С приходом в Бессарабию советской власти в начале 50-х годов XX века начался новый этап в жизни гагаузов, который характеризовался ускоренным развитием культуры народа путем массового приобщения к русскому языку. Существенный вклад в расширение культурного кругозора гагаузов вносили сельские библиотеки. В чадыр-лунгской районной газете еще в 1952 г. отмечали хорошую работу библиотеки в селе Томай, где на каждого читателя в среднем пришлось по 13 прочитанных книг, вулканештская газета рассказывала о работе библиотеки села Этулия, услугами которой пользовались 572 читателя. Фонды библиотек в 50- 60-е гг. постоянно пополнялись, и обеспеченность гагаузских сел литературой соответствовала среднереспубликанскому уровню. В 1972 г. фонд библиотек Вулканештского района составили 303 тыс. экземпляров книг и журналов, в Комратском – 277,3 тыс., в Чадыр-Лунгском – 375,9 тыс. В среднем библиотечный фонд одного района Молдавии в то время составлял 373,8 тыс. экземпляров.

Любимым развлечением населения, особенно молодежи, стало кино. В 50-е гг. кинофильмы в сельских клубах показывали, главным образом, при посредстве узкоплечных кинопередвижек. К концу этого периода почти все сельские клубы обзавелись стационарными киноустановками, а 70-е гг. более 50% киноустановок были заменены аппаратами для просмотра широкоэкранных фильмов и, хотя популярность киносеансов снижалась в связи с развитием телевидения, в Вулканештском и Чадыр-Лунгском районах число их посещений населением превышало уровень, средний по Молдавии. В 50-е гг. предпринимались попытки использовать кино в целях повышения культуры земледелия. «Особенно хорошо, - отмечено в ведомственной справке 1954 г., - организован показ сельхозфильмов в Комратском р-не кинемехаником т. Тукан, на сеансах которого проводятся лекции и обсуждения просмотренных фильмов²⁶».

В Комрате, Чадыр-Лунге, Вулканештах были построены Дворцы культуры, а в большинстве сел – Дома культуры, в которых показывали кинофильмы, проводили репетиции хоры, другие коллективы художественной самодеятельности. В Комратском районе были созданы духовой оркестр, оркестр народных инструментов, сводный хор в составе 600 чел. и танцевальный коллектив из 100 танцоров. Они успешно выступали на республиканских смотрах, исполняли песни самодеятельных авторов. В 60-е гг. в Комрате и гагаузских селах появились самодеятельные вокально–инструментальные ансамбли.

В 50-е гг. в жизнь гагаузского села вошло радио, а в 60-е – телевидение. В 1974 г. 26% жителей гагаузского села имели в доме радиотрансляционные точки, передававшие наряду с мировыми, общесоюзными и республиканскими известиями также местные новости, народную музыку, литературные передачи. 66% гагаузских семей располагали радиоприемниками, а 47% – телевизорами.

Наглядным свидетельством пробуждения исторической памяти гагаузского народа стало создание в Комрате, Вулканештах, Чадыр-Лунге историко-краеведческих музеев, а в селе Бешалма – историко-этнографического. Последний был учрежден в 1966 г. по инициативе писателя Д.Н. Карачобана, ставшего его первым директором²⁷. Фонды музеев постоянно пополнялись предметами культуры и быта, документами, фотографиями, записями гагаузских песен. Только в Бешалминском музее было собрано более 2 тыс. ценных экспонатов²⁸.

Культурный подъем гагаузского этноса был ускорен массовым приобщением гагаузов к русскому языку. Чем убежденнее делали гагаузы русский язык своим национальным достоянием, отмечает М.Н. Губогло, тем ошутимее становился их вес в общественной жизни Молдавии. Формирование этнической идентичности гагаузов на основе двух языков, гагаузского и русского, позволило им в исторически короткий срок обрести многочисленный отряд работников умственного труда.²⁹ В Комрате и Кишиневе сформировалась группа гагаузских литераторов и журналистов, а в учреждениях Академии наук МССР и в высших учебных заведениях выросло поколение научных работников-гагаузов. В их числе упомянутый почетный академик АНМ М. Губогло, Г. Гайдаржи, С. Куроглу, М. Маруневич и другие.

В 50-е годы XX в. начинает развиваться гагаузская художественная литература. Появляются писатели Н. Арабаджи, Н. Танасоглу, Д. Танасоглу, Д. Карачобан, М. Кеся, Н. Бабоглу, С. Куроглу и др. К сожалению, развитие гагаузской литературы проходило в трудных условиях ввиду объективных и субъективных причин. За тридцать лет было выпущено всего 30 сборников художественных произведений на гагаузском языке мизерным тиражом, в том числе 8 сборников прозы,

21 сборник стихов, книга переводов с русского на гагаузский; в переводе на гагаузский язык были изданы также три научно-популярные брошюры исторического содержания и некоторые другие работы³⁰. Участницы этнографического хора села Бешгиоз собрали, обработали и вернули к жизни старинные гагаузские песни³¹. Событием культурной жизни народа явились постановки пьес Д. Танасоглу «Буджакта йалын» и «Оглан хем Лянка». Их увидели тысячи зрителей а гагаузских селах³². В 1982 г. вышел первый роман на гагаузском языке «Узун керван» («Долгий караван»), написанный Дионисием Танасоглу.

Ориентация на современного двуязычного гагаузского читателя, ценящего книгу не только за то, что она издана на родном языке, но и за художественные достоинства, знакомство гагаузских писателей с богатейшей русской культурой помогло им быстро преодолеть последствия социальной незрелости гагаузского общества и провинциализм, неизбежный и для литератур гораздо более многочисленных народов. Гагаузские писатели и поэты воспевали трудолюбие гагаузов, родной язык и природу Буджака, тепло родного очага. Наиболее важным для развития гагаузской культуры был вклад гагаузских писателей и поэтов в разработку стандартов гагаузского литературного языка. Молодая художественная литература формировала этническую идентичность гагаузов. Литераторы приступили к поиску в прошлом гагаузского народа славных событий, легендарных героев, знаменательных дат и выдающихся деятелей³³.

В 60-70-е годы XX в. в деле национальной консолидации народа большую роль сыграл гагаузский писатель Д.Н. Карачобан. Параллельно художественному творчеству писатель уделял много времени созданию историко-этнографического музея в селе Бешалма. Его усилия увенчались успехом. Село Бешалма стало известным не только в СССР, но и во многих странах мира. К Д.Карачобану приезжали ученые, писатели, журналисты. В результате на страницах различных изданий появились материалы по гагаузской истории и культуре. В эти же годы активно работал талантливый гагаузский художник Д.Савастин. Проведение художественных выставок в Комрате, Кишиневе, Москве и др. городах пропагандировало культуру гагаузского народа.

По уровню своего функционального развития гагаузский язык, естественно, не мог соперничать с молдавским или известным каждому гагаузу русским языком. Его литературные стандарты были попросту неизвестны большинству гагаузов. Как и молдаван, русских, украинцев, болгар и другие народы, не обошел гагаузов и процесс забвения традиционной культуры. «Современное поколение молодых людей, - отмечали публицисты и ученые, - уже не владеет фольклорным наследием народа, не поет колыбельных песен своим детям, не расска-

зывает им сказок на родном языке, дети не играют в национальные детские игры»³⁴. Но эти явления не могли перечеркнуть в сознании народа положительной оценки итогов социально-культурного развития гагаузов в 50-80-е гг.

Повышение благосостояния и подъем культуры способствовали упрочению национального сознания гагаузов. Несмотря на всеобщее знание русского языка, 96% гагаузов считали родным именно гагаузский язык и говорили на нем.

Подъем гагаузской культуры создал условия для расширения общественных функций гагаузского языка. В 1986 г. было возобновлено изучение гагаузского языка в школе (факультативно, в 7-10 классах). С 1 сентября 1989 г. в школах районов компактного проживания гагаузов гагаузский язык был введен как обязательный предмет изучения с первого класса, был издан гагаузский букварь, возобновлена подготовка преподавателей гагаузского языка в Кишиневском педагогическом институте им. И. Крянгэ.

Со второй половины XX века гагаузы Молдавии, Украины и России учатся в русских школах, получают высшее и среднее образование на русском языке. Появляются национальная интеллигенция, ученые, военные, общественные деятели, политологи, свободно владеющие русским языком. Русский язык стал вторым родным языком гагаузов. И они по праву пользуются всем духовным богатством, которое создала великая русская культура. Сегодня трудно представить гагаузов без русского языка. Маловероятно, что гагаузы откажутся от русских школ и перейдут на другой язык. Потому что образование, полученное на русском языке, делает гагаузскую молодежь конкурентоспособной в этом быстро развивающемся мире.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. *Дмитриев Н.К.* Материалы по османской диалектологии. Фонетика «караманлийского» языка, «Записки коллегии востоковедов» // Т. III. 1928. С. 417-458; Т. IV. С. 107-159. 2. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLIV, № 1, 1900; кн. XLVIII, № 1, кн. XLIX, № 2; кн. LI, № 4, 1901; кн. LIV, № 3, кн. LV, № 4, 1902.

3. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. Кн. XLIX. № 2. 1901 С. 42.

4. Псалтырь. Фонд музея с. Бешалма.

5. «Алексиос Аллахын адамы» (личный архив автора).

6. *Е. Kvilinkova.* Moldova gagauzlari halk turkuleri // Kisinov, 2003. S. 7.

7. *Лотоцкий П.А.* Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишиневской духовной семинарии за столетие существования (1813-1913 гг.). Кишинев, 1913. С. 10.

8. *Сатмарь А.* Монография села Вулкэнешть Кагульского уезда» (1920 г.) // Вести Гагаузии. 2005, 23 сентября. № 142.
9. *Чакир Д.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 44.
10. *Ciachir M.* Basarabiealâ Gagauzlarân istorieacâ. Chişinău, 1934. P. 36.
11. *Булгар С.* Гагаузские судьбы // Кишинев, 2003. С. 27.
12. *Doerfer G.* Die gagausische literature // Philologiae Tucicae fundama. T. 1. Wiesbaden, 1959. P. 260-272.
13. *Драганов П.* Bessarabiana // Кишинев, 1911. с. 80.
14. *Крахтоглу Д.К.* Чееркезките кланета в градеца Каварна и в околните му гръцки села. Перевод с греческого в прозе Х. Кодова. Стилевая обработка Д. Кисьова // Каварна от древността до освобождението. Съставители В. Василев, Ц. Генев, Д. Кисьов. София, 1984. С. 230-252.
15. *Мошков В.А.* Материалы этнографические. Гагаузские тексты // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1896. Т. 12. Вып. 2.
16. *Мошков В.А.* Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен (сборник, изд. акад. В.В. Радловым). Т. X. СПб., 1904.
17. *Занетов Г.* Български народни песни от с. Конгазъ, Бессарабия // София, 1933.
18. *Манов А.И.* Потеклото на гагаузите и тяхните обичаи и нрави // Варна, 1938.
19. *Чеботарь П.А.* Гагаузская художественная литература (50-80-е годы XX в.) // Кишинев, 1993. С. 7.
20. *Чакир Д.Г.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Кишинев, 1899.
21. *Булгар С.* Гагаузские судьбы // Кишинев, 2003. С. 57.
22. *Там же.* С. 38.
23. *Там же.* С. 72.
24. *Doerfer G.* Die gagausische literature // Philologiae Tucicae fundama, t. 1. Wiesbaden, 1959. P. 260-272.
25. *V. Arseven.* Gagauz kompozitoru muzikologu ve folklorcusu // Ankara, 2004. S. 35.
26. *Там же.* С.179.
27. *Булгар С.* Гагаузские судьбы. Кишинев, 2003. С.138, 139.
28. *Верёбницкий С.* О чем рассказывают музеи. Кишинев, 1980. С.96.
29. *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов. Москва, 2004. С.127.
30. *Там же.* С.24.
31. *Губогло М.Н.* Указ. соч. С.172.
32. *Булгар С.* Указ. соч. С.110.
33. *Там же.* С. 141, 145, 148
34. О создании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. С.25.

Любомир МЕДЄШИ

АМЕРИЦКИ РУСНАЦИ ПРЕЗ СВОЮ ПРЕСУ

Руснаци ше почали насельовац на сиверни америцки континент од 1860. року, перше до Зєдинених Америцких Державох, а потим до Канади. Понеже америцки власци до статистики уселєнцох уношєли лєм податки о жеми походзєня (од 1889. року назначє ше и националну припадносц), руски пионирє насельованя Америки найчастєйше ше означовали як Руси, Мадяре, Австриянци, Поляци. Пре тоти причини, урядова америцка документация не достаточна же би ше утвєрдзєло точне число руского жительствова¹. Спрам податкох о висельованю зоз крайох у Европи дзе жили и по податкох о вирнїкох америцких церковних парохийох, лєм у ЗАД до 1914. року було медзи 125.000 и 150.000 Руснацох². Нєшка ше трима же у Америки єст коло 700.000 Руснацох, алє ше вони розлично декларую: спрам жеми походзєня блїзших предкох, спрам вирскей припадносци, спрам етнїчних назвох руского жительствова³.

До Канади, починаючи од 1891. року та по конєц Першей шветовой войны, насєлили ше коло 170.000 Карпатяне, преважно зоз Галичини и Буковини, алє и других обласцох дакедишней Австро-Угорскей. Канадским власцом ше приявївовали под меном «Руснаци» (Ruthenians). Медзи двома шветовима войнами присєлили ше ище коло 68.000, а по Другей шветовой войны коло 34.000, приношаци новє мєно «Українци», часто ше не одрекаючи ані од старого мєна⁴.

Мєдзи 1860. и 1910. роком Руснаци по чишлє висельованя з Угорскей до Америки забєрали трєцє мєсто, после Немцох и Словацох, та спрам податкох хтори поровновала Мария Маєр, Руснаци 1900. року у Угорскей творєли лєм 2,5% цалого жительствова, а у рамикох висельованя 3,8%⁵. Англїйски журналист Сєтон-Ватсон, вєльки поборнїк за национални права Слavianох у Габзбургскєй монархїї, на конєц прєшлого и на початку того вику тиж зазначєл же змєншани прирост руского жительствова («року 1880. их було 353.229, року 1890. було 379.786, а 1900. року 423.159») ⁶. Нови виглєдованя тиж окончовал А. Баран, приходзаци до заключєня же гоч угорски жридла податкох вєцєйраз приноша розлични числа, висельованє малє високи ступєнь, окреме при руским жительствова⁷.

Вєкши групи руского жительствова до Америки приходзєли понайвєцєй мєдзи 1880. и 1890. роком, у периодзе мєдзи двома войнами, такой

по Другей шветовой войны и тераз од шейдзешатих рокох. Углавним, найвекша часц уселенцох була мотивована зоз економским положеньом у старим краю и можлівосцу лепшого заробку у индустрийних америцких центрох. Миграция, усельоване политичного характеру було векшином по Першей и окреме по Другей шветовой войны. Медзи 1820. и 1896. роком миграция мала и вирски характер⁸.

Руснаци у ЗАД концентровани у сиверовосточних и сивероцентралних державох Конектикит, Нью Йорк, Нью Джерси и Пенсилвания, потим Огайо, Индияна и Мичиген, та аж на заходзе у Минесоти. У Канади су понайвещей у держави Онтарио, але тиж так и у Алберти, Квебеку и Британскей Колумбії. Попри векших, концентрованих групох, жию и по даскельо фамелиї або аж и поединечно.

Населенци до Канади преважно були земледілци и кажди други-трети одходзел до широкей прерії у провинцийох Манитоба, Саскачеван и Алберта, дзе канадска влада 160 акри (6,4 гектари) пустей жеми предавала за дзешец долари. Лем политични вибеженци гледали воену службу. У Галичини була організована окремна кампаня за селїдбу до Канади (укапчани до ней бул и познати културни роботнік Иван Франко). Кампаню розпочал Йосиф Олексив, агроном и публицист. Вон нащивел Канаду, презнал ше о условийох живота и можлівосцох за насельоване зоз Галичини, та написал два кнїжки: «О шлебодней жеми» и «О емиграції». Розпочало масовне пресельоване и перша канадска колония, Єдна Стар 1895. року так нагло поросла же ше почали творити нови. По 1914. рок створени прави блок таких колонийох у заходних обласцох Канади, од Алберти, през Ростери и Йорктон-Канора дистрикт у Саскачевану, по Дафин, Интер Лейк и Пис Ривер на другим краю Алберти. Велї з перших приселенцох не мали средства купиц жем, та поставали физични роботніки у вельких городох або у рудокопах и пиларньох на Роки гори, у сиверним Онтарию, Квебеку и на острове Капе Бретон. Медзи нїма ше затримало и єдно число Руснацох зоз Бачкей и Сриму (поединци, як Дюра Папуга зоз Едмонтону ноши почесне мено «пионира насельованя Дзивого заходу Канади»).

Рахуюци директних потомкох тих руских уселенцох котри пришли зоз старого краю, мож повесц же Руснаци розшати по цалим сиверноамерицким континенту⁹.

Од самого початку у америцких руских колонийох було організоване комуниковање през пресу, т.є. средства информованя. Преса, новини були важне средство отримованя национального духа, чувства колективней сигурносци и виражованя класно-политичних и религийних становискох и опредзеленьох. Окрем у поглядзе културней ориентації, руска преса мала улогу концентрованя, але и розбиваня Руснацох, бо ше державна подзеленосц у старим краю, политични гимбаня у Европи, але и

у Америки, як і розлични соціальни потреби і намагання одражовали на ушорйовацку политику і на обективни тираж виданьох. Окреме подзеленосц на припадносц гу Католицькей і гу Православней церкви америцких Руснацох розпинала у векшей мири як у старим краю і у преси заберала вецей места як були реални потреби од котрих завишело тирваце пестоване рускей заєднїци.

Найстарши руски новини у Америки зявели ше 1886. року под назву «Америка – орган руских преселенцох Галичини та Венгрії». Од самого початку, і попри амбициозних цильох яки означени уж у самей назви, були локального значеня, за руске жительство у Шенендоки, дежава Пенсилванія. Престали виходзиц о штири роки, 1890.

Найтиражнейши і по длужини виходзеня на першим месце «Американскій рускій вестник». Новини почали виходзиц 1892. року як тижньовнік, потим виходзели два раз і три раз до тижня, а по Другей шветовой войни лем раз у двох тижньох. Назва им пременена 1952. року на «Catholic Union Messenger» і под таку англійску назву виходза і нешка. Їх перши і длугорочни редактор бул Павло Й. Нашкович (1852-1914), народзени у Ужгородзе. До ЗАД Нашкович пришоу 1891. року, а уж идущого року постал редактор «Американского русского вестника» і полни дваец два роки ше намагал зачувац у тих новинох руски дух і независносц од мощного уплїву священства.

Найвечей читачох «Американскій рускій вестник» мал у чаше медзи двома шветовима войнами. Друковани є у 100.000 прикладнікох, бо Греко-католицьки союз, чий вон бул глашнік, мал теди коло 123.000 членох. Написи у тих новинох були переважно о: 1) руских националних питаньох; 2) Грекокатолицькей церкви; 3) соціальним, політичним і економским живоце Руснацох у Америки і Европи і 4) рижних реакційох на дзепоедни явни питаня. У новинох тиж так була стаємна рубрика за тих цо гледаю дакого од своєї родзини або познатих. Вшелїяк, скоро стаємне место мала релігійна часц і літературни написи, переважно проза.

Други новини, преса америцких Руснацох у сущносци почали виходзиц як реакція на ушорйовацку политику у «Американским русским вестнику», котра не могла буц неутрална на национални, політични, соціальни і релігійни питаня. Зоз реакції на кажде з тих питаньох і становискох редакції «Американского русского вестника» гу нїм, наставали нови струї хтори понайвечей, кед мали організовану основу, почали видавац своєю новини як средство за виражоване власних становискох і цильох. На таки способ, америцки Руснаци од перших рокох насельованя до Америки (ЗАД і Канади) по нешка, на англійским і часточне або у цалосци на своїм руским язичу видавали 15 дньово і тижньово новини, коло 40 часописи і преїг 10 рочни алманахи¹⁰.

Характеристични виданя

Попри «Американского русского вестника», котри гоч и под дакус вименену назву виходзи по нешка, скоро од початку ведно з нїм, але як реакция на тоти новини, виходзи «Свит» (од 1894. по нешка). Видавательна политика «Свиту» виходзи зоз стновиска же Руснаци часц велького русского народу, а часточне и зоз православного християнского вирского опредзеленя редакції. Познейше зоз таким националним и вирским опредзеленьом виходза новини «Правда» (од 1902. року по нешка), «Православни русски вестник» (1915-1917) и «Русский вестник» (1917. по нешка). Православни Руснаци мали и други свойи новини локального значеня, як наприклад «Православни гласнік» (1952. по нешка).

Понеже америцка руска преса скоро у целосци вязана за национални (братски) и церковни організації, новини унапрямени гу одредзеним читачом. Єдино новини «День» (1922-26) и часопис «Карпато-руски Американец» (1978. по нешка) не вязани за таки способ організованя. «День» були єдини руски новини у Америки котри виходзели кажди дзень. Редактор Михал Ганчин ше намагал же би тоти новини приносили висти зоз шветовой политичней и привредней сцени, інформації значни за живот емигрантох, окреме Руснацох, и понайвещей висти зоз старих русских крайох. «Карпато-руски Американец», як тримешачнік, спада гу часописом чия задача толковац прикмети русской култури и помагац младим америцким поколеньом же би цо вецей дознавали о своей националней прешлосци.

Медзи америцкими Руснацами окремну організацію, а потим и пресу мали Лемки. Вони ше організаційно повязовали як окремна група, але национално и культурно у составе русской америцкей заєдніци. Понеже руска америцка заєдніца нігда не була організаційно, але лем идейно оформена, рижни групи у ней були ей кельо на чкоду, тельо и на хасен, бо ше рижни интереси котри трапели русских уселенцох до Америки ніяк не могли задовольовац лем през єдну організаційну форму. Лемки ше як национална група очували у своїм старим краю, у Галичини, и обективни їх потреби були пестовац таки способ укапчованя до ширшей националней заєдніци з котру су культурно и историйно повязани. Преса на язичу Лемкох у Америки ше зявела досц позно, аж концом двацетих рокох того вику, понеже потамаль Лемки хасновали други иснуюци руски новинки. Перше ше зявела «Лемковщина» (1922-1923), потим «Лемко» (1928-1939), односно «Карпатска Русь» (1939. по нешка) як орган Союзу Лемкох, а з часу на час, у зависносци од превладованя рижних политичних моцох у шорох Лемко-Союзу и вонка з нього, виходзели и други новини упутени Лемком: «Лемковски дзвон» (1936-

40), «Лемковски вистки» (1958. по нешка), «Лемковина» (1971-1981), «Лемковщина» (1970. по нешка).

У зависности од политичних обставинах старог краю и интересох емиграцијних кругох у ЗАД и Канади, Руснацох ше пробовало придобиц за рижни политични и национални циљі. Руснацом ше признавало културно-историйне право националног обстојаня теди кед политично-административни роздзельованя у Европи окончовани и на основи уважованя обставинах у техничних матичних обласцох руского жительство, а не лем по узких империялистичних жаданьох вельких силох побидницох у Першей шветовой войны. Понеже з мировну догварку у Паризу Подкарпатским Руснацом требала буц дата автономия у рамикох держави Чехох и Словацох, у Америци ше чешко-словацки организацијі мушели прилагодзиц гу новей ситуацијі у складзе з тим. Прето, наприклад, «Канадийски листи» у поднаслову визначени як «єдини независни тижньовник Чехох и Словацох» (новини виходзели у Торонту у Канади), постали тижньови глашник и за америцких Руснацох. Прочехословацка политична ориентација видавателя «Канадийских листох» виражала ше и на тот способ же признате националне право Руснацох у Подкарпатскей Руси, у Америци трансформоване до меняння одношеня гу америцкому рускому жительству з боку Чехох и Словацох. Же би Руснацох придобили за себе, Чехи и Словаци мушели зменіц свою политику денационализацијі емигрантох зоз Подкарпатскей Руси и других европских крайох котри ше не одрекали од свойог националног руского мена. «Канадийским листом» преширени поднаслов на «єдини независни тижньовник Чехох, Словацох и Подкарпатских Русиных».

Язык

Язичне питанє америцкей рускей преси стари, але и актуални проблем. Кед ше концом прешлого вику почали зявйовац руски новини у Америци, питанє литературног языка у матичних руских обласцох не було ришене. Редакторе америцкей рускей преси ше не мали операц нї на яку общу заедницку основу. Прето ше розиходзели у поглядзе принципох на котрих би требало засновйовац писани язык.

У руских, карпатских матичних обласцох перши период у розвою литературног языка характеризує превага народног бешедног языка у церковних книжкох и теологийней полемики. У полемичних розправах руских грекокатоліцких и православних священікох у 17. и на початку 18. вику бешедни язык поставал више вецей писани язык. Медзитим, концом 18. вику праве священство не було задовольне же ше бешедни руски язык «уцагнул» до вирскей литератури. Пришло до наглей пременки и церковнославянски язык постал язык литератури руского

жительства, вшеліяк у такволаней подкарпатской редакції церковно-славянського языка. У тим поглядзе Руснаци не були винімок, бо ше под уплівом панславизма, жаданя же би ше Славяне збивали до єдинства, у церковнославянским языку видзело ришене за «общий язык» шицких славянских народох. У сущности славяноруска вариянта не була у целосци прилапена прето же ше и латински язык ише вше тримало за язык «высшей литературы». Ушлідзел период пребераня цужих языкох, русийского и мадярского. Русийски язык руским писательом випатрал як ключ зоз котрим ше уходзи до «велькей литературы», а мадярски, як средство з котрим мож висцерац чувство инфериорности до котерей Руснаци були историйно руцени. Заш лем, бешедни язык мал прихильнікох медзи писателями, у першим шоре з боку Александра Духновича (1803-1865), народного культурного руского будителя (док и вон не одступел од своїх становискох и врацел ше гу славянорускому языку «высокого стилю»). Контраверзнось не престала ані у штвартим периодзе кед под уплівом истрийно-политичних пременкох по Першей шветовой войны руске жительство ише вше недосць порихтане на єдинствену национально-культурну акцию. У зависности од того як видзене дальше национально-политичне ришене «русского питаня» (у рамикох Чехословацкей, царской Русиі, Мадярскей чи окремноей украинскей держави), у литературы цагане на бок русофилство, українофилство и русинофилство, вшеліяк и словакофилство и мадяронство. Народни бешедни язык бул и далей у хаснованю у литературы и окреме го потримовали українофили, тримаюци же по углядзе на Галичину у 19. вику и медзи Подкарпатским Руснацами поступне придзе до переходзеня зоз бешедного руского на литературни украински язык. Конечно, по Другей шветовой войны уведзени до литературы украински язык¹¹.

Америцка руска преса тиж не могла самостойно превозисць граніци розличного попатрунку на питане литературного языка Руснацох вообще и америцких Руснацох як часци рускей етнічней заєдніци розшатаей по Европи и Америки.

Еволюцию поставяня и ришованя рускей преси у Америки може илюстровац розвойна драга «Американского русского вестника». Тоти новини були задумани як глашнік за Руснацох-емигрантох з Угорскей и Галичини. Прето ше перши числа 1894. року зявели у двох редакційох: (1) зоз кирилским писамом и на «язычию русийского языка», медзи иншим, з характеристичним додатком «-мо» у першей особи плурала («Радуємося и веселимося презднику...») и (2) зоз латинским писмом и на такволанім «восточним словацким диялекту» (... Uň 5 roku je u Ameriky. on, abo ktoby o nim znal, nech bude laskavi pisac na adresu...). Понеже пришло до видвойованя Галичанох зоз Грекокатоліческого союзу русских братствох, 1896. року у «Американским русским вест-

нику» ше престало хасновац «галицизми», але тиж так утаргнута редакція «восточнословацкогo» языка. У 1919. року знова зменена редакторска политика (вироятно под уплївом обставинох у Европи, кед у рамикох Чехословацкей формована Подкарпатска Рус) и по 1927. рок новини знова виходза друковани зоз «гражданску» кирилицу и зоз словацку латиницу паралелно. Язык у «русской» и «словацкей» редакції у обидвох случайох бул исти, з тим же ше з часу на час зяйвовали написи на «восточнословацким» диялекту. Потим настала ера латинизації и на початку 30-тих рокох новини уж виходза друковани лем зоз латиницу. Источашне, од позних 20-тих рокох обявйоване написох на англійским языку постава вше частейша пракса, же би од 1952. року, кед новином пременене мено, англійски язык скоро цалком вициснул карпато-руски, а латиница кирилицу. По 30-ти роки хасноване етимологийне латинске писмо, а познейше лем верзия латиници¹².

У америцкей рускей преси вообще англійски язык превладад коло 1960. року, понеже му предходзел период билингвизма (1940-1950). Потамаль карпатски тип писаного языка хасновани бул у новинох «Американскій русскій вестник», «Восток» и «Русский вестник». Карпатско-руске нарече, з часци прилагодзене гу русийському языку, хасноване у новинох «Светь», «Правда» и «The Church Magsager», а литературни украински язык затримали «Вистник», «Лемковски висти» и «Лемковщина». У лемковскей преси цали час ест намаганя же би ше попри русийского и украинского языка затримал лемковски диялект. Найвирвалши у хаснованю украинского языка «Карпатска зоря», а русийского «Свободне слово», гоч тота преса настала и наменена є карпатскому рускому жительствоу котре тоти языки не хаснує дома¹³.

За карпато-руске нарече, прилагодзене гу русийському языку, було пробованя же би ше виградзели правописни правила. Священїк Осиф Ганюла видал 1919. року граматику и читанку, а 1935. року другу читанку. Петар Мацков, Дмитро Вислоцки и Стефан Пелепа видали буквари 1921, 1931. и 1938. року. Павло Р. Магочи видал два учебніки за закарпатску и пряшовску варианты карпато-русского языка: «Бисидуйме по руски» (1976) и «Говорим по руски» (1979).

Цо ше дотика фонології и системи писаня, спрам Чарлса Є. Бизела, основа языка америцкей рускей преси стандартни русийски язык, з векшим и меншим прилагодзованьом гу карпато-рускей бешеди. Фонология одражує традицийни карпато-руски способ, а не фонологию у русийским языку. Старославянске «ят» писане як «і» («наслідник», «віра», «бідний»), а єст и єден случай же ше писало «где», а не «гди». Розлики тиж єст у палатализації итд., але гоч ше при вигваряню хаснує «руски», «маси», «група», писало ше зоз удвоєним консонантом як у русийским: «русский», «масси», «группа». Медзитим, исти лингвиста

замерковал похасновани лингвистични украински и словацки форми, односно заеднїцки прикмети яки мож найсц при заходнославянских, та и южнославянских язикох¹⁴. Тиж так класификовал лексику котра не заеднїцка зоз русийским литературним язиком, але церковнославянским (**ибо, такмо, понеже, тоже, также, такодже**), украинским (**також, поза, серед, аж до, межи, през**), словацким (**подлога, рано, сполок, застава**), мадярским (**вико, нсмеш, шор, шорик, файта, сарка, усалашитися /од салаш/, орек, фалаток**), латинским (**меринда /полудзенок/**) и турским (**приканчати, балван**). Специфични приклади общеславянского походзена, але су не таки як у русийским, украинским або словацким язику: **хворота, усопший, очи, псовати, прозраджвати, вполни** итд. Обачлїве часте хасноване интернационализмох (**гаранция, телевизия, пропозиция**).

Уплїв англійского языка на язык у америцкей рускей преси виражуе ше на пейц способи: (1) з пребераньом англійских словох место руских (**чермон, амбасадор, стейт /дежава/, скешовати /плациц у готовим/**); (2) з хаснованьом руских словох котри знача исте як и у англійским (**фамилія**); (3) з частим хаснованьом словох котри з англійского языка постали интернационализми; (4) з пребераньом англійских фразох и идиомах (**имати хонор /мац чесц/, он бул инструментальним /вон бул главни/**) и (5) з прилагодованьом гу англійскей синтакси (**из Ателиос, предмиста Бенрут, Лебанон, из Сидней...**). Тиж так америцки Руснаци превжали англійски способ писаня календара (**марца 8-го**, место 8-го марца), але таке правило не прилапели шицки новини.

Обективни лингвистични обставини условйовали же ше язык у америцкей рускей преси могол розвивац лем по уж познатей шеми розвою литературних язикох. У литературних язикох у котрих за базу брата народна бешеда, могло ше рушац од языка литератури яка вещей не постої, та го осучасньовац (таки случай бул у Греческей). Часточна така ориентация присутна у америцкей рускей преси през виражени уплїв позней старославянскей литератури. Моголо ше, тиж так, за литературни язык вжац еден з диялектох котри хаснуе найвекша часц жительства, або є язык водзацїх политичних националних силох, яки случай бул зоз сучасним французким, италиянским и словацким язиком (по розширеносци то могол буц язык Лемкох, але политичну и привредну моц у векшей мири тримали прорусийски, проукраїнски, прословацки и промадярски ориентовани пасма). Шансу давала тиж можлївосц створиц язык компоновани з вещей або шицких диялектох на основи едного з нїх вибраного по флексибилносци, як то у модерним немецким, або по «чистоти», як було у твореню сербскогорватского языка. Почежкосц була у тим же медзи українофилами пановало прешвечен

же праве українськи язык ма найвигоднейшу базу у народней бешеди, не патраци на тото чи вона блізка и Подкарпатским Руснацом.

Кажда зоз спомнутих вариянтох була можлива у витворйованю писаного руского языка. З часу на час руски писателе у Америки пробовали применіц каждую з ніх окреме: єдни ше прикланяли гу рускей редакції церковнославянського, други виберали єден з диялектох же би го стандардизовали през своєю діло, треци по дацо виберали зоз трох можлівосцох, стараючи ше виградзиц штварти, восточнославянськи литературни язык з тим же провадзели таки намаганя у обласцох свойого политичного етноса. Було и таких котри занедзбали народну бешеду и писали по русийськи, українськи або мадярськи¹⁵.

Два основни фактори уплївовали на тото же америцки Руснаци не витворели єдинство свойого писаного языка. У першим шоре, понеже ше писани язык у одредзеной мири розликує од бешедного языка з котрого настал, а котри у якей мири є обєдинюючи – у такей мири є и змишани з вецей диялектох, необходни бул длугши час же би ше зоз фази превозиходзєня розликох прешло до фази нормованя языка. Америцким Руснацом таки час не бул обезпечени, бо процес американизации у велькей мири подрозумєє прилапйованє англійского языка як средства общєй комуникации. Окреме у преси алтернатива зоз англійським языком ше нательо швидко и силно надрильовала же рижни пробованя з нормованьом иновацийох у языку не могли буц превєрени и ище менєй общє прилапени. Руски язык нагло вимерал у бешеди, у литератури и у преси. Зоз америцким руским языком повтєрєл ше случай яки бул з цалим карпато-руським языком, же мєдзи руским жительством место национално-културного обєдиньованя, вонкашнї и интереси (териториялни претензии формованих державох, националистична експанзия штредньєвропейских народох, нагли дружтвєно-єкономски пременки примєрани гу єкономски розвитим народом, а не екстензивней приврєди у карпатским ареалє итд.) привєдли до процивного напрямю. Вєкшина руского народу културно и язично приклонєла ше гу українськей нации.

Зраженя под уплївом рєлигийней припадносци

Руснаци у Америки припадаю католицкей або православней християнськей рєлигии, алє рижним церквом: Византийськей рускей католицкей мєтрополитєн архидияцєзи, Америцкей карпато-руськей ортодоксней грекатолицкей церкви, Ортодоксней церкви у Америци, Рускей ортодоксней церкви у ЗАД, Українськей католицкей, Римокатолицкей, Словацкей, Византийськей грекатолицкей церкви, а дзєпєєдни протєстанти або другєй вирськей припадносци.¹⁶ Єдно число руского америцкого жительствова, окреме у новшим чашє, не повязанє анї до єднєй вирськей

орґанізації. Спрам церковних податкох, Официйного католицького именика за 1982. рок и Рочней кнїжки америцких и канадских церков за 1982. рок, коло 690.000 америцки Руснаци були християнскей вири и були члени рижних церковних орґанізаційох.

Розлична вирска припадносц од початку була препречене за обединьоване америцких Руснацох до єдней орґанізації, гоч би вона ані не мала вирски прикмети. Розединени спрам державного походзєня, язичних диялектох, локальних национальних назвох, локальних културних ознакох, социяльного походзєня, та и по географским розмесценю у Сиверней Америки, а подлежни уплїву церковних орґанох, понеже ше други национални предняки не зявйовали на даякей заєднїцкей, у першим шоре класней основи, руски уселенци ше поларизовали медзи собу, аж и по питаньох котри наставали на особней основи медзи священством, або медзи дзепоедними священїками и интелігенцію. Наприклад, владика Василь Такач як одвит на критики на його поступки у церковних питаньох, котри ше зявели з боку «Американского русского вестника», хаснуючи руске дружтво и його новини на «индекс» и забранел подлежним вирнїком же би их хасновали, читали або дакому другому препоручовали.¹⁷ У условийох такого одношеня єдного церковного орґана спрам єдней з найвекших руских орґанізаційох грожелла опасносц же придзе до розпадованя найстаршого и наймоцнейшого руского дружтва у Америки. Прето ше владикови Такачови мушело зробиц уступки. У тей явней полеміки на боку «Американского русского вестника» були новини «Восток», а на владиковим «Просвита». Подобне ше случело зоз зраженьом медзи двома священїками о питаню целибата церковних особох. У рускей преси ше тому давало вельке значене и розправа вжала ширши розмири як ше спочатку думало. Резултат бул же ше на чолє зоз священїком Тотом (як єдним зоз зражених), котрого помагала Православна мисия Русох у ЗАД, преїг 30.000 Руснаци одщипели од Византийскей католицькей церкви, прешли на православє и постали блїзки прорусийскей ориєнтації у национальным живоче.

Преса обяжно провадзела и часточне коментаровала зраженя у священїцких кругох. У першим шоре, руске священство пробовало затримац свою подлежносц єпархийом одкаль походза у старим краю, не припознаваючи подредзеносц локальних католицьких бискупох. Подзелени медзи собу на тих котри походза з Угорскей (зоз території Мукачевскей або Пряшовскей єпархії) и тих зоз Галичини, священїки за своєю цилї анґажовали руске америцке жительство и заєднїчку платформу за наступ нашли єдино по питаню потреби менованя окремого руского владика за Америку.¹⁸ Верховна власц Католицькей церкви у Риме перше лєм меновала Никофора Хоната за генералного викара 1893. року, потим Андрия Ходобу за апостолского визитора 1900. року,

а аж 1907. року за владу америцким Руснацом бул поставени Сотер Ортинский.

Кажди з них у националним и вирским живоце руского жительство запровадзовал свою концепцию. Андрия Ходоба бул промадарски ориентовани (вон и меновани на предкладане угорских власцох), игноровал священікох зоз Галичини и зоз своїм справованьом спричинел ище векше прорусийске и проправославне опредзелене америцких Руснацох, гоч його дійствоване у Америки требало неутрализовац таку ориентацию. Ходоба оповолани и католицке поглаварство од предложених кандидатох за владу тераз ше опредзелело за Ортинского зоз Галичини.

Владика Ортинский, противне скорейшому генералному викарови Ходобови, приводзел священікох зоз Галичини же би ослабел тих зоз Угорскей (у чаше його приходу до Америки там було 58 Карпатянох и 23 галицких священікох, а о пейц роки Галичанох було уж 70, а Карпатянох лем 65). Против себе мал вельку опозицию, дзепоедни парохії ше пробовали цалком оддвоїц, священіки преходзели на православие и за собу ведли и друге жительство, Руснаци по походзеню зоз Угорскей почали го наволовац «українским националистом», так же аж и «Американскій русскій вестник» станул на його охрану: «Владика Ортинский не українизовани... и нігда не трацел довирие наших карпаторуских людзох кед “соенинене” през свою пресу и нашо священство не буду против нього...»¹⁹ Владика Ортинский нагло умар 1916. року и ситуация вихаснована же би ше меновало двох окремих апостолских администраторох – єдного за Карпатянох зоз Угорскей, другого за Галичанох. На тот способ роздзеленосц ище баржей пришла до вираження, а кед 1924. року Карпато-Русини достали владу Такача (1924-1948), а Галичане, тераз уж наволонани и зоз новим меном – Українци, владу Богачевского (1924-1961), настал розкрок зоз глібокима историйними пошлїдками, понеже ше америцке руске жительство у велькей мири идентификуе зоз свою вирску и церковну припадносцу.

Спочатку у америцкей рускей преси религийни питаня мали превагу над написами зоз шветового живота, а 30-тих рокох того вику уж забєрали централне место. За остатні двацец роки, медзитим, «церковна» проблематика, окреме дискусия и полемика о религийї, звездени на цалком зневажуюцу миру.

Политични розправи

Провадзаци рост америцкого новинарства, и руска преса у периодзе своєї найвекшей експанзії, од 1910. до 1940. року, здобула прикмети модерного информования (у америцкей форми). Ориєнтоване було ище вецей на обявйоване висткох о шветових политичних и економских пи-

таньох и на политичне положене «старого краю». Америцки Руснаци ше чувствовали одвичательни за судьбу Подкарпатскей Руси после розпадованя Габзбургскей монархii и твореня новых державох у Европи. У преси ище пред войну котра вибухла 1914. року розпочата дискусия о економским и политичним положеню обласцох котри тримани за матични обласци америцких Руснацох. Виражоване вельке незадовольство з одношеньом царскей Русii, Угорскей, та и Полякох и Галичини гу карпатскому жительствоу котре ношело руску або украинску назву. Не було єдногласносци, окреме коло того чи Подкарпатска Рус може буц самостойна держава чи не, та заш лем найменей було закладаня же би вона требала остац у рамикох Мадярскей. У велькей мири дзекуючи праве политичному ангажованю америцких Руснацох вона приключена гу Чехословацкей як автономна обласц. Америцка руска преса по тим питаню була у векшей мири обрацена гу америцкей и шветоуей явносци як гу своім читачом. И познейше, у периодзе медзи двома шветовима войнами, а окреме после Другей шветовой войны, тота преса барз ангажована и критикуе вкупне положене своїх сонароднiкох у европских жемох чийо ше гранiци збиваю праве у руских матичних етнiчних обласцох, а лем новини «Лемко», «Карпатска Русь» и «Висник», з покус прихильносци гу советскей политики, маю умеренши тон и пробу розлучиц взагалъну критику на комунизем и третман конкретного питаня.

Цо ше дотика нукашней политики ЗАД и Канади, америцка руска преса у велькей мири пасивна. Спочатку було политични претензii же би ше уплiвовало на социялну политику и обширнейше ше писало о отримованю штраикох у котрих Руснаци не вше мали учасц. Кед ше вежне до огляду социялна структура руских емигрантох, же у першей генерации 55,2% були неквалифициковани роботнiки, 34,5% поликвалифициковани и квалифициковани, 10,3% були тарговци або паноцове, док медзи тоту генерацию вообще не було руководзацих людзох,²⁰ ситуацiя би мала буц иншака. Медзитим, америцки руски дружтва не були организовани на класней основи и як асоциации не участвовали у политичним нукашнiм живоце Америки. Тиж так були под моцним уплiвом церкви, а церковна гиерархия не допушовала индивидуалне ангажоване на политичним плане вонка з интересох церкви, та аж и ангажоване котре би могло буц вонка з ей уплiву. Тиж так, прейг америцкей рускей преси ше вичерповали моци коло питаня националней припадносци и националней политики Руснацох, так же социялни питаня и учасц руского жительствоу у америцким политичним живоце були цалком подрилени. Така ситуацiя одвитовала пануюцим политичним партиейом у ЗАД и Канади, бо розединени национални руски моци могли легчейше придобиц за свойо цилi. У страху од прерастаня национального (и вирского) органи-

зованя до политичного, котре би пре социялну структуру руского жительство могло мац виражену класну основу з прогресивними цїлями, америцки руски предняци, гражданского политичного опредзеленя або зоз шорох священства, не жадали полемичносц на политичней основї. Прето преса остала у тим поглядзе з пасивну улогу: з часу на час ше зявйовали інформації о збуваньох на нукашнім политичним плане, глорификовало ше америцку историйну прешлосц з цїльом змоцньованя америцкого патриотизма, окреме ше писало о вельких америцких вождох (Вашингтон и Линколн), але написи такого характеру були без коментарох котри би читача унапрямовали на еден або други политични бок. Понеже у другей и трецей генерації руских уселенцох до Америки значно звекшане число полупрофесийних и професийних руководзацих людзох яких у першей генерації ані не було, а у другей вони 16,7% и у трецей 52,9% од вкупного роботно активного жительство,²¹ мож предпоставиц же вони були укапчани и до активного политичного живота ЗАД и Канади. Окреме у Демократскей странки ше пробовало зоз организовањом Карпатско-русийского клубу, а у Пенсилванї 1970. року Руснаци сцели мац свойого кандидата за державни органи власци²², медзитим, руска преса у векшей мири не хаснована за отримоване сводомосци о националним походзеню, як за политичне дїйствоване на нукашнім плане. При штвартей генерації, у котрей лем дзепоседни поединци знаю язык зоз краю своїх предкох, змоцнело ше интересоване за питаня национального походзеня и у преси кажди таки напис превагуе над политичними питанями америцкого живота.

Розправи о националним походзеню

Початок америцкей рускей преси 4. децембер 1892. року, кед вишло перше число «Американского русского вестника» у Питсбургу, держава Пенсилванія. У наслове тих новинох не одступело ше од преважно-го наволованя руского жительство у карпатских и других европских обласцох. Язык тих новинох спочатку бул русийски, а потим карпато-руски, и нет сумніву же ше америцке руске жительство, односно Грекокатолицка уния як цело котре претендовало представляц Руснацох у Америки, свидомо вияшньовало за националносц розличну од русийскей. Потамаль покля ше интересне повязоване базовало у першим шоре на социялней и територіялней основї, а потим на державним походзеню, не були потребни виражованя о националних становискох. И вирска припадносц тиж так мала превагу над националним питаньом. У складзе зоз тедишнім положеньом у Австро-Угорскей, и у Америки ше хасновала назва Руснаци, Русини або Карпато-Руси. Зоз отвераньом питаньох у Европи о походзеню и назви Руснацох, и при америцко-

му жителъству ше зачина непомирлїва подзеленосц котра торва аж по нешка.

Галичане себе наволовали «Галицки Русини», а Карпатянох - «Угорски Русини». Руске мено Галичане затримали переважно по Першу шветову войну и з боку державних орґанох у ЗАД и Канади офіційно су наволани «Ruthenians». Медзитим, священство по походзеню зоз Галичини вше вещей було прихильне гу проукраїнскей орієнтації, але по чишле воно було слабше од священства котре до Америки пришло зоз Угорскей. На першим сходзе у Вилкел Бареу у Пенсилванії, 29. октобра 1890. року, од дзешец паноцох седем були зоз Угорскей, а лем троме зоз Галичини. На самим початку 20. вику у ЗАД Руснаци греко-католики мали 43 паноцох и з нїх 24 були зоз Мукачевскей епархії, 8 зоз Прешовскей, а лем 7 походзели зоз епархійох у Галичини. Спочатку греко-католици священїки не припадали под єдну церковну управу, оставаюци подчинени своїм владиком у старим краю. Кажди з нїх жадал и на националним плане завесц власне становиско витворене по углядзе на обласц у старим краю одкаль походзел. То була єдна з перших основних причинох дзелєня америцкоґо рускоґо жителъства, а познейше аж и причина оштрих зраженьох. На подзеленосц тиж так уплївовали политични интереси угорскей власци, як и вирски интереси Православней мисії Русох, бо кажде з нїх жада Руснацох у Америки вязац за себе²³.

Греко-католици союз, односно по офіційней назви Зєдинєне греко-католици руских братствох, як найстарша орґанизация здруженьох котри по рижних основах залапїювали америцке руске жителъство, прилапєне було спочатку од цалого жителъства, як того цо походзело зоз Подкарпатя, так и того цо було зоз Галичини. Орґан «Зєдинєня», як є популярни наволанє, «Американскїй рускїй вестник» тиж були заєднїци новини. Розход почал 1893. року, кед Галичане, предводзєни зоз паноцом Янком Констанковичом, напушєли «Зєдинєне» и 22. фебруара 1894. року основали Руски народни союз (нешка под назву Українски народни союз). Тота група почала виношиц своєю становиска о националним походзеню и вирских питаньох преїґ новинох «Свобода», а котри почали виходзиц ище 15. септембра 1893. року у Джерси Ситию²⁴. Понеже «Американскїй рускїй вестник» заступал проруску струю и у тим ше оглашовали емигранти угорскоґо походзеня, а «Свобода» проукраїнску, и тота полємика през прєсу достала широки розмири прето же ю нашироко интерпрєтовали и жридла информованя на других языкох у Америки и Европи, творєна слика о зраженю угорских Руснацох и Галичанох у ЗАД и Канади. Медзитим, у шорех як єдних так и других тиж не було полноґо єдинства, бо ше зявїювали струї котри цагали гу културному зєдиньованю з Русами або з Мадярами. З оглядом на

тото же ше полемика з обласци етногенези мишала зоз питаняма вирскей припадносци и же ше чежко препознавало граніци медзи німа, при америцким руским жительствоу була подобна ситуація як и при америцких Ирцох медзи 1815. и 1850. роком, або медзи америцкими Поляками и Литванцами од 1860. по 1900. рок²⁵.

Окреме мадярской политики заваждало националне єдинство угорских и галицких Руснацох. Воно гамовало запровадзованє мадяризації Руснацох, але понеже Галичина подпала под власц Австриї, а не Угорскей, насилна мадяризация так як на Угорскей Руси, у Галичини ше не могла витвориц. Прето мадярска политика потримовала проукраїнски рух на Галичини, маюци за цель угорских Руснацох спротивц Галичаном и таких, национално дезориєнтованих, легчейше подполно асимиловац. У Америки административне подзелене Австро-Угорскей не мало таке значене як у старим краю, але тиж так створена ситуація з боку австроугорскей власци на америцкей території не могла буц контролована. Указало ше же концепція о окременим руским народзе за мадяронох значи єдно, а за самих Руснацох друге; з промадярского боку на тот способ требало же би цо легчейше пришло до мадяризації Руснацох у Угорскей, а з руского похопеня того питаня моцнел рух за охрану националней свідомосци. Медзитим, и далєй ше ширела теория о националней розличносци угорских и галицких Руснацох, идеологийни зраженя медзи Руснацами поставали вше оштрейши и єднародзованє вше векше. Єднародзованє Руснацох у ЗАД и Канади у найвекшей мири було у напярме словакизації (наприклад «Американскій рускій вестник» виходзел паралелно у руским и словацким виданю), полякизації и мадяризації, односно у напярме подполного траєнєя националней свідомосци и претопоїваня до прокламованей «америцкей нації» по системи «melting pot»-а.

«Американскій рускій вестник», «Лемко» и «Восток» пєстовали стару, превозидзену теорию же Руснаци спадаю до велькей групи наволаней руски народ, гоч су окременеї националносци. Медзитим, не були цалком прорусийски ориєтовани, як цо то було зоз «Свитом», «Правду», «Карпато-русским словом» або «Карпаторусскимма отзвукками». ²⁶ Зоз проукраїнску ориєтацию поступаю «Карпатска зоря» и «Лемковски вистки». За Руснацох як окремену националносц (до конца Першей шветовой войны найчастейше наволану «Угро-Русини») закладаю ше «Американскій рускій вестник», «Русин», «Просвита», «Денщ», «Карпатска Русь» и дзепоедни церковни новини. Таке националне предзелене, же Руснаци окремена националносц, моцно потримує «Єдинене дружтвох у ЗАД», популярно наволане «Собрание». Медзитим, обставини у старим краю цали час ше одражовали и на ситуацію у Америки. У велькей мири, и попри тим же нет организова-

ней струї прихильнікох теорії же Руснаци припадаю гу Словацом, пре блізкосц языка, пре охрану од мадяризації (бо як писане у словацких новинох «Єднота» 19. априла 1899. року, «лепше буц Словак як Мадяр»), пре историйну традицию сотрудніцтва Руснацох зоз Словацями, як цо Українци своєю културни вязи углавним мали зоз Поляцями, «велі наше людзе, по приходзе до Зєдинених Державох, приключели ше гу словацким парохийом и словацким дружтвом, за кратки час забули своєю национальне походжене и постали римокатолики, цалком ше пословачели» («Американській рускій вестник», 30. марец 1899). У Канади югославянски Руснаци ше и у сучасним часе ше дзечнейше притулюю гу словацкей як гу другим церквом, виключно пре бешеду.

Павло Р. Маґочи думаня же питанє языка хтори ше хаснує у америцкей рускей преси, як и литератури²⁷, то суцносц подзеленосци медзи америцкими Руснацами. Вон замерковал же редакторе до 1940. року хасновали тоті вариянти руского языка яки вон бул хасновани и у старим краю одкаль вони сами походза, або хасновали руски бешедни язык їх штредку у Америки. По 1919. року найвецей емигрантох було зоз восточней Словацкей, та и у преси превладує язык зоз пряшовского краю. Уводженє латинского писма место кирилицы тиж дзелело читачох на групу хтора оправдовала таки крочаї, толкуюци то з потребу же би ше придобили млади генерациї котри кирилицу не знаю, и на групу котра бранела старе писмо, оправдано страхуюци же зоз пременьованьом кирилицы на латиницу нестане дезориентация чи Руснаци спадаю гу Восточним Славяном (хасную кирилицу), чи гу Заходним Славяном (хасную латиницу), и же ше поступне страци и руски язык.

Америцке руске жительство нешка слабо зна бешедовац по руски. Кед ше видвоя уселенци найновшого походзеня котри знаю бешедни або литературни язык, гевти други у розличним положеню. Медзи найстаршима по рокох ище ше затримує язык «зоз краю» и служи як язык ограніченей комуникації (у одредзених нагодох). Малди генерациї, народзени у Америки, найчастейше не знаю язык своїх родичох, або го лем розумя. Вони медзи собу найчастейше хасную анґлийски язык, язык своїх родичох хасную лем кед ше стретню на тkv. национальних сходох (културни, забавни, вирски и други стретнуца).

Було вельо пробованя зачувац руски язык у Америки. Радио-програма у Нью Йорку, Питсбургу и Кливленду медзи 1940. и 1950. роком одбувала ше часточне и на карпато-руским языку (рижни диялекти). У церкви ше тиж хасновал церковнославянски язык зоз часточним прилагодованьом на руски. Католицки семинар византийского обряду у Питсбургу и Карпато-руски ортодоксни грекокатолицки семинар у Джонстону по 1950. рок тримали окреми курси за руски язык, але без одвитующих учебнікох. Одредзени фахови приступ гу пестованю руского

язика мал Универзитет у Питсбургу 1975, 1976. и 1977. року²⁸, а Карпато-руски вигледовацки центер у Нью Джерсию видад учебнік «Бешедуйме по руски» (у подкарпатскей вариянти 1976. и у пряшовскей вариянти 1979. року).

Понеже ше медзи Американцами руского походзеня трацел мацерински язык, у преси заведзени англійски. Предносци ест у тим же руску пресу можу провадици и Американци иншого походзеня, але на тот способ пресиха важне жридо през котре ше могло уплївовац же би ше чувало мацерински язык, односно же би ше го богацело и на одредзени способ нормовало. Америцка руска преса на терашні способ пробуе уплївовац на културни, а ище вецей на церковно-друштвени живот, гоч траци воспитну функцию котра и по пейдзешати роки того вику була у узких гранїцох, але доприношела чуваню языка и преїг языка националней орієнтації. З уводзеньом англійского языка таке орієнтоване ище баржей виблядло.

За дзепоедни новини характеристичне же у поднаслове затримує старе руске мєно, але ше нешка наволує же то преса українского жителства. Окреме у Канади таке зявєнє вираженє, понеже ше до Канади населєли велї Галичанє, а вони аж по найновши часи чували свойо старе националнє мєно «Русини». Зоз такимм мєном су означовани и на англійским языку, «Ruthenians», и велї официїни документи од конца прешлого вику по конец Другей шветовой войны тото потвердзую. Наприклад, мешачни новини «Неділя», котри виходзєли у Винїпєгу 1932. року, були орган Русийского православного братства св. Якова, наменєни «религийним Русиним и Українцом у Канади», а тижньово новини «Хата» були за «руски фамєлії у Канади». Тиж так новини «Rusin - Rusin – Ruthenian» почали виходзиц у Нью Йорку и трима ше же там їх место виходзєня. Медзитим, стварни їх видаватєль бул Владислав Федїнец зоз Гамїлтону у Канади. Новини цали час виходзєли, од 1953. по 1960. рок, затримали свойо мєно и попри тим же то бул период интензивного дїйствованя проукраїнских групох котри медзи приселєнцями шїрєли теорію о злучованю Карпатянох до українскей нації, у першим шорє преїг мєняня старого руского мєна на українске.

Южнопанонска руска преса у Америки

Потамаль покля нам друковани інформації по руски доступни були лєм преїг новинох «Руске слово», Руснаци, без огляду дзе жиє по швецє, дзєчнє чєкали до рук тоту новинку. Вєц ше у Горватскей зявєл часопїс «Нова думка», та то постало ище єдно значнє жридо нашого информованя о збуваньох медзи Руснацями. У бувшей Югославії було тиж вєцєй локални (комунални) новини у хторих ше писало по руски,

або о Руснацох. Медзитим, поступне пришло до витвореня задумка о информованю за наших людзох розселених по Европи и Сиверней Америки.

Порядна преса Руснацох у Канади ма уж вецейрочну традицию. Зоз закладаньом Гавриїла Колесара як редактора и з материялну помоцу Юлиана Сабадоша, председателя, Руске дружтво Сиверней Америки 1995. року почало видавац свою новинку «Гласнік». То бул перши руски маґазин за виселенцох (од 17. числа редактор Лю. Медеши).

По углядзе на Руснацох у Канади и ЗАД, у Руско-Немецким дружтве приятельства у Немецкей 1997. року пришло ше на идею о видаваню новинкох того Дружтва. По задумки и на закладане тедишнього председателя Дружтва, др. Силвестера Кухара зоз Минхену, видате єдине число новинки «Руска потїха» (редактор Лю. Медеши). Зоз пременку руководства Дружтва, знова ше 1992. року зявела руска новинка, але тераз под назву «Rusnaci-Rutneni» - Културно информативни маґазин.

У Америки ше не остало лем на єдней новинки. З цильом же би ше обезпечело даяке виданє за шицких Руснацох южнопанонского походзєня, без огляду дзе ширцом жию, Г. Колесар почал видавац маґазин под назву «Руснаци у швецє». Розлика помедзи тима двома виданями постой: «Гласнік» унапрямени на виселєнїцки теми, а «Руснаци у швецє» информує о руским живоце вообщє.

ПРИЛОГ 1

АМЕРИЦКА РУСКА ПРЕСА У ЗЄДИНСНИХ АМЕРИЦКИХ ДЕРЖАВОХ*

1. АМЕРИКА
Shependeca, PA 1886-1890
2. АМЕРИКАНСКИ РУССКИЙ СОКОЛ
Homestead, Philadelphia, 1914-1936
(тижньовнік)
3. АМЕРИКАНСКІЙ РУССКІЙ ВЕСТНИК
Mahonoy City, Scranton, PA, New York, NY, Pittsburgh, Homestead PO, 1892-1952
(тижньовнік)
4. THE BYZANTINE CATHOLIC WORLD
Pittsburgh, PA, 1956 – до тераз
(тижньовнік)

5. ВІСТНИК
McKees Rocks, PA, 1936-1955
(тижньовнік)
6. VOSTOK
Preth Amboy, NY, 1919-1950
(двотижньовнік, мешачнік)
7. ВОЖДЬ
Lakewood, OH, 1929-1930
(мешачнік)
8. ГОЛОС ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ
Perth Amboy, NJ, 1941-1945
(мешачнік)
9. GREEK CATHOLIC UNION MESSENGER
Homestead, PA, 1953 – до teraz
(тижньовнік)
10. ДЕНЬ
New York, NY, 1922-1926
(дньовнік, тижньовнік)
11. EASTERN CATHOLIC LIFE
Passaic, NJ, 1965 – до teraz
(тижньовнік)
12. THE EASTERN OBSERVER
Homestead, PA, 1942-1943
(двотижньовнік)
13. КАРПАТОРУССКІЕ НОВОСТИ
New York, NY, 1943-1945
(мешачнік, двомешачнік)
14. КАРПАТО-РУССКОЕ СЛОВО
New York, NY, 1935-1938
(двомешачнік)
15. КАРПАТСКА РУСЬ
Yonkers, NJ, 1937 – до teraz
(тижньовнік)
16. КАРПАТСЬКА СНЧ
Toronto, Canada, 1950 – до teraz
(непорядне виходзи)

17. КАРПАТСКА ЗОРЯ
(New York, NY, 1951-1952)
(мешачнік)

18. ЛЕМКО
Philadelphia, PA, Cleveland, OH, New York, NY, 1928-1936
(мешачнік – тижньовнік)

19. ЛЕМКОВИНА
Yonkers, NY, 1971-1981 (?)

20. ЛЕМКОВЩИНА
New York, NY, 1922-1923

21. ЛЕМКИВЩИНА
New York, NY, 1979 – до teraz

22. ЛЕМКОВСКИЙ ДЗВІН
New York, NY, 1936-1940

23. ЛЕМКОВСЬКИ ВІСТІ
Yonkers, NY, Toronto, Canada 1958 – до teraz

24. НАРОДНА ОДБРАНА
Homestead, PA, 1917
(тижньовнік)

25. THE ORTODOX CHURCH
Syosset, NY, 1965 – до teraz

26. THE ORTODOX HERALD
San Antonio, Texas, 1952 – до teraz

27. ПРАВДА
New York, NY, Olyphant, PA, 1902 – до teraz
(двотижньовнік, тижньовнік, мешачнік)

28. ПРАВОСЛАВИЕ
Nicholson, PA, 1941
(мешачнік)

29. ПРАВОСЛАВНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ВЕСТНИКЪ
new York, NY, 1896-1970 (?)
(полумешачнік)

30. ПРАВОСЛАВНЫЙ РУССКИЙ ВЕСТНИК
Монессен, PA, 1915-1917

31. ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ
New York, NY, 1914-1924(?)
(тижньовнік, полутижньовнік)

32. РУСИНЬ
Philadelphia, Pittsburgh, PA, 1910-1916
(тижньовнік)

33. RUSIN – РУСИН – RUTHENIAN
New York, NY, 1952-1960
(непорядне виходзи)

34. РУССКИЙ ВЕСТНИКЪ
Pittsburgh, PA, 1917 – до teraz
(тижньовнік, двомешачнік)

35. СВІТ
Wilkes – Barre, PA, 1894 до teraz
(тижньовнік, мешачнік, двомешачнік)

36. СВОБОДА
New York, NY, 1944
(тижньовнік)

37. СВОБОДНЕ СЛОВОКАРПАТСКОЙ РУСИ
Newark, NY, Mont Vernon, NY, 1959
(мешачнік)

38. HORIZONS
Parma, Ohio, 1979 – до teraz

ПРИЛОГ II

АМЕРИЦКА ПРЕСА У КАНАДИ

1. БУКОВИНА
Winnipeg, MEN, 1920-1921
(двомешачнік, орган Буковинської організації у Канади у ЗАД)

2. ВУРА
Winnipeg, MEN, 1935
(мешачнік, орган Русского православного братства)

3. ВОЛЯ НАРОДА

Winnipeg, MEN, 1921

(двотижньовник, орган Лиги за ошлебодзене Карпатской Руси)

4. ГЛАСНИК

Kichener, ON, 1995 – до тепер

(звычайно 1 – 3 числа рочне)

5. THE CARPATHIAN

Pittsburgh, PA, 1941-1943

(мешачник)

6. ГОЛОС КАРПАТ

Toronto, ONT, 1932-1933

(мешачник за «жителство зоз Карпатских горох»)

7. ДРУГ НАРОДА

Edmonton, AL, 1926-1930

(мешачник за православних русофилох)

8. КАДИЛО

Winnipeg, MEN, Vanconner, BC, Toronto, ONT, 1913-1918

(гумористични часопис)

9. КАНАДА

Winnipeg, MEN, 1913-1915

(тижньовник)

10. КАНАДИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Winnipeg, MEN, 1916-1917

(двотижньовник за православних русофилох)

11. КАНАДИЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Winnipeg, MEN, 1921-1930

(тижньовник, орган Православней церкви у Канади)

12. НЕДЛЯ

Winnipeg, MEN, 1932-1933

(мешачник, орган Руского православного братства, «спрам того за религиозных Русинов и Украинцох у Канади»)

13. НОВИЙ КРАЙ

Rosthern, Sask, 1910-1913

(тромешачник, «новини за агрикултуру и науку Рускей фармерскей организации у Канади»)

14. ПРАВДА НАРОДА
Edmonton, AL, 1929
(мешачнік за православних)
15. РАНОК
Winnipeg, MEN, 1905-1920
(мешачнік «за руских людзох, познейше Украінцох у Канади»)
16. РУСЬ
Regina, SA, 1935
(мешачнік «за 500.000 русийских читачох у Канади и ЗАД»)
17. РУСНАЦИ У ШВЕЦЕ
Kichener, ON, 2002 – по тєраз
(3-4 числа до рока)
18. РУССКИЙ ГОЛОС
Edmonton, AL, 1913-1916
(тижньовнік, орган Русскей националней організації)
19. CARPATHO-RUSSIAN ECHOES – КАРПАТОРУССКІЕ ОТЗВУКИ –
KARPATORUSSKİJE OTZVUKI
Fort. Landevdale, Florida, 1983
(мешачнік)
20. ЦЕРКОВНИЙ ВІСТНИК
Pemberton, NJ, 1944 – до тєраз
(двомешачнік)
21. ФАРМЕНСКЕ СЛОВО
Edmonton, Ah, 1921
(тижньовнік, орган зєдинєних фармерох у Алберти)
22. ХАТА
Winnipeg, MEN, 1912.
(нєрегуларни мешачнік «за руски фамелії у Канади»)

***Толкованя скрацєньох**

- AL – Alberta (Алберта, провинция у Канади)
BC – British Columbia (Британска Колумбия, провинция у Канади)
MEN – Manitoba (Манитоба, провинция у Канади)
NJ – New Jersey (Ню Джерси, держава у Зєдинєних Америкских Державох)
OH – Ohio (Огайо, держава у ЗАД)

ONT – Ontario (Онтарио, провінція у Канади)
PA – Pennsylvania (Пенсильванія, держава у Канади)
SASK – Saskatchewan (Саскачеван – провінція у Канади)
NY – New York (Нью Йорк, держава у ЗАД)

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *P. R. Magocsi, Our people Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America, Toronto 1985, б. 15:* «Мадярська статистика указує же медзи 1899. и 1919. роком 54.288 Карпато-Руснаци напушели Угорску Кральовину, але у тим чишле не облапени и тоти котри ше илегално висельовали (окреме у чаше кед власц бранела емигранце), а тиж так тоти жридла не указую яке ше число врацело назад. Америцки жридла тиж не од велькей помощи пре два причини: 1) пред 1899. роком новоприселенци були пописани лем спрам жеми або обласци походзеня, не по националности; и 2) покля ше хасновала назва “Руснак” не могло ше знац хто походзи зоз карпатского региону, а хто зоз Галичини и Буковини, т.е. зоз жителства котре по 1914. рок тиж так було познате як Русини, але ше понейше декларує як Українці. Конечно, карпато-руски емигранти идентификували ше зоз державу з котрей походзели (Угорска, “Австрия”, Чехословацка, Польска), зоз сушедну националносту (Словак, “Чехословак”, Мадяр, Рус, Поляк або Українець), або просто як “Славяне”. Результат того то же ест числени статистични противсловности. Наприклад, беруци до огляду податки Комесарията за емиграцию Зединених Державох, 259.969 Руснаци допутовали до Зединених Державох медзи 1899. и 1915. роком. Од тих, коло 17%, або 44.194 ше врацели до старого краю, а 215.775 остали. Медзитим, попис зоз 1920. року у Зединених Державох облапел лем 95.458 Руснацох, уключуюци и приселенцох и їх потомкох. Кед ше гу тому числу зоз 1920. року дода и Русох и “Славянох” зоз Австро-Угорскей (велі зоз ніх Карпато-Руснаци), собир ище вше лем 141.681. Беруци звит попису зоз 1930. року (кед була видвоєна окремна рубрика “Українці”, а вихабена рубрика “Славяне”), вкупне число емигрантох Руснацох лем 9.800. Кед гу тому додаме число Українцох и “Русох” народзених у Польскей, Чехословацкей и Австриї, сума виноши 108.130, цо значи, меней як звит зоз 1920. року и виноши лем два пиятини од вкупного числа зазначених приселенцох до тей жеми медзи 1899. и 1915. роком.

Конечно, у подполним попису у Зединених Державох 1980. року, податки були так компоновани же би ше могло знац етнічну опредзеленост або походзене пицких Американцох, без огляду на место народзєня. Кажда особа могла вибрац єден або вецей одвити о походзєню и вецей як 83% Американцох ше виашнєло за даєдну националност. Медзитим, лем 8.485 особи ше виашнєли як Руснаци. Цо ше дотика виашнєних як Русини - число непознате, бо вони (ведно з Русами, Грузийцями, Азербеджанами, рускими Жидами и другима) подведзени под категорию “Руси и национално неклассификовани”. Така нешєшлїва класификация була направена и попри тим же у упутстве за попис точно наведзєне же “Русин, нешка, часто категоризовани у зродней групи Рутени”. Попри

незадовольноюю класификації яку направел Биро за попис, тиж так велі Руснаци Американци, ише вше не сиурни до свойого походзеня, вияшнели ше як “Славяне”, а таких вияшнених було 1980. року 172.696.

Спрам того, статистични податки, як европски так и америцки, и нешка мало хасновити за того хто сце утвердзиц число Карпато-Русинох у Зединених Державох. Прето ше муши мац у оглядзе виродостойнейши податки за Карпато-Русинох котри ше приселели до Зединених Державох, а находза ше на списку членства церковних и дружтвених организацийох, котри у веліх случайох облапал и место народзеня емигранта. Цо ше дотика числа першей генерації емигрантох и ей другей, трецей, штвартей и пиятей генерації потомкох (котри конечно по походзеню Карпато-Русини), значне же би у попису 1990. року Биро за попис у Зединених Державох почитовал власне чувство Русинох и Руснацох (так исто Карпато-Русинох, Лемкох, Византийцох), под єдну рубрику».

2. *P. R. Magocsi*, б. 13.

3. За бліжше упознаване з историйну прешлосцу и культурними обставинами Руснацох у Америци треба опатриц: *P. R. Magocsi*, *Our People > Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America*, Toronto 1985. *P. R. Magocsi*, *Carpatho-Rusyns*, *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*, Cambridge, Mass. 1980, б. 200-210. *W. C. Warzeski*, *the Rusin Community in Pennsylvania, the Ethnic Experience in Pennsylvania*, Lewisburg, Pa. 1973, б. 175-215. *A. Pekar*, *historical Background of the Carpatho-ruthenians in America*. Український історик, 49-52, 53-54, Нью Йорк – Торонто – Мюнхен 1976, 1977, б. 82-102, 70-84.

4. О насельованю Карпатянох до канади опатриц: *V. Kaye*, *Early Ukrainian Settlements in Canada, 1895-199: Of Josef Oleskiw's Role in the Settlement of the Canadian Northwest*, Toronto 1864; *Z. Keywan*, *Ukrainian Pioneer Settlement in Canada*, Montreal 1977; *Ch. Young*, *Ukrainian Canadians: A Study in Assimilation*, Toronto 1931; *V. Lysenko*, *Men in Sheepskin Coats: A Study in Assimilation*, Toronto 1947. Авторе начишлених публикацийох хасную назву, етнічне мено «Українці», а у дзепедних случайох пробую потолковац же у питаню тиж жительство котре приходзи до Канади ношело мено «Руснаци», «Русини». У канадских документох аж до конца Першей шветовой войны Карпатяне наволовани «Руснаци» (опатриц документ о виплацованю за окончену роботу зоз 1897. року, обявени у книжки *Владимира Касва*: *Early Ukrainian Settlements in Canada 1895-1900*, Toronto 1964.

5. *M. Mayer*, *Karpatikran (Ruszin) politikai és társadalmi törtérvések 1860-1910*, Budapest 1977, б. 169-204.

6. *S. Viatov*, *Narodnosti Otazka v Uhrah*, Brno 1913, б. 28.

7. *A. Baran*, *Carpatho-Ukrainian (Ruthenian) emigration 1870-1914, New Soil – Old Roots. The Ukrainian Experience in Canada*. Winnipeg 1983, б. 252-275.

8. *T. Morgan*, *Tijumf zdruhenih tradicija. Useljneniki u Ameriku, «Pregled» – izdanje Ambasade SAD u Beogradu*, broj 209, str. 5-7.

9. При югославянских Руснацох характеристични два споминаня (илустрації) о велькей заступеносци руского жительство у Сиверней Америки. Перше ше одноши на єдну жену з Руского Керестура, котра без знаня даякого другого языка окрем руского, пошла погледац свойого мужа до Америки, заробела пенєжи тримаюци на косту векше число роботнікох, тиж ше зоз німа спорозу-

мюючи лем по руски, и шешліво ше з мужем врацела дому. Друге приповедане о Руснакови котри пошол до Америки опатриц свою родзину, а понеже не знал лем руски язык, по руски ше вшадзи шмело и отворено виказовал покля му еден цалком млади непознати чловек у гайзибану не указал же и вон Руснак и же, год є Американец, зна по руски, та и добре розуми його неприкладни слова.

10. Прегляд преси америсцких Руснацох у ЗАД и Канади дати у прилогу I и II зробени спрам роботох Франка Реєнковича (*A buide to Newspapers and Periodicals, the Carpatho-Ruthenian Microfilm project, Minesota 1979*). *Francis Sviripovej* (Gnide to Ukrainian Newspspers, Perodicals and Calendar – Almanacs 1903-1970, Canadian Institute of Ukrainian Studies, The University of Alberta, Edmonton 1985) и *Pavla R. Magocsija* (*The Carpatho-Rusyn Press, The Ethnic Press in United States, Westport, Conn. 1986, б. 15-26*) и по часточним власним увиду.

11. О розвою питаня литературного языка подкарпатских Руснацох опатриц: П. Магочи, Питанє языка медзи подкарпатским Русинами, «Творчосц», 10, Нови Сад 1984, 6-22 и *М. Штеуць*, Літературна мова українців Закарпаття і східної словащини (після 1918), Педагогічних збірник, 1, Братіслава 1969.

12. *C. E. Bidwell*, *The Language of Carpatho-Ruthenian Publications in America*, Pittsburgh, Pa. 1971, б. 4-6.

J. M. Evans, *Guide to the Amerikansky Russky Viestnik, Volume I: 1894-1914*, Fairview, N. J. 1979, б. 4-6.

13. *P. R. Magocsi*, *The Carpatho-Rusyn Press*, б. 22.

14. *C. E. Bidwell*, б. 29.

15. *P. R. Magocsi*, *Rusyn-American Etnic Literature, Rtnic Literatures Since 1776: The Manu Voices of America, II*, Lubbock, Texas 1978, б. 503-520.

16. Поглаварство Католицкей церкви, Святы престол у Риме, руске жительство у ЗАД и Канади наволоало «Руснаци греческого обряду котри пришли зоз Подкарпатя» або «католики русского обряду котри пришли зоз Подкарпатя», а у согласности зоз рішеньом Синоду владикох Византийскей католицкей угорскей церкви у бечу 1773. року ше тота церква будзе урядово наволоац «Греко-католицка церква» и ей припадники «грекокатолики». Поступне ше Руснаци почали идентификовац у вирским поглядзе як «Руснаци византийски католики» або лем «Руснаци католики». Свою церкву Руснаци наволоу «руска церква», а католицку наволоу «мадярска» або «словацка». (Опатриц: **А. Pekar**, *Historical Backgrand of the Carpatho-Ruthenians in America*, український історик, журнал Українського історийного товариства, 1-4 (49-52, Нью Йорк – Торонто – Мюнхен 1976, б. 91).

17. Документи о ескоммуниковању Грекокатолицкого русского дружтва и новинох «Американский русский весник» у далосци обявел Я. Сливка: *Historical Mirror. Sources of Rusin and Hungarian Grek Rite Catholics in the United States of America 1884-1963*. New York 1978, б. 284-285.

18. Опатриц, наприклад, «Американскій русскій вестник», 36 по 45, од 23. септембра по 25. новембер 1897. року и «Русин», 15. децембра 1910.

19. О подзелености грекокатолицкого русского священства у Америки опатриц: **А. Pekar**, *Historical Backgrand of the Carpatho-Ruthenians in America*, Украї-

нський історик, журнал Українського історичного товариства, 1-4 (53-54, Нью Йорк – Торонто – Мюнхен 1977, б. 70-81)

20. *A. Simirenko*, Pilgrims, Colonists and frontiersmen, New York 1964, б. 96.

21. *A. Simirenko*, б. 96.

22. *P. R. Magocsi*, Carpatho-Rusyns, Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups (cenapamy), Massachusetts and London 1980, б. 19.

23. *A. Pekar*, б. 96-102.

24. *B. P. Procko*, Ukrainian Catholics in America, Washington 1982, б. 10.

25. *B. P. Procko*, б. 9.

26. Як приклад русифікації може похасновац пракса у «Карпаторусских отзвуках». У тих новинах, число 10, октобра 1986. року, почала виходити стаття «о наших людзох у нешкайшей Мадярскей», а написана є переважно по драгопису Й. Сегедия, обявеного у Християнским календаре. Попри ортографії, русифікація тексту зробена и у лексикі: «У беседе з тима людзми дознаваме, же стари свадзєбни обичаї у Мучоноу були исти як и у нас у бачкей: свадзба, питанки, старостове, видавач, свашки, дружбове, друшки, заставник, придани. Винчане и ту волаю пришага...»

«До 1925. року служели им богослужєня по старославянски. Од теди служба по мадярски. Але старши ище знаю на старославянскей Служби шпивац и одвитовац.» (Й. Сегеди, У краю своїх предкох, Християнски календар 1977, Руски Керестур 1976, б. 81, 83).

«У беседе з тима людзми ше дознаваме же стари свадзєбни обочаї були сти як у нас у Бачкей: свадзба, питанки, старостове, видавач, свашки, дружбове, дружки, заставник, придани. Винчане и ту волаю пришага... До 1925. року служели и богослужєня по руски (славянски). Од теди служба по мадярски. Але стари ище знаю по руски (славянски) Служби шпивац и одвитовац.»

(Нашь народь вь теперешнемь Вєтрий Carpatho-Russian Echoes – Карпаторусские отзвуки – Karpatorusskije otzvuki, IV, 11, Port Landevdale 1987, б. 6, 7).

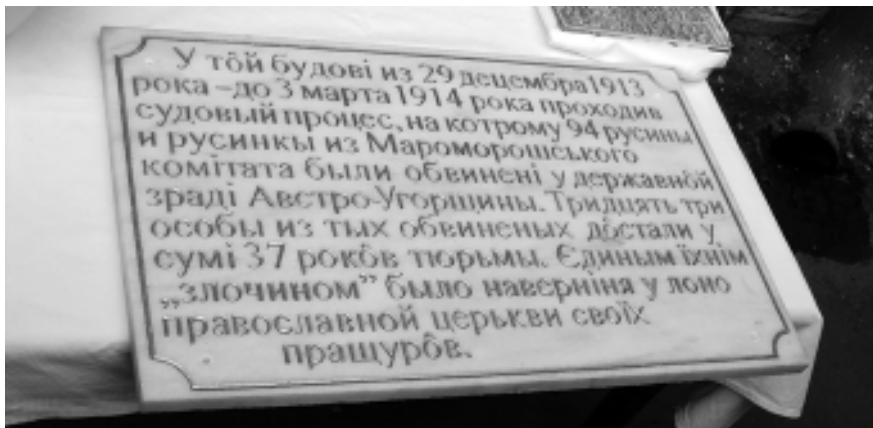
27. *П. Маточи*, Карпато-Русини у Америки, «Нова думка», 22, Вуковар 1979, б. 71-72.

28. *P. R. Magocsi*, Carpatho-Rusyns, б. 17.

**Официальный сайт депутата
Государственной Думы России
Андрея Николаевича
САВЕЛЬЕВА:**

<http://www.savelev.ru>

РУСИНЫ ВСЕХ СТРАН ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

21-24 июня 2007 г. в Сигете (Румыния) прошел IX Всемирный конгресс русинов. Впервые в его работе приняли участие представители русинов Молдавии. Место проведения конгресса выбрано не случайно. В 1904 и 1913-1914 гг. в Сигете, который тогда находился в составе Австро-Венгрии, прошли первые массовые судебные процессы над русинами. В 1913-1914 гг. австро-венгерские власти судили 94 крестьян-русинов только за то, что они перешли в православие. В марте 1914 г. был вынесен приговор 32 обвиняемым. Их приговорили в общей сложности к 39,5 годам тюремного заключения. В память об этом в дни проведения конгресса состоялось освящение мемориальной доски.

Мы попросили рассказать о прошедшем русинском форуме руководителя этнокультурной организации русинов Молдавии, президента Общественной организации «Русь» Сергея Суляка. Кстати, в конце февраля Сергей защитил кандидатскую степень в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Это была первая в мире диссертация по истории русинов, и посвящена она была русинам Молдавии.

- Я был приглашен на конгресс в качестве личного гостя председателя Всемирного Совета русинов, профессора Торонтского университета, члена Канадской Королевской Академии наук Павла Роберта Магочия. До этого я был знаком с господином профессором только по

переписке. В ходе конгресса мне довелось довольно долго общаться с господином Магочием. Он действительно неординарная личность, во многом благодаря его энтузиазму был образован Всемирный Совет русинов и раз в два года проводятся Всемирные конгрессы. Во время наших встреч я выразил наше желание вступить во Всемирную русинскую организацию и пригласил Павла Роберта Магочия к нам в гости.

Приятно было встретить на конгрессе многих старых друзей-русинов, собравшихся в румынском городе Сигете из разных стран: Румынии, Польши, Словакии, Венгрии, Сербии, Украины (Закарпаття), США, России. Среди них и члены редколлегии международного исторического журнала «Русин», который мы выпускаем в Кишиневе: о. Димитрий Сидор, Дмитрий Поп, Михаил Алмаший, Михаил Шарга, Валерий Падык (Украина), Мирослав Силадий (Сербия), Анна Плишкова (Словакия), Михаил Дронов (Россия). Немало дискуссий было проведено и с другими известными представителями научной общественности: доктором Оленой Дуц-Файфер (Краковский университет, Польша), профессором Коннектикутского государственного университета профессором Полем Бестом (США) и многими другими.

Наши румынские братья-русины: депутат румынского парламента, председатель Культурного Союза русинов Румынии доктор Георгий Фирцак, активисты русинского движения Румынии Франциск Оскар Галл, о. Василий Бойчук и многие другие постарались, чтобы конгресс прошел на высоком уровне.

В рамках конгресса, помимо официальной части, было проведено несколько презентаций научных и художественных книг, в том числе и книги профессора Павла Роберта Магочия «Народ нивыдки. Ллустрована історія карпаторусинов», организовано посещение четырех русинских сел, где нам удалось побеседовать с местными жителями, сохранившими многие обычаи и, главное, язык предков. Также работали пять секций: культурная и историческая, литературная и публицистическая, конфессиональная, образовательная, экономическая.

Я принял участие в работе культурной и исторической секции. Было чем поделиться с коллегами: за эти годы благодаря деятельности Общественной организации «Русь» началась разработка истории русинов Молдавии, этнонимы русин (руснак) возвратились не только в научный оборот, но и в массовое сознание. Это во многом благодаря и средствам массовой информации, которые широко освещали проводимые нами мероприятия. За два года мы организовали четыре международных научные конференции по истории нашего края, где затрагивалась и история русинов Молдавии. 14-15 июня 2007 г. Общественная организация «Русь» совместно с Академией наук Молдовы прове-

ла международную научно-практическую конференцию «Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии».

В последний день работы конгресса состоялся концерт русинских коллективов. Перед нами выступали русинские художественные и танцевальные коллективы из Нового Сада (Сербия), Хорватии, Словакии, Украины, Румынии.

Конгресс показал, что русинское движение уже давно переросло из кружка нескольких десятков интеллигентов, пытавшихся сохранить историю, культуру и язык своего народа (именно таким представлялось русинское движение в конце 90-х годов прошлого столетия), в действительно массовое движение. Сегодня русины как национальное меньшинство признаны почти во всех странах проживания: в Польше, Венгрии, Румынии, Сербии, Словакии, Хорватии. 7 марта 2007 г. сессия Областной Рады Закарпатья приняла решение о признании русинов коренной национальностью края.

История современного русинского возрождения показывает, что сохранение этнокультурной самобытности в условиях демократической Европы - задача вполне решаемая. А наши постоянные встречи способствуют не только активизации международного русинского движения и научных разработок, но и обмену опытом, накопленным нашими странами. К примеру, в Румынии все национальные меньшинства представлены в парламенте страны, и их официально признанные организации получают государственные дотации. В Венгрии много лет действует местное самоуправление для нацменьшинств, которому государство выделяет немалые суммы для проведения различных этнокультурных мероприятий, выпуска книг и периодики. Этот опыт, несомненно, может быть применим и в нашей республике.

Подготовил Юрий ИВАНОВ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромочевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

АНИКИН Владимир (Молдавия). Родился в 1939 г. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1969). В 1973 г. стал кандидатом, в 2003 г. - доктором хабилитат политологии. В настоящее время - ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы, доцент. Автор четырех монографий, в том числе «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние и перспектива (политологический аспект)» (Кишинев, 2002) и более 100 научных статей, свыше 200 публицистических материалов. Специалист в вопросах истории Бессарабии (XIX в.), международных отношений, развития гражданского общества в Республике Молдова.

АНТИПОВА Светлана (Молдавия). Родилась в 1975 г. Закончила филологический факультет Тираспольского университета по специальности "Русский язык и литература". Работает школьным учителем в селе Семеновка. В 2007 г. закончила магистратуру по специальности в Славянском университете РМ.

БУЛГАР Степан (Молдавия). Родился в 1953 г. Историк, писатель. Окончил исторический факультет Кишиневского госуниверситета (1982 г.). Автор книг «Жан пазары» (исторические очерки), 1988 г., «Гагаузские судьбы» (очерки), 2003 г. и др. Подготовил к переизданию труды В.А. Мошкова (2004 г.), Д. Чакира, протоиерея М. Чакира, М.М. Чакира (2005 г.). Автор и научный редактор книг «История и культура гагаузов» (2006 г.), «Первый Всемирный конгресс гагаузов» (2006 г.). Автор ряда книг на гагаузском языке. Опубликовал более сотни статей по гагаузской тематике.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ГУБОГЛО Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003). Руководитель Центра по изучению межэтнических отношений, автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященные про-

блемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии журнала «Русин».

ЗАЙКОВСКАЯ Татьяна (Молдавия). Родилась в 1957 г. Доктор филологии, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Специалист в области русской и болгарской филологии. Закончила Софийский госуниверситет «Климент Охридски» (факультет славянских филологий, специальность «Болгарский язык и литература») и Кишиневский госуниверситет (филологический факультет, специальность «Русский язык и литература»). Защитила докторскую диссертацию в Институте русского языка (РАН, Москва) по проблематике молодежной речи (1994).

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русинист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII и VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ИВАНОВ Юрий (Молдавия). Родился в 1962 г. Закончил Кишиневский политехнический институт по специальности «Инженер-системщик АСУ», факультет общественных профессий по специальности «Политолог». Депутат Рышканского районного Совета, советник примэрии с. Нагоряны. С 2004 г. председатель Рышканского филиала Общественной организации «Русь».

КИБЛИК Наталья. Родилась в Кишиневе в 1976 г. Окончила Кишиневский государственный педагогический университет им. И. Крянгэ по специальности «Русский язык и литература». В настоящее время – слушатель магистратуры при кафедре славянской филологии Славянского университета Республики Молдова.

МЕДЕШИ Любомир (Канада). Родился в 1947 г. Этнолог. Закончил философский факультет Белградского университета. Работал в Воеводинском музее. Один из основателей Общества фольклористов Воеводины. Со второй половины 1960-х годов участвовал в культурной и общественной жизни русинов Воеводины (Сербия). Был сопредседателем фестиваля культуры «Червена ружа», директором издательского центра «Руске слово», председателем «Дружтва за руски язык и литературу», председателем «Рускей матки» и одним из организаторов Всемирного конгресса русинов, одним из инициаторов создания «Руского дружтва Сиверней Америки» и «Саскачеванского дружтва русской култури». С 1992 г. живет в Канаде. Пропагандирует русинскую культуру и язык среди канадцев русинского происхождения.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского педагогического государственного университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, про-

исхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Занимается научно-исследовательской и общественно-политической деятельностью. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падьяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПИВОВАР Игорь (Молдавия). Родился в 1979 году. Окончил Молдавский государственный университет, юридический факультет (2001 г.), Академию публичного управления при Президенте Республики Молдова (2006 г.). С 2001 по 2007 гг. работал в Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, с 2004 по 2007 гг. руководил Управлением национальных меньшинств, межэтнических отношений и функционирования языков. Участвовал в разработке Национального плана действий в области прав человека на 2004–2008 гг., Концепции национальной политики Республики Молдова, Плана действий Республики Молдова – Европейский Союз, Плана действий по поддержке цыган/ромов Республики Молдова на 2007-2010 гг., других законодательных и нормативных актов. С 2007 г. – председатель общественного объединения Центр межэтнических исследований Республики Молдова. Автор ряда статей по вопросам правового регулирования межэтнических отношений.

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.И. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинкы». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ПОЖАР Сергей (Молдавия). Родился в 1961 г. Выпускник музыкального училища имени Шт. Няги, Молдавской Государственной консерватории имени Г. Музическу, Университета марксизма-ленинизма (факультет этики и эстетики). Музыковед, журналист, композитор, лектор. Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин и фортепиано Школы искусств имени В.Полякова. Автор монографической серии «Гордость музыкальной Молдовы», нотных альбомов, книги «История музыкального Кишинева» (2006). Опубликовал свыше 1500 газетных и 150 журнальных материалов, научные и энциклопедические статьи. Член Союза композиторов и музыковедов, Союза музыкальных деятелей, Союза журналистов, Союза театральных деятелей Молдовы.

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности «Чешский язык и литература». Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачево», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного журнала «Русин».

РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Граматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного журнала «Русин».

РАБИНОВИЧ Роман (Молдавия). Родился в 1962 г. Доктор истории. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета и аспирантуру Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). В 1979-1998 гг. сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. С 1998 г. заведующий кафедрой истории материальной культуры университета Высшая антропологическая школа (ВАШ) (Молдавия), с 2003 г. проректор по науке ВАШ. В настоящее время и.о. ректора. Редактор-координатор издаваемого ВАШ международного научного журнала «Stratum Plus». Автор более 30 научных работ.

РОМАНЧУК Алексей. Родился в 1975 г. Закончил Молдавский госуниверситет в 1997 г. С 1999 г. – преподаватель университета Высшая антропологическая школа, с 2005 г. – старший преподаватель. В 2004 г. организовал исследовательский центр «Fun Anthropology» (www.moldo.org). Автор монографии, посвященной генезису культур орнаментированного гальштата Балкан и более трех десятков статей по археологии.

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор хабилитат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета Высшая антропологическая школа (Молдавия). Член редколлегии международного журнала «Русин».

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православно-общинной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнська родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журнали-

стов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов». Член редколлегии международного журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Рускей фондацији», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного журнала «Русин».

СИМЕОНОВ Иван (Болгария). Родился в 1950 г. Доктор филологии. В 1981 г. закончил Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского по специальности “Болгарская филология”. Работает преподавателем болгарской литературы в филиале Пловдивского университета в г. Пазарджик. С 25 октября 2006 г. командирован Министерством образования и наук Республики Болгария в Тараклийский государственный университет, где читает лекции по болгарской литературе. Он является автором шести монографий в области истории болгарской литературы, теории литературы и методики преподавания. Также опубликовал 15 докладов с научных конференций и более 100 статей в периодичной печати.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. Доктор истории. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент общественной организации «Русь». Защитил кандидатскую степень по теме «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (февраль 2007 г.). Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных публикаций по истории и культуре русинов Молдавии. Главный редактор международного журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 г. и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ТУДОСЕ Вера (Молдавия). Родилась в 1947 г. Закончила филологический факультет Кишиневского государственного педагогического института им. И. Крянгэ по специальности “Русский язык и литература”, работала в школе. С 1977 г. - ассистент кафедры русского языка КГПИ им. И. Крянгэ. В 1987 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук в Москве, в 1991 г. ей было присвоено ученое звание доцента. С 2004 г. - декан гуманитарного факультета Славянского университета Республики Молдова. Автор бо-

лее сорока научных статей по теории и истории лингвистики, методике преподавания русского языка.

Прот. Николай ФЛОРИНСКИЙ (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию. В 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в конце XIX - начале XX в. После окончания университета 30 лет работает учителем. Из них 18 лет - в психиатрическом отделе больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собирает материалы по русинистике. Член редколлегии международного журнала «Русин».

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, зав. отделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977 г.). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов.

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унитар-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 150 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны и молдавской этнокультурной идентичности. Заместитель главного редактора международного журнала «Русин».

ЮРАСОВ Михаил (Россия). Родился в 1959 г. В 1979 г. закончил Архангельское мореходное училище. До 1981 г. работал матросом Северного морского пароходства, затем помощником машиниста на электропоездах локомотивного депо "Домодедово". В 1989 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета, в 1994 г. - аспирантуру Института российской истории РАН. В 1994-1999 гг. преподавал в РГГУ, с 1999 г. - старший научный сотрудник РАН. Кандидат исторических наук. Автор 36 опубликованных работ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2007, № 2 (8)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2007. - 192 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 23.08.2007. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 300 экз.
Заказ 115.

Отпечатано в типографии «ELENA-V.I.»:
г. Кишинев, ул. Академическая, 3

Краса Карпат

Михайло Бабидорич

Свуй голос даву я
На захист природи,
Бо син я природи,
Бо осин я Карпат
І русин я давній
Од няня і діда

Свуй голос даву я
За гори зелені,
За звори глибокі,
За велетні дуби,
За праліси бука,
Смереки стрункі
І граби круті,

Чорно-біли берези,
Врожайну ліщину,
Хащі кущів,
Цілющі трави,
Потячі пісні,
Звірів Карпат,

Сім'ю і родину,
Струмочки грайливі
І ріки бурхливі
Карпат золотих
Я свуй голос даву
І для сього живу

4 вересня 2006 р.

Бабидорич Михайл родился в 1952 г. В 1975 г. закончил биологический факультет Ужгородского госуниверситета. В 1982 г. – аспирантуру в Институте зоологии АН Украины. Работал продавцом, завклубом, агрономом, учителем, научным сотрудником. В настоящее время старший научный сотрудник Закарпатского института АПП УААН. Автор 162 научных работ, 8 монографий, 3 поэтических сборников, 64 научно-популярных и публицистических статей, имеет 2 авторских свидетельства и патенты Украины. В 2005 г. на Всеукраинском съезде русинов избран заместителем председателя Народной Рады русинов Закарпатья, а в 2006 г. – членом правления отделения русинских писателей Закарпатья.

